

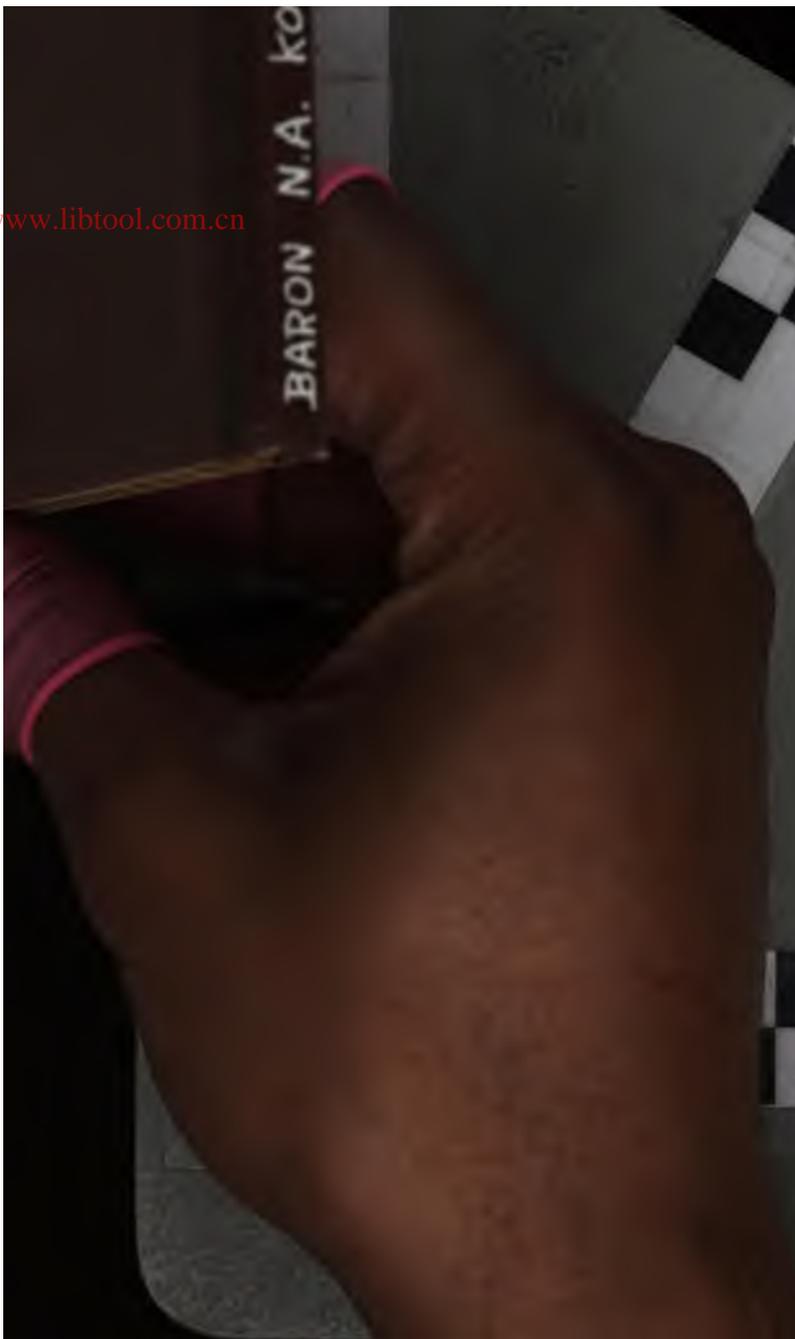
www.libtool.com.cn

X 188 K62P4

www.libtool.com.cn

BARON N.A. KO

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

Peskovskii, M. L.
ЖИЗНЬ ЗАМЪЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

www.libtool.com.cn

АРОНЪ Н. А. КОРФЪ

О ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЪЯТЕЛЬНОСТЬ

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. Л. Песковскаго.

Съ портретами Н. Корфа, гравированными въ Петербургѣ К. Адтомъ.

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія и хромодитографія П. П. Сойкина, Стремлянная. 12
1893

TK

F0274

www.libtool.com.cn

DK188

K62P4

Доводено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Сентября 1893 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
Предисловіе	5
I. Раннее дѣтство	11
II. Школьные годы	16
III. Лицей	21
IV. Въ деревнѣ и на земской службѣ.	28
V. На пользу всего государства	38
VI. Учебно-литературная дѣятельность	43
VII. Заслуги и черная неблагодарность	52
VIII. Пребываніе за-границей	64
IX. Послѣдніе годы дѣятельности	78
X. Заключеніе	91

И С Т О Ч Н И К И:

- 1) «Записки педагога барона Никол. Александр. Корфа», кн. 3, 4 и 5 «Русской Старины», 1884 г.
- 2) *1,000 писем*. Переписка барона Корфа съ 250 лицами.
- 3) «Поѣздка къ барону Н. А. Корфу», Кашина. №№ 1 и 2 «Современной Лѣтописи», 1871 г.
- 4) «Педагогическіе очерки школъ Александровскаго уѣзда» Д. Д. Семенова. «Народная Школа» (1871—72 годы).
- 5) «Мои воспоминанія», Д. Т. Гнѣдина. «Русское Богатство» кн. 5, 6 и 7, 1893 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Народъ въ государствѣ—это *все*». Политическая формула эта, давно уже получившая повсемѣстное право гражданства, имѣетъ особенное значеніе для насъ, русскихъ, такъ какъ въ Россіи трудовой сельскій классъ составляетъ болѣе 85 процентовъ общаго государственнаго населенія. Думать же о народѣ, заботиться о его материальныхъ, самыхъ насущныхъ пользахъ и нуждахъ—это значитъ думать и заботиться прежде всего и главнымъ образомъ объ образованіи народа, такъ какъ именно образованіе служитъ главнымъ импульсомъ всяческаго прогресса въ жизни и основнымъ источникомъ экономическаго роста и благосостоянія.

Для всякаго государства и народа невѣжество массы населенія—главный опаснѣйшій его внутренний врагъ, — опаснѣе всѣхъ внѣшнихъ враговъ, взятыхъ вмѣстѣ. Отъ внѣшнихъ враговъ можно защититься, укрываться. Невѣжество же, предоставленное естественному своему теченію, остающееся безъ противодѣйствія своему образованіемъ, настойчивымъ просвѣщеніемъ массы населенія,—является силой, разлагающей народъ, какъ бы онъ ни былъ многочисленъ и могучъ физически. Именно подъ влияніемъ невѣжества, обширнѣйшія многочисленные древнія государства, вроде наиримѣръ старинной Туркестанской имперіи, безслѣдно сошли съ исторической арены, не оставивъ ослѣ себя въ исторіи культуры человѣчества ровно ничего, кромѣ одного факта своего существованія. Наоборотъ же, маленькая Великобританія, съ населеніемъ около 36 милліоновъ человѣкъ (по европейской ея территоріи), въ силу высокаго культурнаго развитія, распространила свои владѣнія буквально на всѣ части звѣта и материка, держитъ въ своемъ подчиненіи не менѣе 400 милліоновъ населенія, и въ ея владѣніяхъ въ полномъ смыслѣ слова никогда не заходитъ солнце, не прекращаются весна и лѣто,—такъ ни обширны, распространены по разнымъ географическимъ широтамъ и долготамъ въ полушаріяхъ: западномъ и восточномъ, *сѣверномъ и южномъ*.

Съ той поры, какъ зародилась у насъ, въ Россіи, культъ европейскомъ смыслѣ слова, т. е. со временъ Петра Великаго вые появилась болѣе или менѣе опредѣленная забота и думи родномъ образованіи. Начало, положенное этому великому дѣлу Петромъ I, получило нѣкоторое развитіе при Екатеринѣ II, но, конечно, однако въ законодательномъ отношеніи. Насая у насъ Екатериною II крѣпостное право отняло у всей государственнаго образованія живое, естественное, благовоздѣйствіе его на жизнь и окончательно парализовало проявленіе сколько-нибудь правильнаго развитія народнаго образованія. Это послѣднее получило фактическое и юридическое бытіе лишь въ царствованіе Александра II, послѣ освобожденія крестьянъ.

Такимъ образомъ народное образованіе у насъ — дѣло юное. Въ смыслѣ государственнаго установленія, болѣе или организованнаго, приведеннаго въ систему и послѣдовательно пространяемаго, оно имѣетъ у насъ, въ Россіи, немного болѣе верти вѣка. Мало-малыски благоустроенныя народныя школы отчасти удовлетворяющія педагогическимъ требованіямъ, возникаютъ въ провинціальныхъ городахъ и деревняхъ одновременно съ открытіемъ земскихъ учреждений, и преимущественно, единственно, благодаря послѣднимъ.

Успѣхи народнаго образованія у насъ выражаются, въ сѣ въ слѣдующихъ цифрахъ. Изъ десяти дѣтей школьнаго возраста (отъ 7 до 14 лѣтъ) начальное образованіе въ пре-Европейской Россіи едва доступно лишь одному изъ нихъ, а изъ 100 дѣтей — едва 10 человѣкамъ. Такой ограниченны дѣтей, которыхъ могутъ обнять собою существующія ныя школы, въ сильной степени парализуетъ благотворное ствѣе образованія на складъ, ходъ и строй сельскаго быт-чтожная частица грамотнаго населенія какъ бы тонетъ, ряется въ общей тѣмѣ народнаго невѣжества; мракъ массе-ленія нерѣдко заглушаетъ даже и простую грамотность, та-бываютъ случаи *рецидива безграмотности* (возвращені-мотнаго къ первоначальной безграмотности) въ сельскомъ на-

Таковъ, къ сожалѣнію, законъ «вліянія массы», имѣющ-не въ одной физической области, но и въ сферѣ нравственной. Именно въ виду непреложности этого закона, люди, искрен-данные дѣлу народнаго образованія, понимающіе главенств-роль его въ государственной жизни и дѣятельности, при п-деніи у насъ регулярныхъ народныхъ школъ, усматрив-

каивали и доказывали, что въ этомъ дѣлѣ нельзя останавливаться на полпути, — нельзя затягивать на безконечно долгое время дѣла, требующаго немедленнаго практическаго осуществленія. И усилія эти не пропадали даромъ. Худо-ли, хорошо-ли, но дѣло народнаго образованія неуклонно подвигалось и подвигалось впередъ, при ружномъ сочувствіи общества, хотя, правда, очень медленно. Былъ моментъ, когда не только въ обществѣ, въ педагогической и общей печати и въ средѣ педагоговъ, но даже и въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о введеніи въ Россіи обязательнаго обученія получилъ было замѣтное движеніе. Въ исходѣ наиримѣрь 70-ыхъ годовъ министерство народнаго просвѣщенія дѣятельно и серьезно занималось этимъ вопросомъ. Но затѣмъ — все затихло, и въ послѣднія десять лѣтъ замѣчается даже застой въ дѣлѣ народнаго образованія.

Къ величайшему удивленію, въ этой области дѣятельности, гдѣ въ сущности все такъ просто и ясно по силѣ основнаго закона (уставъ 1874 года), почему-то смѣшались и перепутались возрѣнія на задачи и потребности народнаго образованія — самымъ произвольнымъ образомъ. Если разобраться въ этой сутолокѣ водоворотѣ крайне разнорѣчивыхъ и совершенно произвольныхъ мнѣній и взглядовъ, — опредѣляются слѣдующія господствующія направленія. По мнѣнію однихъ, для всего сельскаго населенія необходима лишь простая грамотность, но ни въ какомъ случаѣ не начальное образованіе. Другіе, дико придерживаясь взгляда: «просвѣщеніе — вотъ чума», считаютъ совсѣмъ ненужною даже и простую грамотность, и подъ именемъ народнаго образованія не прочь видѣть простое, голое обученіе трудового класса прикладнымъ знаніемъ, наивно полагая въ простотѣ невѣдѣнія, будто-бы осмысленная передача какихъ-бы то ни было прикладныхъ знаній можетъ быть по силамъ совершенно безграмотному населенію. Третьи до сихъ поръ еще не могутъ примириться съ мыслью, что земскія и городскія общественныя учрежденія, а также частныя лица и общества могутъ заботиться о нуждахъ народнаго образованія. На ихъ, слишкомъ ужъ упрощенный, взглядъ, — «на то есть начальство, которое и заботится о насъ». Обязанность-же общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ по ихъ мнѣнію — только давать деньги на народное образованіе, безъ всякаго активнаго участія въ расходованіи ихъ. Наконецъ есть и такіе, которые позволяютъ себѣ открыто проповѣдывать неспособность будто-бы даже и министерства просвѣщенія въ завѣдываніи и руководствѣ народнымъ образованіемъ; будто-бы для Россіи, въ противность всему осталь-

ному образованному міру, никакихъ особенныхъ учительскихъ минарій, никакихъ спеціально подготовленныхъ народныхъ телей—вовсе даже не требуется...

Всѣ эти измышленія были-бы только смѣшны и жалки по нелѣпости, если-бы они не вели къ печальнымъ послѣдствіямъ дѣлѣ. Смѣшными-же и жалкими они оказываются потому, что основной законъ о народныхъ училищахъ, такъ и всѣ послѣдшія правительственныя распоряженія по этому предмету, до нѣкоторыхъ правилъ о церковно-приходскихъ училищахъ (въ 1884 г включительно, не даютъ никакого повода къ извращенному тованію узаконеннаго порядка вещей.

Но, повторяемъ, въ сферѣ практической дѣятельности по новому образованію произошла большая путаница понятій, неси даже на простоту и ясность основного органическаго за по этому предмету. Въ результатѣ же такой путаницы явился значительный застой въ этой отрасли общественной тельности, который особенно остро ощущается именно въ насто время. Русскій человѣкъ вообще не твердъ въ пониманіи зако не устойчивъ на законной почвѣ. Нѣтъ ничего удивительнаг этому, что, въ виду тѣхъ долго уже продолжающихся кривотол о задачахъ и цѣляхъ народнаго образованія, — хотя и воп положительному закону о немъ, — даже многія изъ земскихъ родскихъ общественныхъ учрежденій, очень сочувственно и з гично относившіяся прежде къ образованію народа, остано вились въ нерѣшительности, или даже стали систематически урѣзы свои расходы на эту первѣйшую, насущнѣйшую жизненную требность.

Такой прискорбный фактъ заслуживаетъ тѣмъ большаго в нія, что у насъ успѣла уже народиться даже особаго рода педа гогическая литература, такъ сказать, *анти-педагогическаго* свой миѣюща дерзость воздвигать даже гоненіе на все, что есть ра наго въ нашемъ начальномъ обученіи. Это вызываетъ естестве опасеніе, какъ-бы намъ не вступить въ полосу *одичанія* въ д народнаго образованія, какъ-бы ни началось *огульнаго отри ния* въ этой области всего раціональнаго, что добыто усиліямъ ловѣчества и насаждено на родной нашей нивѣ дружными усил самоотверженныхъ русскихъ дѣятелей. Истолкователемъ э «отрицательныхъ» вѣяній явился между прочимъ и ѣкто Н. бовъ въ своихъ «Задачахъ русской народной школы». По его нію, высказываемому тономъ не пререкаемаго авторитета, но *всякихъ* доказательствъ, главный недостатокъ существующаг

тогда обученія и воспитанія въ народной школѣ заключается въ усвоеніи нашими педагогами «протестантскихъ взглядовъ», въ силу которыхъ протестантъ «хочетъ слѣдовать только тому, въ чемъ онъ убѣдился доводами разсудка». Принципъ же воспитанія въ духѣ католицизма и православія, — какъ полагаетъ г. Горбовъ, — долженъ заключаться «въ подчиненіи своего существа подъ власть авторитетовъ».

«Это различіе — говоритъ г. Горбовъ — должно рѣшающимъ образомъ вліять какъ на методъ обученія, такъ и на дисциплину, и на всѣ порядки школы... Смотрѣть на ребенка, какъ на существо, которое надо развить и съ которымъ надо обходиться согласно требованіямъ природы; отыскивать въ немъ законъ развитія, которому должно слѣдовать; развивать его способности и силы, преслѣдовать формальныя цѣли обученія; ничего не позволять зубрить, т. е. учить безъ полной сознательности и пониманія; убѣждать ребенка въ истинѣ внутренними доводами... все это — протестантскіе принципы; все это — протестантскій способъ обученія».

Слѣдуя такимъ образомъ возвѣщаемому г. Горбовымъ «православному» методу воспитанія и обученія, оказывается, что при изученіи напримѣръ четырехъ правилъ ариметики только протестантъ имѣетъ право слѣдовать «доводамъ разсудка»; православный же и католикъ должны принять все на-вѣру, взять память, отупляющей зубристикой...

То, что г. Горбовъ такъ самодовольно, съ такимъ самолюбіемъ возвѣщаетъ, какъ нѣчто, будто-бы, новое, есть въ дѣйствительности общезвѣстная, давно отвергнутая за непригодностью *старина*. Методъ, провозглашаемый г. Горбовымъ, это — *иезуитскій методъ* воспитанія и обученія, вовѣки проклятый и отвергнутый во всемъ образованномъ мірѣ!... И г. Горбовъ поступилъ по меньшей мѣрѣ слишкомъ опрометчиво, прицутавъ тутъ «православіе».

Вотъ что значитъ пытаться «доходить своимъ умомъ» до того, до чего другіе давнымъ давно уже додумались. Усиливаясь «открыть Америку», г. Горбовъ сдѣлалъ непростительную ошибку. Никакого спеціальнаго «протестантскаго способа обученія» конечно нѣтъ и быть не можетъ. Для народовъ всевозможныхъ національностей и вѣроисповѣданій обязательенъ одинъ *индуктивный* методъ обученія, какъ единственно разумный, единственно пригодный для цѣлей обученія и воспитанія, естественно вытекающій изъ психологическихъ особенностей дѣтской природы, и потому — воспринятый во всемъ мало-мальски образованномъ мірѣ, безъ всякаго различія по вѣроисповѣданіямъ.

Велико-же однако должно быть общественное помраченіе, если оказывается возможнымъ съ такимъ апломбомъ печатно возвѣщать

сумасбродное отрицаніе всего, что есть разумнаго въ дѣлѣ обученія и воспитанія, и совѣтывать возвратъ къ тому недоброму и, слава Богу, далекому уже прошлому, когда ученіе было мученіемъ, когда учили, не воспитывая. Въ виду этого, естественно является потребность оглянуться на все прошлое нашей народной школы—на то, какъ она зарождалась, организовалась и распространялась, такъ какъ во всемъ этомъ есть разумная законность, причинность и цѣль.

Говорить же объ этомъ—значить говорить о баронѣ Николаѣ Александровичѣ Корфѣ, какъ первомъ насадителѣ и распространителѣ у насъ нормальной народной школы, въ томъ именно видѣ ея, который впоследствии и узаконенъ правительствомъ, — какъ объ одномъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей въ области имени народнаго образованія. Сынъ обрусѣвшаго остзейца, аристократъ по происхожденію и воспитанію, баринъ по привычкамъ и состоянію, располагая знатнымъ родствомъ и огромными связями, онъ однако не пошелъ открытою дорогою почестей, знатности, крупныхъ отличій и чиновъ, громкихъ и видныхъ должностей, а скромно и самоотверженно отдался совсѣмъ новой въ это время и вовсе не замѣтной роли организатора народной школы, или иначе—разумнаго первоначальнаго обученія. На этомъ скромномъ но очень важномъ въ государственномъ отношеніи поприщѣ дѣятельности баронъ Н. А. Корфъ еще при жизни стяжалъ громку и почетную извѣстность отъ края-до-края Россіи и блестяще вынесъ свое имя на страницахъ исторіи нашего отечественнаго народнаго образованія, составляющаго основу всего просвѣтительнаго дѣла въ государствѣ.

I.

Раннее дѣтство.

Скитальческая жизнь. — Смерть матери. — Жизнь въ домѣ мачихи. — Двухлѣтнее пребываніе въ Воронежской губерніи и благотворное вліяніе его. — Годичное пребываніе въ Новгородѣ, въ домѣ отца. — Нравственный образъ Корфа-отца. — Круглое сиротство и общій итогъ ранней дѣтской поры.

Очень неблагопріятно сложилось раннее дѣтство барона Николая Александровича Корфа и протекло въ высшей степени своеобразно. Въ самомъ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ, отъ двухъ до 10-ти лѣтъ, онъ вынужденъ былъ вести поистинѣ скитальческую жизнь, побывавъ въ этотъ промежутокъ времени въ Харьковѣ, Екатеринославѣ, Москвѣ, Воронежской губерніи, Новгородѣ, Лифляндской губерніи и Петербургѣ. Такимъ образомъ онъ былъ лишень того, что называется *родиною* въ строгомъ смыслѣ слова. Это однако не отразилось вредно на его воспитаніи, на которое вліяютъ не только семья и школа, но и вся вообще житейская обстановка. Эта же послѣдняя была милостива къ маленькому барону, пощадивъ въ немъ душевную и тѣлесную чистоту, внушивъ ему высокое патриотическое чувство и горячую любовь къ русскому народу.

«Житейская обстановка», въ виду исключительныхъ условій ранней дѣтской поры барона Корфа, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Разобраться въ ней помогаетъ самъ баронъ Корфъ, оставившій «Посмертныя записки», напечатанныя въ III, IV и V книжкахъ «Русской Старины» за 1884 годъ (подъ заглавіемъ: «Изъ пережитаго»), но доведенныя къ сожалѣнію авторомъ ихъ лишь до окончанія имъ курса въ Александровскомъ лицейѣ.

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ родился въ Харьковѣ 2 гоюля 1834 года. Отецъ его, Александръ Федоровичъ Корфъ, былъ изъ остзейскихъ дворянъ, но совершенно обрусѣвшій; онъ получилъ образованіе въ «Лицейскомъ пансіонѣ», бывшемъ въ ту пору самостоятельнымъ учебнымъ заведеніемъ, и женился на малороссианкѣ

получивъ за нею въ приданое помѣстье Нескучное, Александрскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. Маленькому Колѣ еди исполнилось около года, какъ мать его умерла, такъ что у него и сохранилось никакихъ воспоминаній о материнскихъ попеченіяхъ о ласкахъ матери. Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ этого, отецъ ея вступилъ во второй бракъ, мотивируя такой шагъ передъ своимъ родными желаніемъ, чтобы осиротѣвшій Коля не былъ лишентъ и теринскаго ухода. Случилось-же однако совѣтъ наоборотъ.

Въ своихъ «Запискахъ» баронъ Н. А. Корфъ ничего не говоритъ непосредственно о мачихѣ; но все то, что рассказываетъ онъ о своемъ раннемъ дѣтствѣ, доказываетъ, что второй бракъ отца внесъ и домъ большой разладъ, и маленькій Коля былъ не любимъ мачихою. Помимо отца, очень любившаго его и оставившаго въ немъ свѣтлу и признательную память, мальчикъ имѣлъ еще вѣрнаго и преданнаго друга въ лицѣ няни своей, Елены Ивановны Альберти, принявшей его груднымъ младенцемъ отъ матери и воспитывавшей до нестильнѣтнаго возраста. Эта уроженка города Риги была не дюжинною личностью. Она научила своего питомца читать по-русски и по-нѣмецки, познакомила его съ начатками христіанской вѣры въ формѣ бесѣды о Христвѣ и съ увлеченіемъ обучала русскимъ пѣснямъ. Вся дворовая прислуга въ домѣ отца, которой также приходилось терпѣть отъ второй его жены, особенно бережно и любовно относилась къ маленькому Колѣ, какъ сироткѣ, прославляя предъ нимъ память его покойной матери. Тѣмъ не менѣе положеніе ребенка въ глазахъ мачихи было настолько не нормально, что не исполнилось еще Колѣ шести полныхъ лѣтъ, какъ отецъ, скрѣпя сердце, въ нужденъ былъ удалить его изъ дому для его-же пользы.

Маленькаго Колю, успѣвшаго уже пожить до этого времени въ Екатеринославѣ и находившагося тогда въ Москвѣ, гдѣ жилъ ея отецъ по вступленіи во второй бракъ,—увезла съ собою въ Воронежскую губернію родная его тетка, сестра матери, Татьяна Тимофеевна (также Корфъ по мужу). Эта умная женщина, вдова уже, имѣвшая двоихъ дѣтей (сына и дочь), такъ серьезно отнеслась къ ихъ воспитанію, что ради этой цѣли переѣхала въ житіе изъ своего родового помѣстья Погромца въ сосѣднее с нимъ помѣстье Волчье, принадлежавшее Д. Д. Градовскому, отъ покойнаго профессора и публициста, гдѣ домашнее обученіе было поставлено на широкую ногу и организовано замѣчательно умно. В домѣ Градовскаго, подъ личнымъ его наблюденіемъ и руководствомъ, была организована регулярная «семейная школа», съ должнымъ штатомъ преподавателей и строго установленной цѣ

граммой обученія. Въ этой школѣ, кромѣ двухъ дѣтей Градовскаго, обучалось еще пятеро дѣтей его сосѣдей. Главою и душою школы былъ самъ Градовскій, относившійся къ чужимъ дѣтямъ совершенно такъ-же, какъ къ своимъ роднымъ. Для той отдаленной школы (т. е. начала 40-ыхъ годовъ) серьезное, сознательное отношеніе къ домашнему обученію было большою рѣдкостью.

Съ восторгомъ воспоминаетъ баронъ Корфъ въ своихъ «Запискахъ» о времени, проведенномъ имъ въ Воронежской губерніи, у тетушки Татьяны Тимофеевны Корфъ, и въ Волчьемъ, т. е. въ школѣ Д. Д. Градовскаго. Это — самая счастливая, яркая и радужная пора во всемъ его дѣтствѣ. За время пребыванія въ этомъ уголкѣ Малороссіи, въ которой находилось также и родовое его помѣстье Нескучное, онъ не только сжился, сроднился съ Малороссіею, но, можно даже сказать, — *приросъ* къ селу. Во всю послѣдующую пору школьнаго его ученія, село вообще и Малороссія въ частности были цѣлью его стремленій, его мечтою. Куда ни забрасывала его капризная судьба въ дѣтскомъ, отроческомъ и юношескомъ возрастѣ, — село неотступно было передъ нимъ, и онъ постоянно лелѣялъ мечту сдѣлать что-нибудь полезное и разумное въ родномъ своемъ имѣніи.

Такую привязанность къ сельской жизни породили тѣ замѣчательно благоприятныя условія, въ которыхъ онъ находился, живя и учась въ помѣстьѣ Градовскаго. Тамъ не морили надъ книгою, не угнетали физической и духовной природы дѣтей ученіемъ. Въ лѣтнюю напимѣрь пору, продолжающуюся на югѣ мѣсяцевъ семь, дѣти проводили надъ книгою не болѣе четырехъ часовъ, занимаясь остальное время на дворѣ, въ саду, лѣсу, полѣ, на лугу. Такая постановка занятій, какъ нельзя болѣе благоприятная въ физическомъ отношеніи, воспитывала характеръ, развивала наблюдательность, самодѣтельность и самостоятельность. Въ распоряженіе дѣтей были предоставлены всевозможныя удовольствія, какъ-то: уженье рыбы, купанье, верховая ѣзда, обработка собственныхъ грядъ и проч. Кромѣ того почти каждый изъ дѣтей имѣлъ своихъ ручныхъ кроликовъ, перепеловъ, жеребятъ и пр.

Къ этому нужно прибавить еще роскошныя условія окружающей природы, со степнымъ привольемъ, садомъ, лѣсомъ, лугами и рѣкою. Не послѣднюю роль конечно играло и кормленіе на славу, какъ и подобало прежней «житницѣ Россіи», до сихъ поръ еще славящейся своею кукурузою, тыквенною кашею, варениками, варенцомъ и арбузами, такими сочными, что ихъ можно ѣсть не иначе, какъ ложками. Маленькій Коля именно у своей тетушки

Т. Т. Корфъ и въ семьѣ Д. Д. Градовскаго получилъ гла образомъ завѣску кореннаго русскаго домашняго воспитанія: чужь конечно не послѣднюю роль играли и богатая кутья нунѣ Рождества, и торжественная встрѣча Пасхи.

Отзываясь съ большою похвалою о семейной школѣ Градовскаго, ея порядкахъ и учителяхъ, Н. А. Корфъ съ особенною любовью и признательностью останавливается на личности шве Бешра, какъ талантливаго педагога. Этотъ добрый, умный и разносторонне свѣдущій руководитель былъ не только преподавателемъ французскаго языка, но и воодушевленнымъ товарищемъ дѣтскихъ игръ, разнаго рода занятій и жемъ воздухъ и затѣй. Нисколько не въ ущербъ престижу и воспитателя, Бешра умѣлъ быть ребенкомъ съ дѣтьми, и дался даже строить вмѣстѣ съ ними мельницы на ручьяхъ, упуская однако случая сообщать имъ при этомъ и разнородныя свѣдѣнія, но умѣя не надоедать своими поученіями, такъ что у такого преподавателя знаніе французскаго языка само собою переливалось въ дѣтей, и Коля, въ придачу къ своему и нѣмецкому языкамъ, овладѣлъ еще и французскимъ.

Благопріятныя условія воспитанія въ семьѣ Градовскаго, конечно же грандіозныя картины южно-русской природы, съ пышностью и ширью, съ ея табунами въ 500 лошадей, — оны въ душѣ ребенка неизгладимый слѣдъ на всю жизнь. Это жизни была особенно благопріятна для маленькаго Коли ея тонкомъ отношеніи, что тетка, на попеченіи которой онъ находился какъ сестра покойной его матери, невольнo воплощала въ образъ послѣдней, — и ребенокъ не чувствовалъ своего сиротства.

Къ сожалѣнію, только два года продолжался этотъ периодъ въ жизни Коли, съ 6-ти до 8-ми лѣтъ. Совершенно данно пріѣхалъ его отецъ и увезъ съ собою въ Новгородъ; онъ состоялъ тогда управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ. Мальчикъ очень любилъ отца, сильно обрадовался пріѣзду, но тѣмъ не менѣе со слезами оставилъ школу Градовскаго. Жить ему въ отцовскомъ домѣ было тяжело. Въ его отцѣ умеръ вѣрный и преданный другъ его, паня Альберти, такъ что кромѣ самого отца, въ семьѣ не было для него близкаго человека. Своихъ сестеръ, т. е. дочерей отца отъ втораго брака, онъ совершенно не зналъ. Его поселили въ отдѣльномъ флигелѣ нѣмецкомъ гувернеромъ. Этотъ послѣдній сильно подвинулъ ея впередъ въ нѣмецкомъ языкѣ, такъ что 9-ти лѣтъ отъ роду *съ восторгомъ* прочиталъ Робинзона Крузе въ нѣмецкомъ языкѣ.

Манкируя занятіями, вводя въ обманъ Корфа - отца, губернаторъ-нѣмецъ однако принесъ пользу своему питомцу. Во время погулокъ по Новгороду, онъ сумѣлъ заинтересовать мальчика историческими памятниками этого города, познакомивъ его со своеобразнымъ и поучительнымъ прошлымъ Новгорода и новгородцевъ, и внушилъ ему глубокое уваженіе къ его древностямъ.

Вспоминая о своемъ годичномъ пребываніи въ Новгородѣ, баронъ Н. А. Корфъ очень симпатично очерчиваетъ нравственный образъ своего отца, наиболѣе памятный ему въ это время. Это былъ человѣкъ образованный и независимый для своего времени. Не интересуясь высокими чинами, онъ избралъ скромный родъ службы, чтобы принести пользу на мѣстѣ. И онъ дѣйствительно приносилъ ее. Спусти лѣтъ 15 послѣ его смерти, государственные крестьяне Новгородской губерніи съ благословеніемъ и благодарностью вспоминали о времени управленія его. Просителей-крестьянъ онъ принималъ не иначе, какъ въ кабинетѣ. Со своими крѣпостными обращался вполнѣ гуманно. Даже въ ту дикую пору крѣпостного разгула онъ не позволялъ себѣ обращаться со своей прислугой, бывшей изъ его-же крѣпостныхъ, въ формѣ приказаній и сурово запрещалъ дѣлать это своему маленькому сыну. Подъ влияніемъ примѣра отца, баронъ Н. А. Корфъ очень рано началъ думать о томъ, какъ онъ будетъ относиться къ крестьянамъ, когда настанетъ его время, и что онъ обязанъ сдѣлать для нихъ.

Пребываніе въ Новгородѣ было послѣднимъ свиданіемъ маленькаго Коли со своимъ отцомъ, съ которымъ онъ десяти лѣтъ вновь разстался—и уже навсегда. Послѣ этого онъ всего одинъ разъ видѣлъ отца, въ Петербургѣ, но настолько разбитаго параличемъ, что тотъ едва узналъ своего сына.

Годъ жизни Коли въ Новгородѣ, въ домѣ отца, окончательно убѣдилъ послѣдняго въ невозможности дальнѣйшаго оставленія мальчика подъ своимъ кровомъ, и онъ отправилъ его въ Лифляндскую губернію, въ городъ Верро, гдѣ очень славилось въ то время учебное заведеніе Крюммера. Корфъ-отецъ умеръ въ 1847 году. Такимъ образомъ Н. А. Корфъ остался круглымъ сиротою 13-ти-лѣтъ, проведши притомъ все свое дѣтство, начиная съ 6-ти-лѣтняго возраста, въ скитальчествѣ по разнымъ городамъ и весямъ Россіи, но вынесши однако изъ этого цѣлостное и сильное впечатлѣніе русскаго воспитанія.

www.libtool.com.cn

Ялся самымъ директоромъ, при полномъ сборѣ воспитанниковъ, «звукъ органа». Такой-же «теплый, семейный характеръ» были и акты, происходившіе въ этомъ учебномъ заведеніи, и гимнотическіе праздники въ огромномъ манежѣ при немъ, и катанье коньскихъ черезъ все озеро, примыкавшее къ саду заведенія, и участіи учителей и дирекціи. На всѣхъ этихъ празднествахъ и звлеченіяхъ присутствовали жена и дочери директора, знавшія именамъ каждаго изъ воспитанниковъ всѣхъ возрастовъ.

Такая замѣчательная постановка учебнаго заведенія объясняется «прекраснымъ подборомъ преподавателей» и замѣчательною личностью директора Крюммера, котораго баронъ Корфъ называетъ «два-ли не лучшимъ педагогомъ изъ всѣхъ, съ которыми судьба одила» его въ дѣтствѣ. Хорошо подготовленный дома по нѣмецкому языку, Коля не только не отставалъ отъ другихъ въ прохожденіи учебнаго курса, но и настолько подвинулся впередъ въ знаніи и владѣніи нѣмецкимъ языкомъ, что этотъ послѣдній на всю жизнь стался какъ-бы вторымъ роднымъ его языкомъ. Но, помимо успѣха въ наукахъ, баронъ Корфъ обязанъ заведенію Крюммера и кой-чимъ другимъ, что стоитъ даже выше знанія. По личному признанію барона Корфа, въ этомъ заведеніи «были заложены первые основы политическаго или гражданскаго» его развитія.

Чувствуя себя въ доброй, согласной, дружной семьѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ по самому ходу и складу всей жизни заведенія, во всѣхъ ея проявленіяхъ, познавалъ и сознавалъ на каждомъ шагѣ, что существуетъ общество, существуютъ права и обязанности, всѣми уважаемые обычаи; что общество и отдѣльная личность вправѣ предъявлять другъ другу взаимныя требованія.

«Все это, — говоритъ баронъ Корфъ, — я позналъ въ микроскопическомъ мірѣ товарищей, который имѣлъ однако свою организацію, одну съ буршенштафтами германскихъ университетовъ. Не только уваженіе, но и неуваженіе къ женщинамъ, угнетеніе слабого, обиды, измѣна данному слову — безпощадно карались судомъ товарищей. Директоръ и инспекторъ, равно какъ и всѣ учителя воспитывали въ насъ чувство ответственности доверіемъ къ намъ и предоставленіемъ намъ возможно полной свободы, а не попеченіями жесткой полиціи.»

Эта разумная организація школьнаго общежитія распространялась на весь режимъ учебнаго заведенія, не исключая даже забавъ и игръ, которыя происходили при строгомъ соблюденіи правилъ, установленныхъ традиціями заведенія и свято охраняемыхъ судомъ товарищей, имѣвшимъ право подвергать провинившагося даже исключенію, признаваемому и начальствомъ. Благодаря такому установленію, все формальное, показное было чуждо этому заведенію, и

жизнь его шла плавно, гармонично, безъ всякихъ отклоненій. Какая-бы то ни было формалистика до такой степени была чужда духу этого заведенія, что воспитанники его не имѣли даже мысли о томъ, что значить «ходить въ парахъ». Появляясь на городскихъ улицахъ не иначе, какъ гурьбою, они тѣмъ же не менѣе не прощали впечатлѣній чего-нибудь неприличнаго, а имѣли видъ весьма приличной, молодой компаніи, привыкшей свободно держать себя не въ ущербъ достоинству.

Къ особенностямъ заведенія Крюжмера на германскій языкъ необходимо добавить еще, что новая мѣстность, люди и нравы опять-таки германскаго-же характера сильно занимали малолѣтняго Корфа. При отсутствіи хоть чего-либо похожего на гнетъ или смѣшки съ какой-бы то ни было стороны въ отношеніи исповѣданной имъ православной вѣры, пользуясь даже уроками русскаго языка, мальчикъ однако жадно всасывалъ въ себя нѣмецкій элементъ и неизбѣжно онѣмечился-бы до полного забвенія всего русскаго, не исключая и природнаго своего языка, при условіи продолжительнаго пребыванія въ Верро. Но ему суждено было прожить тамъ лишь два года (1844 и 1845 гг.), примѣрно до одиннадцатилѣтняго возраста. Не извѣстно, по чьему почину (отецъ его былъ уже въ это время безнадежно боленъ) онъ былъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ ему суждено было получить коренное русское и православное воспитаніе.

Въ это время въ Петербургѣ большою извѣстностью пользовался пансіонъ Александра Яковлевича Филиппова, существовавшій болѣе 30-ти лѣтъ и послѣ него, подъ управленіемъ членовъ той-же семьи. Въ ту пору процвѣталъ уже столь распространенный въ настоящее время промыселъ «обязательнаго приготовленія» разными пансіонами къ опредѣленному сроку, въ извѣстное учебное заведеніе, съ ручательствомъ въ этомъ передъ наивными родителями и со вмѣшаніемъ произвольно высокой платы, до 300 рублей въ мѣсяцъ и болѣе. Но пансіонъ А. Я. Филиппова рѣзко отличался отъ этого рода «промысловыхъ» учебныхъ заведеній, живущихъ, строго говоря, обманомъ и родителей, и учащихся, и тѣхъ учебныхъ заведеній, куда они готовятъ богатое и родовитое юношество. Это было въ полномъ смыслѣ образовательное и воспитательное учебное заведеніе, очень серьезно поставленное, гордое своимъ достоинствомъ успѣхами, неподкупное. Воспитанники Филиппова традиціонно поступали во всевозможныя заведенія одними изъ первыхъ; тѣмъ не менѣе онъ гнушался спеціализаціи «готовить» обязательно въ тѣ или иные учебныя заведенія. Пансіонъ его имѣлъ опредѣлен-

программу, хорошо примѣненную къ общеобразовательнымъ потребностямъ, а потому питомцы его и оказывались хорошо подготовленными въ разныя учебныя заведенія. На просьбы даже выданныхъ особъ относительно «приготовленія» въ то или другое заведеніе А. Я. Филипповъ гордо отвѣчалъ, что «приготовить только котлеты, а людей воспитываютъ и обучаютъ». Никакія просьбы и убѣжденія не могли заставить его допустить въ свое заведеніе болѣе 30-ти воспитанниковъ, такъ какъ съ большимъ достоинствомъ онъ считалъ невозможнымъ вполне добросовѣстно сдѣлать съ той замѣчательной серьезностью, съ какою онъ отличался къ этому дѣлу. Ни за кого изъ воспитанниковъ онъ не бралъ болѣе 300 рублей въ годъ, т. е. только ту сумму, которую другіе платили лишь за одинъ мѣсяць ученія.

Пансіонъ Филиппова былъ также строго семейною школою, гдѣ былъ директоръ, довольно многочисленная его семья и питомцы жили одною общою жизнью, дружно, согласно. Даже гостей своихъ Филипповъ принималъ не иначе, какъ за общимъ столомъ съ питомцами, не дозволяя при этомъ ни себѣ, ни другимъ чего либо лишаться. Противъ того, что онъ могъ предложить и своимъ питомцамъ. Характеръ этой семейной школы рѣзко отличался отъ тѣхъ пансіоновъ, въ которыхъ ему пришлось побывать—въ Волчьемъ и въ Бѣломъ. Въ первой было истинно домашнее сельское приволье. Во второй—царилъ духъ германскаго студенчества, но преимущественно демократическій, направленный къ развитію личнаго достоинства воспитанію чувства долга. Въ третьей—семейственность сводилась къ положенію сына, обязаннаго безпрекословно исполнять волю отца, «безъ разсужденій». Положеніе это опредѣляется «ежовыми палками», право которыхъ баронъ Корфъ старается объяснить тѣмъ, что тогда «вѣрвали не только въ возможность задержать работу мысли и безповоротно направить ее отечески-драконовскою рукою, но и въ барабанный бой и шагистику».

По счастью однако, А. Я. Филипповъ былъ человѣкомъ не дюжиннымъ въ педагогическомъ отношеніи и умѣло вліялъ на своихъ питомцевъ. Преподаваніе было поставлено такъ серьезно и основательно, что даже дѣти сознавали и чувствовали, насколько знаніе само въ себѣ носитъ награду за трудъ. Путемъ настойчивыхъ поощреній, знанія вгонялись въ плоть и кровь учащихся, такъ что даже дѣти придавали цѣну только отчетливому, сознательному, твердому знанію, какъ запасу на всю жизнь.

Филипповъ былъ всецѣло преданъ своей школѣ. День и ночь проводилъ онъ со своими питомцами, давая себѣ отдыхъ по вече-

рамъ лишь часа на два. Онъ принималъ участіе въ дѣтскихъ и считался лучшимъ игрокомъ въ мячъ, барры и пятнашекъ; начиналъ день чтеніемъ Евангелія воспитанникамъ; онъ-же obviously и заканчивалъ его чтеніемъ вслухъ чего-нибудь интереснаго, — и былъ лучшимъ чтецомъ. Самымъ-же тяжкимъ наказаніемъ въ школѣ считалось, если директоръ, проща воспитанниками при отходѣ ихъ ко сну, молча кланялся нибудь изъ нихъ, не подавая при этомъ руки.

Баронъ Корфъ называетъ Филиппова «педагогомъ, любителемъ артистомъ своего дѣла, неуспѣшно работавшимъ по призванію. Исключительно личному вліянію этого высоко-нравственнаго завѣтно преданнаго своему дѣлу человѣка баронъ Корфъ о педагогической карьерой.

«Въ пансіонѣ Филиппова, — говорятъ онъ, — подѣ вліяніемъ женія и привязанности къ директору и того увлеченія и умѣ которыми онъ преподавалъ и воспитывалъ, я впервые полюбилъ ное и учительское дѣло и сталъ считать педагогическую работу самою благородною и важною изъ всѣхъ существующихъ. Бытность въ этомъ пансіонѣ, одиннадцати и двѣнадцати лѣтъ, я искалъ случая удовлетворить зародившемуся во мнѣ таланту и увлеченію Филиппова, вкусу къ преподаванію. Бывало и хлѣбомъ меня не корми, а доволь только товарищамъ являть ему что нибудь изъ преподаваемаго за урокомъ; тутъ разыгрался бывало самодѣтельность, и станешь своими спъ выяснять товарищу то, что толковать учитель, а затѣмъ пре ему вопросы о пройденномъ и мечтаешь: «Эхъ, вотъ, когда-цѣлѣй классъ достался, такъ такъ бы!..» Мои первые опыты даванія вѣроятно удались, такъ какъ вскорѣ стала собираться кругъ меня цѣлая кучка учениковъ для того, чтобы подѣ мс ковоодствомъ, доставлявшимъ мнѣ же огромное наслажденіе вить уроки; дожилъ я даже до такого блаженства, что дир которыи и самъ, быть можетъ, не подозрѣвалъ того, кто за въ меня своею талантливою и самоотверженною дѣятельності вую педагогическую искру, съ этихъ поръ уже никогда не шую и разгорѣвшуюся въ пламя при первой благопріятной новѣ, — самъ поручалъ мнѣ слабѣйшихъ.»

Но есть и еще кое-что другое, чѣмъ обязанъ баронъ этому скромному пансіону и его прекрасному директору-пе. Въ этомъ учебномъ заведеніи «господствовали заповѣди не на словахъ, а на дѣлѣ», — какъ выражается баронъ А. Я. Филипповъ, по убѣжденію, былъ гернгутеромъ, т. е. надлежалъ къ высоконравственной общинѣ, стремящейся ствить культъ и образъ жизни первоначальныхъ христіанскихъ общинъ. Гернгутеры, какъ извѣстно, стремятся къ возможному осуществленію равенства на землѣ, но не разрушеніемъ

ю крови, а проповѣдью любви. Не трудно понять поэтому, какъ жилъ директоръ своихъ питомцевъ относиться къ прислугѣ, бывшей членомъ его семьи, а также и вообще къ меньшей братіи.

Это воспитательное вліяніе встрѣтило особенно благоприятную почву въ юномъ баронѣ Корфѣ, который былъ уже достаточно подготовленъ къ глубокому, сознательному воспріятію его и примѣромъ отца, и человѣчнымъ отношеніемъ къ крестьянамъ въ Погромцѣ Волчьемъ, наконецъ и демократической закваской заведенія Южнера. Въ эту раннюю пору, примѣрно около 14-ти-лѣтняго возраста, у барона Н. А. Корфа созрѣли уже сознательное стремленіе и потребность «служенія массѣ».

А. Я. Филипповъ умеръ отъ холеры въ 1848 году, во время свирѣпствовавшей въ Петербургѣ страшной эпидеміи. Въ концѣ того же года непосредственно изъ пансіона, перешедшаго къ брату покойнаго, баронъ Корфъ поступилъ въ лицей. Конкуренція была большая. Отъ поступающихъ требовались знанія въ объемѣ первыхъ четырехъ классовъ гимназій, съ добавленіемъ притомъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ. Но у Филиппова учились такъ прочно, что юный баронъ Корфъ «не только не тревожился перспективою наступленія экзаменовъ, но втеченіи нѣсколькихъ недѣль, ему предшествовавшихъ, и книги не раскрывалъ».

III.

Л и ц е й.

Разница между лицеемъ и университетомъ.—Отрицательныя и положительныя стороны лицейскаго обученія.—Работа барона Н. А. Корфа надъ собственнымъ образованіемъ.—Первые литературные опыты.—Педагогическая практика въ лицей.—Успѣхи и поведеніе.

Въ противоположность весьма многимъ изъ бывшихъ лицеевцевъ, относящихся въ своихъ печатныхъ воспоминаніяхъ очень неодобрительно къ лицейю, баронъ Корфъ прямо заявляетъ, что онъ чувствуетъ себя обязаннымъ лицейю своего времени» (1848—1854 годовъ) и признаетъ его «весьма существеннымъ факторомъ въ числѣ силъ, воспитавшихъ» его. Онъ находитъ, что «законъ полнѣе незаслуженно предоставляетъ лицеистамъ привилегированное служебное положеніе», но-это не мѣшаетъ ему относиться къ лицейю «безъ предубѣжденія». Дѣлая сближеніе между лицеемъ

и университетомъ въ научномъ отношеніи, онъ безусловно отдалъ въ своихъ «Запискахъ» пальму первенства послѣднему; но онъ протестуетъ противъ огульнаго обвиненія лица въ «пустотѣ».

Лицей времени барона Корфа имѣлъ шестилѣтній срокъ ученія при четырехъ курсахъ, съ полугодовыми промежутками между каждымъ курсомъ. Въ двухъ младшихъ курсахъ (т. е. втеченіи трехъ первыхъ лѣтъ обученія) была чисто школьная система преподаванія, т. е. съ задаваніемъ и спрашиваніемъ уроковъ. Втеченіи трехъ послѣднихъ учебныхъ лѣтъ (въ двухъ старшихъ курсахъ читались лекціи, но съ обязательной провѣркой (репетиціями) во всѣхъ предметахъ прочитаннаго втеченіи предыдущаго мѣсяца).

Учебный курсъ лицея представлялъ удивительно пеструю смесь осколковъ программъ историко-филологическаго, юридическаго и физико-математическаго факультетовъ. Лицейстамъ преподавалось даже сельское хозяйство, причемъ въ лицейскомъ саду было отдѣлено нѣсколько квадратныхъ саженой подъ «опытное поле», представлявшее понятно только карикатуру на «поле» и по мѣру, и по результатамъ «опытовъ».

Эта необъятная многопредметность программы сама собою исключала возможность строго-научнаго преподаванія въ университетскомъ смыслѣ слова. Къ этому нужно прибавить еще, что составъ преподавателей было не мало людей, рѣшительно не удовлетворявшихъ своему назначенію. Такъ на примѣръ, профессоръ Оболенскій, вмѣсто государственнаго права, читалъ русскіе государственные законы, при однимъ словомъ но касаясь теоріи сравнительнаго законодательства и исторіи права. Читалъ онъ этотъ имъ самимъ состряпанный курсъ, не представлявшій собою ровно ничего научнаго, по устарѣвшимъ литографированнымъ запискамъ, которыя онъ зналъ наизусть и потому произносилъ, засыпая на кафедрѣ. Профессоръ Георгіевскій читалъ, вмѣсто словесности и исторіи литературы, какую-то невозможную пѣтушку по имъ-же самимъ составленной книгѣ. По счастью этого пѣтушкорѣ замѣнилъ профессоръ Я. К. Гротъ, читавшій очень содержательный курсъ исторіи русской словесности, вообще имѣвшій наилучшее вліяніе на слушателей и гуманностью воззрѣній, и горчею любовью къ своему предмету.

Ботаника преподавалась лицейстамъ на англійскомъ языкѣ, зоологія—на французскомъ. Преподаваніе нѣмецкой словесности сильно хромало. Не безъ грѣха было также и преподаваніе исторіи. Читалъ этотъ предметъ И. П. Шульгинъ, человекъ, довольно вѣстный въ свое время, обладавшій значительнымъ запасомъ зна-

ай, но сильно устарѣвшій. Онъ начиналъ свой курсъ съ весьма
днаго изложенія данныхъ изъ прекрасной книги Гизо «Исторія
цизаци въ Европѣ», вовсе не упоминая однако о послѣдней.
Но, размавивъ у слушателей любовь и вкусъ къ исторіи, онъ пре-
днесилъ имъ потомъ совершенно нестройный историческій верохъ
событій и фактовъ, съ такимъ произвольнымъ распредѣленіемъ на
периоды, которое совершенно извращало внутреннюю зависимость
и связь между историческими событіями. Неудивительно поэтому
что «курсъ русской и всеобщей исторіи,—какъ удостовѣряетъ ба-
ронъ Корфъ,—оставался безъ всякаго вліянія на политическое
воспитаніе» слушателей.

«Шульгину и лицею я обязанъ самымъ возбужденіемъ аппе-
тита (къ исторіи), за удовлетвореніе котораго усердно принялся
послѣ выпуска изъ лицея, проклиная И. П. Шульгина за то, что
за три года онъ не сдѣлалъ намъ ни одного указанія на литера-
туру исторіи и источники, и за то, что на время съ 1789 года по
1815 г. онъ только намекнулъ, и о всѣхъ событіяхъ, послѣдовав-
шихъ за 1815 годомъ, не произнесъ ни одного слова.»

Къ особенностямъ лицейскаго преподаванія той поры нужно
прибавить еще крайнюю щепетильность, съ которою обходили все
что мало-мальски могло казаться щекотливымъ въ политическомъ
отношеніи. Этою именно предвзятою цѣлью и объясняется, почему
въ изложеніи новой исторіи былъ совершенно затушеванъ періодъ
реформаціи, равно какъ и всѣ другія характернѣйшія историческія
событія, совершенно преобразовавшія складъ, строй и культурно
состояніе всей Европы. Характеризуя эту «щепетильность», ба-
ронъ Корфъ отмѣчаетъ между прочимъ слѣдующій фактъ. Отда-
вая справедливость профессору П. Д. Калмыкову, читавшему исторію
русскаго права, за «воспитывающее значеніе» его курса, онъ тѣмъ
не менѣе оговаривается, что даже этотъ «почтенный ученый» и
«развитой человѣкъ», читавшій втеченіи трехъ лѣтъ, старался
растянуть свой курсъ, чтобы именно не добраться до болѣе или
менѣе «щекотливыхъ» эпохъ ближайшаго къ намъ времени. Баронъ
Корфъ жалуется въ своихъ «Запискахъ» на этотъ пробѣлъ въ
образованіи юношества, указывая на возможность «увлеченій и
ошибокъ», вслѣдствіе предоставленія молодежи самой знакомиться
«случайно и безъ критики», съ историческими событіями.

Указавъ на недостатки лицейскаго преподаванія, необходимо
отмѣтить и хорошія стороны. Считаю невозможнымъ сравни-
вать лицейское преподаваніе съ дѣйствительно научною постано-
вою университетскаго преподаванія по факультетамъ, тѣмъ не ъ

нѣ нельзя не признать серьезнаго для того времени образовате-

наго значенія курса лица въ общемъ его составѣ и исполненіи.

Характернѣе слѣдующій рассказъ Корфа о своей лицейской жизни.

«Поступивъ въ лицей, я въ первое время сталъ лѣниться и читать только чуждыя книги, но и готовить уроки, и упрямилъ нашего доктора принять меня на нѣсколько дней въ больницу; докторъ Н. И. Ф. вѣсть никогда не былъ знаменитымъ врачомъ, но славился своею добротою и, какъ оказывается теперь, былъ педагогомъ въ душѣ: принимая меня въ больницу, онъ не видѣлъ во мнѣ лѣнтяя, который онъ портитъ, поощряя его лѣнь, но юношу пятнадцати лѣтъ, который себѣ немного оскомину набилъ ученьемъ и которому хотѣлось отдохнуть; допустивъ меня въ больницу, онъ далъ мнѣ почитать нѣсколько дней отъ одиночества и правды, а затѣмъ сказалъ мнѣ: «не дать-ли вамъ какую нибудь книгу почитать?» Это предложение было принято мною съ восторгомъ, и я не прочелъ, а проглотилъ съ наслажденіемъ комедіи Мольера, присланныя мнѣ докторомъ. «Не-пора ли въ лицей?» сказалъ мнѣ послѣ этого Таваста; «вѣтъ, дайте еще книгу», отвѣчала я ему. «Ну, извольте, но вы ужъ будете послѣдній, не правда ли?» «Даю слово», сказалъ я съ достоинствомъ истаго питомца Крюммера. Проблаженствовавъ три дня надъ интересною книгою, я возвратился въ классъ и всегда выздоравливающимъ отъ нежеланія читать, и съ этихъ поръ книги уже не выпускалъ изъ рукъ, а учиться сталъ лучше и настолько, что за послѣдніе три года пребыванія моего въ лицей непрерывно состоялъ первымъ по успѣхамъ и никогда ни изъ одного предмета не получалъ менѣе полнаго балла (12). Очень усердно занимаясь, я всегда находилъ время читать и усвоилъ себѣ при этомъ методъ, который вѣроятно не мало содѣйствовалъ къ тому, что-бы я могъ надлежащимъ образомъ переваривать прочитанное: изучая въ послѣдніе три года исторію словесности русской, французской, нѣмецкой и англійской, я старался въ чтеніи по возможности поспѣвать за курсами профессоровъ и читать авторовъ именно тогда, когда разбирали ихъ на лекціяхъ профессора.»

Система репетицій заставляла серьезно и отчетливо работать. Это само собою наталкивало учащихся на чтеніе—и пробѣлы лекцій успѣшно пополнялись путемъ серьезной самостоятельности.

«Читали въ нашемъ курсѣ—говоритъ баронъ Корфъ—на русскомъ и трехъ иностранныхъ языкахъ, но на англійскомъ лишь немногіе, хотя всякій изъ насъ и долженъ былъ въ послѣднемъ курсѣ писать сочиненія по-англійски. Я рѣшительно не помню, чтобы у насъ читались романы; если и читались, то весьма рѣдко, и я не прочелъ въ лицей ни одного; но читалась масса классическихъ произведеній и научныхъ книгъ.» «Не только по литературамъ, но и изъ многихъ другихъ наукъ старались мы отвѣчать такъ, чтобы видѣли, что человекъ *читаетъ*.»

За указанными выше недостатками, составъ преподавателей былъ въ общемъ хорошъ. Наиболѣе связно и стройно былъ поставленъ юридическій отдѣлъ курса, преимущественно съ университет-

мъ составомъ преподавателей. Насколько лекторы французскаго и англійскаго языковъ были смѣшны въ роли натуралистовъ (какъ преподаватели зоологій и ботаники—по заказу и наряду), настолько наоборотъ они оказывались почтенными въ роли преподавателей специальныхъ своихъ предметовъ. Не ограничиваясь разборомъ изящныхъ произведеній лишь съ эстетической точки зрѣнія, они старались всякое литературное произведеніе связать съ временемъ и не чуждались исторіи научнаго и философскаго развитія своего народа. Поистинѣ можно сказать: «гони природу въ зрѣніе,—она влетитъ въ окно». Тѣ пробѣлы, которые были въ преподаваніи нѣкоторыхъ гуманитарныхъ предметовъ, восполнялись до вѣстной степени широкой и удачной постановкой преподаванія французской и англійской литературъ.

Въ общемъ баронъ Н. А. Корфъ правъ, вспоминая свою лицейскую пору добрымъ словомъ, хотя ему пришлось учиться тамъ въ рядѣ замѣны традиціоннаго «колокольчика» барабаннымъ боемъ обязательной полчасовой маршруировки ежедневно, подъ руководствомъ унтеръ-офицеровъ и наблюденіемъ инспектора лицея.

Съ малыхъ лѣтъ приученный самостоятельно и отчетливо работать, юноша-Корфъ серьезно и съ большою пользою трудился въ лицѣ надъ своимъ самообразованіемъ. На лицейской скамьѣ онъ не только прочиталъ, но даже изучилъ въ подлинникъ «Духъ законовъ», Гитескьё, испещривъ собственный экземпляръ этой книги своими цѣтками. Съ восторгомъ была прочитана имъ также и «Исторія цивилизаціи въ Европѣ», Гизо. Увлекался и запрещенными въ то время «Записками по всеобщей исторіи» профессора педагогическаго института Лоренца. Въ бытность въ послѣднемъ курсѣ лицея, у него были отобраны инспекторомъ сочиненія Фейербаха, по его отрывкѣ профессоръ П. Д. Калмыковъ, доказавшій, что книга эта имѣетъ ближайшее отношеніе къ теоріи права и потому должна быть разрѣшена». Вообще баронъ Корфъ много и серьезно читалъ всѣмъ главнѣйшимъ предметамъ лицейскаго курса. У него рано разовалась страсть покупать книги на свои средства. Во все время пребыванія въ лицѣ, онъ получалъ по пяти рублей въ мѣсяцъ на извозчиковъ и перчатки. Предпочитая ходить пѣшкомъ и когда не надѣвая перчатокъ, онъ всѣ свои карманные деньги ликомъ обращалъ на книги, покупая послѣднія, ради дешевизны, букинистовъ. Подъ вліяніемъ благотворной внутренней работы, юноша скоро понялъ, что «наука одна, что задача ея состоитъ въ ученіи человѣка и природы и что различныя науки, по которымъ читаются лекціи подъ разными названіями, не что иное, какъ раз-

личныя точки зрѣнія все на того же человѣка и его дѣятельность и на природу». Цѣлый переворотъ въ душѣ юноши произвелъ открытіе, разомъ осмысливъ ученіе, сдѣлавъ его задачей и цѣлью всей послѣдующей его жизни.

Рано зародилась у барона Н. А. Корфа страсть къ писательству. Еще бывши въ лицѣ, онъ задумалъ переводить трагедію Корнелія подлинника на нѣмецкій языкъ, который, подъ вліяніемъ тогдашнихъ что прочитавшихъ имъ гекзаметровъ «Мессіады» Клопштока, казался ему какъ-бы специально предназначеннымъ для «высокаго стиля». Въ эту-же пору онъ написалъ три повѣсти, такъ и оставшіяся къ сожалѣнію въ рукописяхъ, «въ качествѣ пожизненныхъ заключенныхъ, — провизируетъ баронъ Корфъ въ своихъ «Запискахъ», — просто по той причинѣ, что отъ этой неволи никто выигрываетъ и не теряетъ и не потеряетъ». Очень жаль однако, что это «пожизненное заключеніе» продолжается даже и послѣ смерти автора.

Вкусъ къ литературнымъ занятіямъ развился у Н. А. Корфа подъ вліяніемъ даровитаго дяди его, барона Федора Федоровича Корфа, умершаго въ молодыхъ годахъ, извѣстнаго въ литературномъ по его «Воспоминаніямъ о Персін», но остроумнаго фельетователя въ «Русскомъ Инвалидѣ» и по комедіямъ, которыя и до сихъ поръ еще держатся на театральномъ сценѣ. Ф. Ф. Корфъ также подпитилъ страсть къ литературнымъ занятіямъ у своего племянника. Однажды, считая племянника ушедшимъ, онъ сказалъ своей жемъ: «вотъ единственный человѣкъ въ нашей семьѣ, который будетъ писать». Въ виду уваженія къ литературному дарованію дяди, эта аттестація привела юношу въ неописанный восторгъ, тѣмъ болѣе, что, по высокому идеализму той поры и личнаго его направленія, онъ смотрѣлъ на литературное дѣло, какъ на священнодѣйствіе. Не представляя себѣ даже возможности существованія литераторовъ, торгующихъ совѣстью и перомъ, литераторовъ-хамелеоновъ, литераторовъ-пресмыкающихся, литераторовъ-доносчиковъ, онъ смотрѣлъ черезъ розовую юношескую призму на писательство, какъ на самую высшую ступень педагогической дѣятельности, въ смыслѣ просвѣщенія и руководства всею грамотною частью населенія. Педагоговъ-же, какъ мы знаемъ уже, онъ высоко цѣнилъ. Онъ сознавалъ уже, что за время своего ранняго безпріютнаго дѣтства рѣшительно всѣмъ обязанъ имъ. Кромѣ того, извѣдавъ гнетъ лично на самомъ себѣ, онъ возмущался несправедливымъ отношеніемъ общества къ лицамъ педагогической профессіи, особенно-же къ гувернерамъ и гувернанткамъ, какъ людямъ угнетеннымъ. Такимъ образомъ свои юношескія симпатіи къ педагогической дѣятельности

баронъ Корфъ перенесъ и распространилъ на литературную дѣятельность, сблизивъ въ своемъ представленіи два эти поприща дѣятельности, несомнѣнно имѣющія между собою очень много общаго.

Въ бытность еще въ младшемъ отдѣленіи лицея, т. е. на 16-мъ году жизни, барону Корфу пришлось серьезно извѣдать свои преподавательскія силы. Въ лицей поступилъ среди учебнаго года сынъ бывшаго въ то время нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Триестѣ графа Кассини. Отлично подготовленный по всѣмъ предметамъ, онъ ни слова однако не зналъ по-русски. На вызовъ директоромъ желающихъ преподавать ему русскій языкъ, отозвался только баронъ Корфъ, въ годичный срокъ настолько подвинувшій Кассини въ русскомъ языкѣ, что тотъ владѣлъ имъ такъ-же свободно и правильно, какъ и природнымъ своимъ итальянскимъ. Этотъ успѣхъ Корфъ приписываетъ «богатымъ дарованіямъ ученика»; но нужно-же конечно отдать должное и «дарованію» юнаго учителя.

Въ старшемъ отдѣленіи лицея особенно труднымъ предметомъ считалась «теорія уголовного права». Передъ «репетиціями» изъ среды товарищей находились желающіе послушать разъясненія барона Корфа по этому предмету, что доставляло ему невыразимое удовольствіе. Не ускользнула отъ его вниманія и ничтожная шkolка грамотности, существовавшая въ лицей для дѣтей находившихся въ немъ служителей, помѣщавшаяся въ лицейскомъ предбанникѣ, въ которой училъ діаконъ, посвященный изъ дьячковъ. Это была школа непрерывнаго сѣченія, побоевъ, вопля и слезъ дѣтей, — какъ характеризуетъ ее баронъ Корфъ. Онъ посѣщалъ эту школу, но не извѣстно однако, какое именно участіе принималъ въ ней. Вообще-же во все время пребыванія его въ лицей въ немъ былъ обостренъ интересъ къ педагогической дѣятельности. Какъ онъ самъ говоритъ въ «Запискахъ», «начиная съ пятнадцатилѣтняго возраста, не проводилъ ни однихъ каникулъ, не обучая какого-нибудь крестьянскаго мальчика».

Подводя общій итогъ влиянію лицея на барона Корфа, нельзя пройти молчаніемъ слѣдующей характерной подробности. «Единственнымъ профессоромъ, — говоритъ онъ въ своихъ «Запискахъ», — косвенно, но сильно поддерживавшимъ выработанную во мнѣ раньше мечту о работѣ на благо крестьянъ, былъ профессоръ и извѣстный того времени ученый Сахаровъ. Онъ читалъ намъ быть можетъ никому изъ насъ ненужную палеографію, обучая насъ разбирать и воспроизводить древнія рукописи, написанныя уставомъ, полууставомъ и скорописью; но важно то, что онъ былъ изъ первыхъ собирателей народныхъ сказокъ и преданій и, записавъ ихъ, наче-

талъ подъ именемъ: «Сказанія русскаго народа». Нѣкоторые насъ не только прочитали эту книгу, но и искали общества представителя народнаго начала въ нашей средѣ».

Серьезно работая, Корфъ прошелъ лицей однимъ изъ педучениковъ, получивъ однако серебряную медаль, вмѣсто золотой, за «личность». Вообще и въ пансіонѣ Филиппова, и въ лицейѣ баронъ никогда не былъ въ категоріи такъ-называемыхъ «благонравныхъ». Будучи отъ природы человѣкомъ кроткимъ, онъ тѣмъ же часто подвергался обвиненіямъ въ «дерзости» — только за пренебреженіе неумѣнне смолчать. Года-же за два до выпуска изъ лицея еще и курилъ втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, да притомъ неловко, что попался и раза три сидѣлъ за куреніе въ карцерѣ.

Эта школьная дрессировка совершенно не соотвѣтствуетъ нравственному облику барона Корфа, бывшаго въ это время зрѣлымъ юношей, обращавшимъ на себя вниманіе преподавателей своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ занятіямъ. Объ этомъ можно судить между прочимъ по письму къ нему академика Я. К. Грота, бывшаго профессоромъ его по лицейскому курсу. Въ 1867 году, т. е. примѣрно въ 13 лѣтъ уже послѣ оконченія лицея, академикъ Гротъ писалъ барону Корфу между прочимъ следующее:

«За вашу дѣятельностью я всегда слѣдилъ, сколько моихъ газетамъ и разнымъ статьямъ вашимъ, въ которыхъ, кромѣ того, роднаго образа мыслей и основательности познаній, обращая на себя вниманіе и прекрасное перо. Задатки этого видѣлъ я въ лицейскихъ вашихъ упражненіяхъ и не забылъ вашего сочувствія къ исторіи Карамзина.»

IV.

Въ деревнѣ и на земской службѣ.

Девизъ барона Н. А. Корфа и обстоятельства, при которыхъ жилъ его девизъ. — Полтора года коронной службы. — Возвращеніе въ деревню и женитьба. — Отношеніе къ крестьянамъ. — Самостоятельная работа барона Н. А. Корфа и специализація въ юридическомъ отношеніи. — Баронъ Корфъ, нашъ земскій дѣятель. — Школьное дѣло до и послѣ введенія земскихъ учрежденій. — Корфъ, какъ творецъ русской народной школы. — Роль на школьномъ дѣлѣ сближенія разныхъ сословій. — Учебно-воспитательное дѣло, какъ социальное по преимуществу. — Привлеченіе къ школьному дѣлу всѣхъ мѣстныхъ интеллигентныхъ

«Не быть ничѣмъ *ex officio* и чѣмъ-нибудь — *de facto*»
дѣломъ, который установился у барона Николая Алек

ча Корфа еще на лицейской скамьѣ, и которому онъ остался вѣренъ всю последующую свою жизнь. Замѣчательно, что этотъ строгій и высокій нравственный принципъ сложился у юнаго барона при такихъ обстоятельствахъ, которыя обыкновенно приводятъ къ прямо обратному результату.

Въ числѣ петербургскихъ родственниковъ Корфа, принявшихъ участие въ его воспитаніи во время круглаго сиротства, былъ и знаменитый въ свое время баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ, послѣдствіи графъ. Въ домѣ его, какъ своего дяди, юноша Корфъ часто бывалъ. Это былъ человѣкъ высоко даровитый, разносторонне развитый, гуманный и неподкупно честный. Дѣятельность его, какъ директора публичной бібліотеки, которой онъ былъ преданъ съ увлеченіемъ, со страстью, въ высшей степени обаятельно дѣйствовала на юношу Корфа, разжигая и усиливая въ немъ любовь къ книгамъ, уваженіе къ знанію, жажду къ разносторонности образованія. Не менѣе сильное и обаятельное впечатлѣніе производилъ на него дядя и своимъ дневникомъ, который онъ съ истинно ибейскою аккуратностью велъ за десятки лѣтъ, хранилъ въ величайшемъ порядкѣ и читалъ иногда въ своей семьѣ. «Независимо отъ интереса, возбуждавшагося самымъ содержаніемъ,—говоритъ баронъ Н. А. Корфъ,—во мнѣ это чтеніе поселяло какое-то непредѣленное, но и непреодолимое желаніе послужить обществу и дѣлать что-нибудь для отечества». Наконецъ юноша Корфъ симпатизировалъ своему сановитому и высокопоставленному дядѣ, какъ бывшему лицеисту, окончившему курсъ въ одно время съ Пушкинымъ. Но блестящая служебная карьера дяди, его сановитость и высокопоставленность производили на юношу-племянника менѣе даже чѣмъ не обаятельное вліяніе.

Отсылая интересующихся мотивами этого характернаго явленія къ «Запискамъ» барона Корфа, замѣтимъ лишь, что именно тѣ обстоятельства, которыя побуждаютъ другихъ «дѣлать карьеру» то что бы то ни стало, повернуло барона Н. А. Корфа прямо въ обратную сторону. Это свидѣтельствуетъ о цѣльности и стойкости нравственной его личности въ раннюю юношескую пору, въ отсутствіи разлада между словомъ и дѣломъ. Все это и вышло въ оригинальную формулу самаго высокаго и благороднаго честолюбія: «не быть ничѣмъ *ex officio* и чѣмъ-нибудь—*de facto*».

Выпущенный изъ лицея въ 1854 году, двадцати лѣтъ, т. е. въ томъ возрастѣ, въ которомъ очень немногіе счастливыцы въ наше время едва-едва добиваются аттестата зрѣлости, баронъ Н. А. Корфъ, какъ не имѣвшій еще должнаго гражданскаго совершенно-

лѣтія, чтобы наследовать родовое свое помѣстье по матери, и нужденъ былъ, по настоянію родныхъ, поступить на государственную службу, въ департаментъ министерства юстиціи. Но эта ровная служба продолжалась всего лишь полтора года, т. е. наступленія полного совершеннолѣтія. Баронъ Н. А. Корфъ сознавалъ, что родство и связи, успѣшное окончаніе лицея и выше-же шаги по службѣ открываютъ ему блестящую карьеру наивысшихъ ступеней въ служебной іерархіи. Но душа жаждущей дѣятельности, и живая, отзывчивая натура его рѣшительно не мирилась съ канцелярскимъ дѣломъ. Поэтому, какъ только наступило время полновластнаго унаслѣдованія родового своего помѣстья Нескучнаго, въ Екатеринославской губерніи, баронъ Н. А. Корфъ, вопреки настойчивымъ уговорамъ и совѣтамъ своихъ богатыхъ и вліятельныхъ петербургскихъ родственниковъ, бросилъ службу и Петербургъ, уѣхалъ въ свою деревню. Этотъ фактъ, по увѣреніямъ нѣкоторыхъ лицъ, близкихъ къ барону Н. А. Корфу, послужилъ поводомъ почти къ полному разрыву его съ богатыми и вліятельными петербургскими родственниками, подъ кровительствомъ которыхъ онъ находился во время одиннадцатилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ и которые готовили ему совершенно иной жизненный путь.

Поселившись въ своемъ Нескучномъ, баронъ Н. А. Корфъ женился 22 лѣтъ отъ роду на дочери одного изъ сосѣднихъ по имѣнію помѣщиковъ, Маріи Михайловнѣ Клевцовой. Какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ», женитьба «разлучила» его отъ самымъ близкимъ ему человѣкомъ за все время пребыванія въ Петербургѣ, родной теткой его по отцу, Е. Ф. Кёлеръ, «служившей матерью въ лучшемъ смыслѣ слова». Но, какъ видно изъ его «Записокъ», онъ былъ вполне счастливъ въ супружествѣ.

Короче говоря, очутившись въ положеніи самостоятельнаго, женатаго екатеринославскаго помѣщика, онъ какъ бы «сжегъ во раблѣ» своего привилегированнаго происхожденія и воспитанія, своего знатнаго родства и связей. Но это какъ бы даже облегчило барону Корфу возможность зажить въ своемъ Нескучномъ очень дѣятельною и разумною жизнью, не замедлившею принести громадную и во вѣки незабвенную общегосударственную пользу.

Поселившись въ своемъ помѣстьѣ, баронъ Корфъ очутился въ средѣ крестьянъ, обожавшихъ память его матери, няньчившихъ и всячески баловавшихъ его, когда онъ лишился матери. Даже въ то время, когда онъ жилъ у тетки, въ Воронежской губерніи, нескупецскій приказчикъ, пѣшкомъ пришедшій изъ Екатеринославско-

лѣтія, чтобы наслѣдовать родовое свое помѣстье по матери, вынужденъ былъ, по настоянію родныхъ, поступить на государственную службу, въ департаментъ министерства юстиціи. Но эта коронная служба продолжалась всего лишь полтора года, т. е. до наступленія полного совершеннолѣтія. Баронъ Н. А. Корфъ ясно сознавалъ, что родство и связи, успѣшное окончаніе лица и первые-же шаги по службѣ открываютъ ему блестящую карьеру до наивысшихъ ступеней въ служебной іерархіи. Но душа жаждала иной дѣятельности, и живая, отзывчивая натура его рѣшительно не мирилась съ канцелярскимъ дѣломъ. Поэтому, какъ только наступило время полновластнаго унаслѣдованія родового своего помѣстья Нескучнаго, въ Екатеринославской губерніи, баронъ Н. А. Корфъ, вопреки настойчивымъ уговорамъ и совѣтамъ своихъ богатыхъ и вліятельныхъ петербургскихъ родственниковъ, бросилъ службу и Петербургъ, уѣхалъ въ свою деревню. Этотъ фактъ, по увѣреніямъ нѣкоторыхъ лицъ, близкихъ къ барону Н. А. Корфу, послужилъ поводомъ почти къ полному разрыву его съ богатыми и вліятельными петербургскими родственниками, подъ покровительствомъ которыхъ онъ находился во время одиннадцатилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ и которые готовили ему совершенно иной жизненный путь.

Поселившись въ своемъ Нескучномъ, баронъ Н. А. Корфъ женился 22 лѣтъ отъ роду на дочери одного изъ сосѣднихъ по имѣнію помѣщиковъ, Маріи Михайловнѣ Клевцовой. Какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ», женитьба «разлучила» его съ самымъ близкимъ ему человѣкомъ за все время пребыванія въ Петербургѣ, родной теткой его по отцу, Е. Ф. Кёлеръ, «служившей матерью въ лучшемъ смыслѣ слова». Но, какъ видно изъ его «Записокъ», онъ былъ вполне счастливъ въ супружествѣ.

Короче говоря, очутившись въ положеніи самостоятельнаго, женатаго екатеринославскаго помѣщика, онъ какъ бы «сжегъ корабли» своего привилегированнаго происхожденія и воспитанія, своего знатнаго родства и связей. Но это какъ бы даже облегчило барону Корфу возможность зажить въ своемъ Нескучномъ очень дѣятельною и разумною жизнью, не замедлившею принести громадную и во вѣки незабвенную общегосударственную пользу.

Поселившись въ своемъ помѣстьѣ, баронъ Корфъ очутился въ средѣ крестьянъ, обожавшихъ память его матери, нянчившихъ и всачески баловавшихъ его, когда онъ лишился матери. Даже въ то время, когда онъ жилъ у тетки, въ Воронежской губерніи, *нескученскій приказчикъ*, пѣшкомъ пришедшій изъ Екатеринославской

Убѣрнія для свиданія со своими родными, не полѣнился разыскать таланъ Корфа, пришелъ провѣдать его и принесть ему гостинца. Это свиданіе такъ тронуло мальчика, что онъ тогда-же, семи лѣтъ отъ роду, сказалъ себѣ: «Эхъ, вотъ, какъ выросту я, тогда-то ажъ вѣдутъ крестьяне деревни Нескучной!» Ради этого-то главнымъ образомъ баронъ Н. А. Корфъ и предпочелъ деревню столицѣ, бывшей ему узкою и тѣсною. Между нимъ и крестьянами установились самыя добрыя, сердечныя отношенія, которыя были настолько прочны, что не только до освобожденія отъ крѣпостной зависимости, но и до самой смерти Корфа нескученцы всемъ обществомъ подносили ему хлѣбъ-соль, въ видѣ поздравленія, ежегодно въ день его именинъ, на Пасху и на Рождество.

Наслаждаясь радостями удачной семейной жизни, полной любви и взаимнаго уваженія, дѣятельно занимаясь улучшеніемъ своего и крестьянскаго хозяйства, баронъ Корфъ не забросилъ и удовлетворенія потребностей высшаго духовнаго порядка—самообразованія. Въ совершенствѣ владѣя французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками, онъ выписывалъ лучшія изъ журналовъ и газетъ, какъ на русскомъ, такъ и на трехъ названныхъ иностранныхъ языкахъ, и приобрѣталъ наиболѣе выдающіяся сочиненія, главнымъ образомъ философскаго, политическаго и педагогическаго содержанія. Такимъ образомъ у него постепенно формировалась очень солидная и разносторонняя библіотека, достигшая современнымъ весьма значительныхъ размѣровъ. Приученный къ усидчивости, аккуратности и методичности въ занятіяхъ, онъ много, серьезно и успѣшно работалъ надъ собственнымъ самоусовершенствованіемъ.

Появленіе дѣтей обратило его вниманіе въ сторону воспитанія. Обѣ его дочери преимущественно ему обязаны своимъ образованіемъ. Это конечно потребовало большой подготовительной работы съ его стороны. Знакомясь съ дѣломъ воспитанія и обученія теоретически, онъ тѣмъ не менѣе выѣзжалъ и за границу для непосредственнаго изученія школьнаго дѣла на родинѣ Песталоцци.

Въ такой серьезной научной и разносторонней подготовительной дѣятельности прошло 10 лѣтъ. Благодаря этому, крестьянская, а потомъ и земская реформы нашли въ баронѣ Корфѣ не только горячаго и энергическаго общественнаго дѣятеля, но и человѣка, значительно зрѣло и всесторонне подготовленнаго къ служенію на пользу общую.

* *
*

Какъ землевладѣлецъ и членъ дворянской корпораціи, баронъ Н. А. Корфъ принималъ дѣятельное участіе въ дворянскихъ со-

браніяхъ, работая, понятно, въ культурномъ и прогрессивномъ направленіи. Весьма цѣнное значеніе имѣло также участіе барона Корфа, какъ человѣка, широко образованнаго и разносторонне развитога, въ подготовленіи, проведеніи и практическомъ осуществленіи на мѣстѣ крестьянской реформы. Вотъ что наприимѣръ говорится объ этой сторонѣ дѣятельности Корфа въ «Воспоминаніяхъ» Гнѣдина, напечатанныхъ въ 5, 6 и 7 книжкахъ «Русскаго Богатства» за 1893 годъ:

«Незадолго до нашего очереднаго дворянскаго собранія въ первое трехлѣтіе освобожденія я познакомился съ молодымъ человекомъ, возвратившимся изъ заграничнаго путешествія, барономъ Н. А. Корфомъ. Эта замѣчательно свѣтлая личность высказывалъ полную симпатію всѣмъ моимъ посредническимъ дѣйствіямъ и изъявила готовность дать на собраніи отпоръ всѣмъ могущимъ быть на меня нападкамъ. Дворянское собраніе было замѣчательно бурное, вслѣдствіе озлобленія противъ положенія и желанія во что бы то ни стало вернуть старыя порядки. Приверженцы старины замыслили жестоко пробовать нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ и даже, если возможно, исключить ихъ изъ сословія дворянъ. Въ числѣ лицъ, предполагаемыхъ къ исключенію, былъ и я. Разумѣется, дѣйствія этихъ посредниковъ должны были разбираться по уѣздамъ, начиная съ перваго. Обвиненіе началось противъ одного изъ посредниковъ Екатеринославскаго уѣзда, очень дѣятельнаго и энергичнаго. Посредникъ бойко защищался. Въ качествѣ обвинителя выступилъ также и мой пріятель, отставной артиллерійскій полковникъ, арендовавшій въ моемъ участкѣ имѣніе. Онъ былъ яростный крѣпостникъ и требовалъ между прочимъ, чтобы въ адресѣ Государю, по случаю манифеста объ освобожденіи крестьянъ, непременно была выражена просьба, чтобы судъ надъ крестьянскомъ принадлежалъ помещику, съ правомъ наказывать за всѣ провинности. Противъ полковника выступилъ баронъ Корфъ. Въ блестящей рѣчи онъ защищалъ посредниковъ и между прочимъ указалъ на то, что дворянское собраніе не имѣетъ права судить ихъ, такъ какъ ихъ служебная дѣятельность соответствуетъ духу положенія, а порицать послѣдній законъ значило-бы идти противъ Высочайшей воли, ясно выраженной въ манифестѣ объ освобожденіи крестьянъ. Рѣчь Корфа сильно повліяла на собраніе, о посредникахъ бросили говорить, и адресъ былъ составленъ по редакціи Корфа и кажется Савельева. Это дворянское собраніе было предсмертною агоніей существовавшаго порядка: волей-неволей надо было сознать, что старыя порядки рухнутъ, и что слѣдуетъ ждать новыхъ реформъ и присматриваться къ нимъ.»

Но общественная дѣятельность барона Корфа характерно опредѣлилась лишь со введеніемъ земскихъ учреждений. Самое осуществленіе земскихъ собраній и управъ, введеніе судебной реформы и вся послѣдующая организація земства происходили при непосредственномъ и очень дѣятельномъ его участіи, какъ гласнаго аде-

ксандровскаго уѣзднаго земства и екатеринославскаго губернскаго. На первыхъ-же порахъ земской дѣятельности мы видимъ барона Корфа въ роли секретаря земскихъ собраній, члена ревизіонной комисіи, почетнаго мирового судьи, а затѣмъ и предсѣдателя мирового съѣзда. Достаточно заглянуть въ земскіе журналы той поры, чтобы убѣдиться, что на каждомъ изъ этихъ постовъ общественнаго служенія баронъ Корфъ былъ на высотѣ оказываемаго ему довѣрія. Въ новомъ и обширномъ земскомъ хозяйствѣ и мировомъ институтѣ онъ проявилъ ясное пониманіе дѣла и глубокое знаніе, какъ бытовой жизни, такъ и легальной стороны. Какъ это видно напримѣръ изъ «Воспоминаній» покойнаго Гнѣдина, также бывшаго земскимъ гласнымъ, съ момента перваго приступа къ выбору земскихъ гласныхъ и во всю послѣдующую земскую дѣятельность, баронъ Корфъ былъ однимъ изъ главныхъ руководителей и заправителей во всемъ мѣстномъ земскомъ хозяйствѣ. На каждомъ изъ постовъ почетнаго общественнаго служенія онъ проявлялъ замѣчательную энергію и просвѣщенное руководство — съ широкимъ и возвышеннымъ общественнымъ взглядомъ.

Такая роль барона Корфа, какъ выдающагося земскаго работника, чувствовалась и признавалась не только въ рамкахъ уѣзднаго, но и губернскаго земскаго хозяйства, какъ объ этомъ можно судить между прочимъ по слѣдующему факту. Осенью 1867 года баронъ Корфъ, заваленный дѣломъ по своимъ прямымъ обязанностямъ въ александровскомъ уѣздномъ земствѣ, не предполагалъ быть на очередномъ земскомъ екатеринославскомъ губернскомъ собраніи. Узнавъ объ этомъ, собравшіеся губернскіе гласные съ предсѣдателемъ собранія во главѣ, послали ему «по эстафетѣ» слѣдующее знаменательное коллективное приглашеніе:

«Съ особеннымъ прискорбіемъ узнали мы, что вы не предполагаете быть въ настоящемъ земскомъ собраніи. Уважая васъ, какъ одного изъ первыхъ и полезнѣйшихъ дѣятелей нашего губернскаго земства, мы высоко цѣнимъ оказанныя уже вами услуги земскому дѣлу, дорожимъ вашимъ образованнымъ направленіемъ, любимъ васъ, какъ благороднѣйшаго человѣка, и, при такой душевной расположенности, рѣшаемся послать вамъ это письмо по эстафетѣ и усерднѣе просить васъ не лишать насъ удовольствія имѣть васъ нашимъ полезнѣйшимъ сотрудникомъ и въ настоящую сессію. Позволяемъ себѣ надѣяться, что вы, настолько любя земское дѣло, примете къ сердцу нашу просьбу и не откажете исполнить ее къ общему нашему удовольствію.»

Такъ высоко цѣнило губернское земство барона Корфа и его заслуги уже на второмъ году открытія дѣятельности земскихъ учрежденій, когда только что начиналась и не успѣла еще войти

опредѣляться педагогическая его дѣятельность, въ которой онъ былъ поистинѣ великъ и не замѣнимъ. Даже и теперь, когда русская народная школа имѣетъ болѣе чѣмъ четвертивѣковую историю, какъ нормированное, регулярное учебное заведеніе, дѣло народного образованія все еще продолжаетъ быть предметомъ безконечныхъ споровъ, сомнѣній, колебаній и ошибокъ, нерѣдко крайне грубыхъ и прискорбныхъ. Представьте-же себѣ ту пору, когда баронъ Корфъ, какъ земскій гласный и членъ александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, имѣ-же, строго говоря, организованнаго и руководимаго, впервые выступилъ въ роли организатора народныхъ школъ въ своемъ родномъ уѣздѣ. Ни идеи и типа народной школы, ни руководства и учителей, ни порядка административнаго управленія и завѣдыванія школами—словомъ, ровно ничего не было. Все это приходилось создавать барону Корфу сначала, прокладывая путь въ-дѣлину,—и онъ проявилъ въ этомъ отношеніи высокое творчество, обнаружилъ огромный организаторскій талантъ, заставивъ притомъ обратить всеобщее вниманіе на свою выдающуюся социальную дѣятельность въ провинціальномъ захолустьѣ.

Съ отроческихъ лѣтъ чувствуя влеченіе къ педагогической дѣятельности, основательно—какъ мы знаемъ уже—подготовленный теоретически и практически въ этомъ отношеніи десятилѣтнею самостоятельною работою, баронъ Н. А. Корфъ избралъ для себя не обще-педагогическую дѣятельность, а специальную народное образованіе, какъ область совсѣмъ новую, непочатую, остававшуюся въ полномъ забвеніи, если не пренебреженіи. Горячо и искренно сочувствуя дѣлу освобожденія крестьянъ, онъ, какъ человекъ глубоко просвѣщенный, ясно понималъ, что великій актъ юридическаго освобожденія крестьянъ можетъ возымѣть должную силу въ жизни въ томъ лишь случаѣ, если онъ будетъ дополненъ освобожденіемъ народа отъ вѣковѣчной тьмы безграмотства, т. е. его образованіемъ. Этой великой гражданской работѣ всецѣло посвятилъ баронъ Корфъ всю свою послѣдующую жизнь.

Теперь такъ любятъ нѣкоторые ссылаться на то, что было до введенія земскихъ учреждений; есть даже охотники возводить чуть не въ «перлъ созданія» первобытную русскую школу, какъ какую-то, будто-бы, «самобытную нашу школу», противопоставляя ее «нѣмецкой», подъ которой подразумѣвается всякая вообще разумно поставленная школа, удовлетворяющая раціональнымъ требованіямъ образованія и воспитанія. Сошлемся-же и мы на это «былое»—во избѣжаніе недомолвокъ.

«Корфа въ апрѣлѣ 1867 года александровскій уѣздный училищ-

ный совѣтъ вступилъ въ отправление своихъ обязанностей, то школь-приходскихъ, государственныхъ крестьянъ, нѣмецкихъ, греческихъ колонистовъ и казацкихъ на бумагѣ оказалось 40, на дѣлѣ-же, хоть немного сносныхъ, — *только два!* При объѣздѣ этихъ школъ членами совѣта всплыли наружу невѣроятныя вещи. Такъ, въ одной изъ школъ нашелся ученикъ, посвящавшій ее шестой годъ, но невыучившійся совѣтъ читать по-русски и плохо читающій по церковно-славянски; въ другой школѣ ученикъ второй годъ училъ азбуку; въ третьей изъ 43-хъ учениковъ ни одинъ не умѣлъ писать, и только двое кое-какъ писали. На одну школу, втеченіи 13-ти лѣтъ, истрчено 4,000 руб., а грамотныхъ за все это время вышло только 5 человѣкъ, т. ч. каждый грамотный обошелся въ 800 рублей. Случалось и такъ, что школа на бумагѣ существуетъ и въѣдомости даже присылаются, а на дѣлѣ ей и съ фонаремъ не отыщешь.»

Такое описаніе до-реформенныхъ школъ явилось еще въ 1871 году въ «Современной Лѣтописи» Каткова, въ статьѣ Кашина подъ заглавіемъ: «Поѣздка къ барону Н. А. Корфу». Кашина-же былъ командированъ предсѣдателемъ московскаго комитета грамотности для осмотра земскихъ школъ Александровскаго уѣзда и описалъ несчастное положеніе до-реформенныхъ школъ на основаніи дѣлъ и документовъ училищнаго совѣта. Мы съ своей стороны можемъ только удостовѣрить, что приведенное описаніе г. Кашина совершенно вѣрно; что всѣ вообще начальныя школы до-реформенной эпохи въ селахъ и деревняхъ находились въ такомъ-же плачевномъ положеніи, какъ и въ Александровскомъ уѣздѣ; что та именно школа, которая прославляется теперь, какъ «самобытная», была одною изъ самыхъ худшихъ школъ въ мірѣ, въ которой царилъ звѣрское битье дѣтей, доходившее иногда даже до физическаго искалѣченія, не говоря ужъ о нравственномъ уродованіи; что вообще въ школахъ не было ничего воспитывающаго, образующаго, и самыя школы въ громадномъ большинствѣ случаевъ существовали только фактивно, номинально.

Барону Корфу всецѣло принадлежитъ какъ самая идея, такъ и практическое насажденіе у насъ, въ Россіи, *дешевой и краткосрочной* народной школы, съ учебнымъ курсомъ въ три зимы, съ тремя отдѣленіями, которыя одновременно ведетъ одинъ учитель, въ одной классной комнатѣ. Этотъ остроумный типъ школы, съ позаимствованіями изъ заграницы только психолого-физиологическихъ основъ элементарнаго образованія, есть въ полномъ смыслѣ *народная русская школа*, какъ нельзя болѣе приспособленная къ потребностямъ первоначальнаго обученія и условіямъ сельскаго быта. Весною, лѣтомъ и осенью дѣти необходимы въ каждой *крестьянской семьѣ*, какъ рабочая сила, — и школа предъав-

ляетъ на нихъ свои права лишь въ зимнее время, когда дѣти мѣне необходимы для сельскихъ работъ.

Принимаясь, въ качествѣ члена училищнаго совѣта, за насажденіе новыхъ народныхъ школъ въ Александровскомъ уѣздѣ, баронъ Корфъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи не только руководствъ и учебниковъ, мало-мальски подготовленнаго педагогическаго персонала, но даже буквально никакихъ денежныхъ средствъ. Первое ассигнованіе александровскаго уѣзднаго земства на народное образованіе составляло всего 800 рублей, да и то надо было обладать краснорѣчіемъ Корфа, чтобы вырвать согласіе на ассигновку. Повидимому, все это такія препятствія, которыя невозможно преодолѣть одному человѣку. Но онъ былъ чрезвычайно богатъ любовью къ новому начинаемому имъ дѣлу, вѣрою въ его правоту, величайшую государственную пользу и необходимость. Былъ полонъ энергіи и самоотверженія, — и побѣдилъ всѣ препятствія. Свое увлеченіе дѣломъ, свой необыкновенный гражданскій подъемъ духа онъ сумѣлъ передать и другимъ. Заботясь о разумной постановкѣ школы, какъ учебно-воспитательнаго заведенія для подростящихъ поколѣній, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ставилъ ее, какъ связующее звено между крестьяниномъ и помѣщикомъ, — какъ разумное и дѣйствительное средство для искренняго и солидарнаго сближенія бывшихъ обладателей крѣпостными съ освобожденными крестьянами. Эта трезвая гражданская идея, полная глубокаго политическаго смысла, нашла большое сочувствіе. Увлеченные приѣздомъ барона Корфа, мѣстные помѣщики охотно становились почитателями школъ, охотно жертвовали на это дѣло и свое время, и свои денежные средства. Сельскія общества, извѣрившіяся въ пользу школъ, въ виду прежней возмутительной ихъ практики, и съ недоувѣріемъ относившіяся на первыхъ порахъ къ новому пошину, — вскорѣ однако начали добровольно облагать себя школьнымъ налогомъ отъ 15 до 46 коп. съ ревизской души.

«Съ міру по ниткѣ — голому рубашка». Въ распоряженіи училищнаго совѣта вскорѣ-же составила довольно круглая сумма, съ двухъ до трехъ десятковъ тысячъ рублей въ годъ на уѣздѣ. Съ этому нужно прибавить еще даровой отводъ помѣщеній подъ школы то попечителями-помѣщиками, то сельскими обществами, съ предоставленіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отопленія. Наконецъ былъ и приливъ пожертвованій со стороны. Въ общемъ, исходя изъ нуля, училищный совѣтъ быстро составилъ настолько солидныя матеріальныя средства, что получилъ возможность въ два-три года довести число благоустроенныхъ школъ въ уѣздѣ до 70-ти.

Какъ ни важны матеріальныя средства, но это—лишь вѣшняя сторона. Вызвавъ приливъ этихъ средствъ, баронъ Корфъ долженъ былъ уже добывать внутреннее содержимое насаждаемыхъ имъ школъ изъ себя самого. Онъ скликалъ способныхъ молодыхъ людей, и они являлись къ нему не рѣдко изъ довольно отдаленныхъ губерній: сѣверныхъ, восточныхъ и поволжскихъ. Радушно давалъ имъ пріемъ въ своемъ домѣ, производилъ провѣрку ихъ знаний, разъяснялъ имъ теоретическія основанія пріемовъ обученія, самъ давалъ для нихъ образцовые уроки въ школахъ, составлялъ подробныя программы по каждому предмету, устраивалъ учительскіе съѣзды—словомъ, создавалъ и самую школу, и разумный, сознательный педагогическій персоналъ ея, преданный дѣлу, любящій его, т. е. дѣлалъ даже больше того, что дѣлаетъ въ учительской семинаріи цѣлый штатъ педагоговъ.

Правильно смотря на учебно-воспитательное дѣло вообще, и тѣмъ болѣе на народную школу, какъ на дѣло социальное по преимуществу, баронъ Н. А. Корфъ, выступивъ инициаторомъ въ дѣлѣ народнаго образованія, ставъ центромъ и душою этого дѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ интересовалъ имъ все, что было мыслящаго въ уѣздѣ, вызвалъ необычайное движеніе на мѣстѣ въ пользу народной школы. Попечители школъ стояли на высотѣ своего призванія и назначенія. Благодаря усиліямъ барона Корфа, каждый изъ нихъ прежде всего твердо зналъ свои обязанности и права, до мелочей входилъ въ положеніе и нужды своей школы, слѣдилъ за ходомъ работы въ ней и живо интересовался всѣмъ, касающимся школы. Бывали случаи избранія попечителями неграмотныхъ крестьянъ, и эти послѣдніе оказывались обыкновенно едва-ли не самыми ревностными дѣятелями на пользу школы. Они начинали съ того, что являлись въ школу въ одиночку, или со своими дѣтьми, садились за школьную скамью, выучивались грамотѣ и затѣмъ съ необычайною любовью служили школѣ не только въ матеріальномъ отношеніи, но и путемъ активнаго участія въ преподаваніи въ роли помощниковъ учителей. Члены училищнаго совѣта, хорошо освѣдомленные барономъ Корфомъ въ школьномъ дѣлѣ и разумно направляемые имъ, не менѣе двухъ разъ въ годъ объѣзжали школы своего участка, ревизуя ихъ, производя экзамены и представляя объ этомъ отчеты. На экзаменахъ присутствовали и родители учащихся, и мѣстные земскіе гласные, и мировые судьи, равно какъ и другія должностныя лица. Всѣ мѣстныя интеллигентныя силы такъ или иначе привлекались къ школьной работѣ, и каждый старался оказать ей посильно содѣйствіе: одни—своимъ вліяніемъ, другіе—добрымъ совѣтомъ.

нравственной поддержкою, третьи—своимъ общественнымъ положеніемъ и матеріальною помощію.

Во всей исторіи русскаго общественнаго управленія нѣтъ болѣе свѣтлой страницы, какъ эта дружная, увлеченная, сознательная работа всѣхъ сословій и классовъ цѣлаго уѣзда на пользу образованія, возвышавшая и облагораживавшая тѣхъ, которые отдавались ей. При условіи дружнаго общаго содѣйствія, дѣло ширилось и расло. Помимо быстраго количественнаго возрастанія школъ, качественная постановка ихъ не оставляла желать ничего лучшаго. Всѣ школы уѣзда, какъ увидимъ ниже, были благоустроены въ полномъ смыслѣ слова и притомъ поставлены такъ дѣльно и предусмотрительно, что въ корнѣ уничтожалась возможность рецидива безграмотности, столь обычнаго, почти даже неизбежнаго, въ постановкѣ школъ до-реформеннаго періода.

V.

На пользу всего государства.

Баронъ Н. А. Корфъ, какъ типичный общественникъ.—Публицистическая его дѣятельность.—«Отчеты» о школьной дѣятельности. Ихъ распространеніе и вліяніе на всю Россію.—Корреспонденты барона Н. А. Корфа.—Оцѣнка его дѣятельности К. Д. Ушинскимъ; пророчливый взглядъ его на барона Корфа.

Баронъ Н. А. Корфъ былъ, можно сказать, врожденнымъ общественникомъ. Придавая значеніе только живой и производительной дѣятельности, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ непреодолимую потребность дѣлиться съ обществомъ каждою вновь зародившеюся мыслью, каждымъ новымъ шагомъ въ общественной дѣятельности. Все это онъ торопился сдѣлать общественнымъ достоинствомъ,—отдать на судъ общества.

Съ самаго начала реформъ царствованія Александра II, особенно же съ момента земской реформы, баронъ Корфъ заявилъ себя талантливымъ, отзывчивымъ и необычайно плодовитымъ публицистомъ. Начало литературной дѣятельности барона Корфа относится къ 1859 году, когда онъ печатался въ «Экономическомъ Указателѣ» Вернадскаго, работая исключительно надъ вопросами, касавшимися улучшенія экономическаго положенія сельскаго населенія и имѣвшими непосредственное отношеніе къ ожидавшемуся тогда *свобожденію крестьянъ*. Вскорѣ литературнымъ прибіжищемъ его

стали «С.-Петербургскія Вѣдомости», издававшіяся и редактируемыя тогда В. Θ. Коршемъ и пользовавшіяся въ ту пору большимъ вліяніемъ и уваженіемъ. Баронъ Корфъ сразу занялъ въ періодической печати авторитетное и боевое положеніе по вопросамъ дворянскаго управленія, судебной реформы, общественнаго самоуправленія и земскаго хозяйства, школьнаго дѣла вообще и народнаго образованія въ особенности. Уже въ 1866 году В. Θ. Коршъ, въ письмѣ отъ 6-го іюня, «повторяетъ» барону Корфу «искреннее спасибо редакціи» за его статьи и между прочимъ говоритъ:

«Всѣ онѣ интересны и дѣльны, хотя и возбуждаютъ противорѣчія съ разныхъ сторонъ. Конечно вы имѣете полное право защищаться, въ случаѣ печатныхъ нападеній на ваши статьи. Я съ своей стороны могу только пожалѣть о томъ, что онѣ появились въ видѣ корреспонденцій, а не въ видѣ передовыхъ статей, занимающихъ болѣе видное мѣсто въ газетѣ. Вы очень обязали бы редакцію на будущее время, еслибы не отказались давать вашимъ статьямъ именно такой характеръ и видъ.»

Съ этой поры баронъ Н. А. Корфъ сталъ желаннымъ гостемъ во всѣхъ лучшихъ періодическихъ изданіяхъ. Но онъ всегда писалъ не иначе, какъ за своею подписью, и нигдѣ, никогда не выступалъ со статьями редакціоннаго характера.

Не довольствуясь широкимъ доступомъ въ періодическую печать, баронъ Корфъ избралъ очень остроумный способъ для пропаганды собственно народнаго образованія, какъ области, никому въ то время невѣдомой и не имѣвшей никакихъ опредѣленныхъ законоположеній. Онъ началъ выпускать «Отчеты александровскаго уѣднаго училищнаго совѣта», въ которыхъ подробнѣйшимъ образомъ излагались: организація училищнаго совѣта, обязанность членовъ его и попечителей школъ, порядокъ открытія народныхъ училищъ, ихъ программы, распредѣленіе занятій, производство экзаменовъ, выдача аттестатовъ, наконецъ даже самые планы школъ и все ихъ обзаведеніе въ учебномъ отношеніи. Прекрасная литературная форма «Отчетовъ», простое, ясное, увлекательное изложеніе ихъ, особенно-же тотъ внутренний огонь, которымъ они были проникнуты, — сразу снискали имъ всеобщее вниманіе и сочувствіе во всей Имперіи, до Сибири и Кавказа включительно.

Департаментъ министерства народнаго просвѣщенія и «Журналъ» этого-же министерства, попечители разныхъ учебныхъ округовъ, редакціи общихъ періодическихъ и педагогическихъ изданій, города и земства, частныя лица и педагоги разныхъ ранговъ и общественныхъ положеній, до народныхъ учителей включительно, — все это съ жадностью набросилось на скромные «Отчеты» уѣднаго

училищнаго совѣта. Всѣхъ изумлялъ, радовалъ и привлекалъ фактъ какъ-бы самостоятельнаго возникновенія разумной, крайне симпатичной народной школы, дѣльно принаровленной къ потребностямъ сельской жизни и соответствующей скуднымъ матеріальнымъ средствамъ крестьянства (около 340 р. въ годъ содержаніе школы около 8 р. 66 коп. обученіе одного учащагося). Школы этого, совершенно новаго, невѣдомаго раньше, типа возникали массами, по нѣскольку десятковъ въ годъ, пользуясь большою любовью селскаго населенія и энергическою поддержкою всего мѣстнаго интеллигентнаго и правящаго общества. Все это было изложено въ «Отчетахъ» убѣдительно, доказательно, фактически, почти съ прогнорической документальностью, но не въ ущербъ литературности формы, — и потому производило неотразимое вліяніе.

«Отчеты» расходились въ тысячахъ экземпляровъ, вызывая новыя и новыя требованія и давая довольно значительныя средства Александровскому училищному совѣту, въ пользу котораго поступала выручка отъ продажи. Всего вышло пять такихъ отчетовъ, полныхъ педагогическаго интереса, составляющихъ въ общей сложности болѣе 50-ти печатныхъ листовъ. Распродажа ихъ дала училищному совѣту свыше 2,000 рублей. Благодаря «Отчетамъ», а также и горячей публицистической своей дѣятельности, баронъ Н. А. Корфъ не только широко ознакомилъ всю читающую русскую публику съ созданнымъ имъ типомъ русской народной школы и порядками народнаго образованія на мѣстѣ, но водворилъ и внѣдрилъ этотъ типъ и распорядки въ сознаніи всей періодической печати и всего образованнаго русскаго общества, земскихъ и городскихъ общественныхъ учреждений и правящихъ сферъ. То, что дѣлалъ баронъ Корфъ въ провинціальной глуши, оставаясь почти безвыѣздно въ Александровскомъ уѣздѣ, распространялось на всю Имперію, получало общерусскій интересъ и значеніе. По указаніямъ и руководству «Отчетовъ», земства и города разныхъ губерній, мѣстная учебная администрація (напримѣръ кавказскій учебный округъ), разныя ученые общества (напримѣръ московскій комитетъ грамотности) — торопились посадить у себя новыя народныя школы или даже всю организацію народнаго образованія до учительскихъ съѣздовъ включительно. Такимъ образомъ, какъ самая народная школа, такъ и вся вообще организація народнаго образованія, такъ удачно возникшія въ глуши Александровскаго уѣзда, сами собою, въ силу естественнаго порядка вещей, получили право гражданства повсемѣстно въ Россіи. Въ этомъ отношеніи практика дѣла шла впереди законодательства, обогнавъ его на цѣлыхъ восемь лѣтъ, считая со

времени начала земской дѣятельности по народному образованію до появленія «Устава» (1874 года) о нормальныхъ народныхъ училищахъ. Это дѣло создавалъ баронъ Н. А. Корфъ личнымъ своимъ инициумомъ; онъ-же руководилъ имъ и направлялъ его съ необычайной энергіей и блестящимъ успѣхомъ — исключительно путемъ печати. www.vbiskhodk60.ru Въ исходѣ 60-хъ годовъ баронъ Корфъ началъ принимать дѣятельное участіе, помимо «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», еще въ «Вѣстникѣ Европы» и «Народной школѣ». Очень характерно заслѣдуетъ въ переписку его съ редакторами этихъ періодическихъ изданій. Дѣятельно работая въ трехъ крупнѣйшихъ періодическихъ изданіяхъ, заваливая ихъ статьями, такъ что редакторы то и дѣло «извинялись» передъ нимъ за «невозможность своевременно напечатать», баронъ Корфъ въ свою очередь горько жаловался на «недостатокъ мѣста». Помимо обширныхъ «Отчетовъ» и обильныхъ статей, безпрерывно слѣдовавшихъ другъ за другомъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, его колоссальная энергія требовала еще много выхода въ дѣлѣ созиданія народной школы, направленія всего дѣла народнаго образованія и руководства имъ. И вотъ онъ въ незначительный промежутокъ времени, примѣрно около 5 лѣтъ, выпустилъ одно за другимъ *пять* учебниковъ и руководствъ для народной школы, о которыхъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Но и это еще не насыщало его удивительной энергіи. Скромная, но славная общественная дѣятельность не замедлила снискать барону Н. А. Корфу общерусскую извѣстность, внушительно выражающуюся между прочимъ въ обширнѣйшей перепискѣ его съ разными лицами по вопросамъ вообще школьнаго и собственно народнаго образованія. Территоріальный районъ, по которому разбросаны были корреспонденты барона Н. А. Корфа, онъ очень удачно опредѣлилъ въ своихъ «Запискахъ» словами: «отъ Колы до Кутаиса, отъ Варшавы до Омска». Около 1,000 этихъ писемъ, принадлежащихъ 250 корреспондентамъ, находились въ нашемъ распоряженіи и послужили основнымъ матеріаломъ при составленіи этой біографіи. Конечно эта обширная коллекція писемъ не обнимаетъ еще всей корреспонденціи барона Корфа, тѣмъ не менѣе она въ высшей степени характерна и назидательна. Тутъ есть письма крупныхъ административныхъ дѣятелей, до министерскаго поста включительно, и скромныхъ народныхъ учителей; но значительно преобладаютъ письма земскихъ общественныхъ дѣятелей, — лицъ, такъ или иначе причастныхъ дѣлу образованія, и литераторовъ. Какъ видно изъ этой переписки, подавляющей своею обширностью разнообразіемъ, баронъ Корфъ былъ идеально исправнымъ кор-

училищнаго совѣта. Всѣхъ изумлялъ, радовалъ и привлекалъ какъ-бы самостоятельнаго возникновенія разумной, крайне ситичной народной школы, дѣльно принаровленной къ потребностямъ сельской жизни и соотвѣтствующей скуднымъ матеріальнымъ средствамъ крестьянства (около 340 р. въ годъ содержаніе школы около 8 р. 66 коп. обученіе одного учащагося). Школы этого совершенно новаго, невѣдомаго раньше, типа возникали массами въ несколько десятковъ въ годъ, пользуясь болышою любовью скаго населенія и энергической поддержкою всего мѣстнаго и лигентнаго и правящаго общества. Все это было изложено въ четахъ» убѣдительно, доказательно, фактически, почти съ екольной документальностью, но не въ ущербъ литературности мы,— и потому производило неотразимое вліяніе.

«Отчеты» расходились въ тысячахъ экземпляровъ, выновыя и новыя требованія и давая довольно значительныя среднаго александровскому училищному совѣту, въ пользу котораго нала выручка отъ продажи. Всего вышло пять такихъ отчетныхъ педагогическаго интереса, составляющихъ въ общности болѣе 50-ти печатныхъ листовъ. Распродажа ихъ дали личному совѣту свыше 2,000 рублей. Благодаря «Отчетамъ также и горячей публицистической своей дѣятельности, баронъ Корфъ не только широко ознакомилъ всю читающую русскую блику съ созданнымъ имъ типомъ русской народной школы порядками народнаго образованія на мѣстѣ, но водворилъ и внѣ этотъ типъ и распорядки въ сознаніи всей періодической печати всего образованнаго русскаго общества, земскихъ и городски шественныхъ учрежденій и правящихъ сферъ. То, что дѣларонъ Корфъ въ провинціальной глуши, оставаясь почти безвъ въ Александровскомъ уѣздѣ, распространялось на всю Имполучало общерусскій интересъ и значеніе. По указаніямъ и водству «Отчетовъ», земства и города разныхъ губерній, мѣ

времени начала земской дѣятельности по народному образованію до появления «Устава» (1874 года) о нормальныхъ народныхъ училищахъ. Это дѣло создавалъ баронъ Н. А. Корфъ личнымъ своимъ личнымъ; онъ же руководилъ имъ и направлялъ его съ необычайной энергіей и блестящимъ успѣхомъ — исключительно путемъ печати.

Въ исходѣ 60-хъ годовъ баронъ Корфъ началъ принимать дѣятельное участіе, помимо «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», еще въ «Вѣстникѣ Европы» и «Народной школѣ». Очень характерно взглянуть въ переписку его съ редакторами этихъ періодическихъ изданій. Дѣятельно работая въ трехъ крупнѣйшихъ періодическихъ изданіяхъ, заваливая ихъ статьями, такъ что редакторы то и дѣло «извинялись» передъ нимъ за «невозможность своевременно напечатать», баронъ Корфъ въ свою очередь горько жаловался на «недостатокъ мѣста». Помимо обширныхъ «Отчетовъ» и обильныхъ статей, непрерывно слѣдовавшихъ другъ за другомъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, его колоссальная энергія требовала еще иного выхода въ дѣлѣ созиданія народной школы, направленія всего дѣла народнаго образованія и руководства имъ. И вотъ онъ въ незначительный промежутокъ времени, примѣрно около 5 лѣтъ, выпустилъ одно за другимъ *пять* учебниковъ и руководствъ для народной школы, о которыхъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Но и это еще не насыщало его удивительной энергіи. Скромная, но славная общественная дѣятельность не замедлила снискать барону Н. А. Корфу общерусскую извѣстность, внушительно выразившуюся между прочимъ въ обширнѣйшей перепискѣ его съ разными лицами по вопросамъ вообще школьнаго и собственно народнаго образованія. Территориальный районъ, по которому разбросаны были корреспонденты барона Н. А. Корфа, онъ очень удачно опредѣлилъ въ своихъ «Запискахъ» словами: «отъ Колы до Кутаиса, отъ Варшавы до Омска». Около 1,000 этихъ писемъ, принадлежащихъ 250 корреспондентамъ, находились въ нашемъ распоряженіи и послужили основнымъ матеріаломъ при составленіи этой біографіи. Конечно эта обширная коллекція писемъ не обнимаетъ еще всей корреспонденціи барона Корфа, тѣмъ не менѣе она въ высшей степени характерна и назидательна. Тутъ есть письма крупныхъ административныхъ дѣятелей, до министерскаго поста включительно, и скромныхъ народныхъ учителей; но значительно преобладаютъ письма земскихъ общественныхъ дѣятелей, — лицъ, такъ или иначе причастныхъ дѣлу образованія, и литераторовъ. Какъ видно изъ этой переписки, подавляющей своею обширностью и разнообразіемъ, баронъ Корфъ былъ идеально исправнымъ кор-

респондентомъ. Необычайно дѣятельный и отзывчивый вообще тѣмъ болѣе не оставлялъ безъ обстоятельнаго отвѣта и разъясненія сдѣланнаго къ нему обращенія, отъ кого бы оно ни исходило: разъ только дѣло касалось воспитанія и обученія, а тѣмъ болѣе народнаго образованія. Въ этомъ случаѣ баронъ Корфъ не считалъ обременительнымъ для себя писать обширныя отвѣтныя письма, подерживая и направляя однихъ, споря съ другими, разъясняя третьимъ.

Какое важное значеніе имѣла пропаганда барономъ Н. А. Корфомъ дѣла народнаго образованія, лучшимъ доказательствомъ тому могутъ служить письма къ нему К. Д. Ушинскаго. Въ письмѣ на прѣмѣрь отъ 15-го января 1869 года Ушинскій писалъ между прочимъ барону Корфу: «Я давно и съ истиннымъ наслажденіемъ слѣжу за вашею дѣятельностью и, не будучи въ силахъ самъ, въ совершенному разстройству моего здоровья, принять участіе въ практикѣ этого дѣла, находилъ много успокоенія въ томъ, что оно еще имѣетъ такого дѣятеля, какъ вы». Письмо это вызвано было именно «Отчетами» барона Корфа, которые Ушинскій общалъ разобранъ, «какъ только будетъ свободное время и силы хоть немного возстановятся», «со всею любовью къ самому дѣлу и со всѣмъ уваженіемъ» къ барону Корфу.

«Вы, должно быть, еще молодой человекъ, — говорится въ заключеніи того-же письма: — дай-же Богъ вамъ долго и успѣшно бороться на томъ поприщѣ, съ котораго я уже готовлюсь сойти, изматый и ископаный. Дай Богъ вамъ принести гораздо болѣе пользы, не только болѣе того, чѣмъ я принесъ, но даже болѣе того, что я могъ бы принести подъ другимъ небомъ, при другихъ людяхъ и при другой обстановкѣ.»

Ушинскій сразу угадалъ въ баронѣ Н. А. Корфѣ не только большую педагогическую силу, но и прозорливо предугадывалъ въ немъ умѣлаго и сильнаго борца за дѣло народнаго образованія, вожака и руководителя этимъ важнымъ государственнымъ дѣломъ. Въ томъ-же 1869 году Ушинскій, отправляясь въ Крымъ, съ цѣлью леченія, писалъ барону Корфу между прочимъ слѣдующее:†

«Я полагаю, что земская школа должна наконецъ положить прочное основаніе народному образованію въ Россіи, и что теперь именно настало время организовать разрозненныя попытки въ этомъ отношеніи всѣхъ честныхъ людей. Лучшимъ средствомъ для этого, какъ мнѣ кажется, было бы имѣть общій журналъ, въ которомъ бы сходились свѣдѣнія о результатахъ тѣхъ или другихъ попытокъ, сдѣланныхъ земствами различныхъ губерній, и въ которомъ могли бы обсуждаться эти попытки. Самъ я, при моей болѣзненности и безпрестанныхъ отлучкахъ изъ Петербурга, конечно не могу издавать такого журнала но могъ бы и желалъ бы отъ всей души принять въ немъ дѣятельное участіе, чтобы посвятить свои остальные силы

симъ школамъ, такъ какъ я жду отъ нихъ хотя не многого, о крайней мѣрѣ чего-нибудь дѣйствительнаго, а не только бумага и форменнаго, чѣмъ до сихъ поръ угощали насъ... Если-бы вить этотъ журналъ журналомъ земскихъ школъ, и вы при-бы въ немъ дѣятельное участіе, то можетъ быть и вышло-бы нибудь. Вотъ о чемъ мнѣ хотѣлось-бы очень переговорить съ www.kit-dobro.ru, если ужъ нельзя лично.»

Въ поясненіе послѣднихъ строкъ этой цитаты, надо замѣтить, баронъ Корфъ,—какъ было уже сказано выше,—безвыгодно сталъ въ родномъ своемъ уѣздѣ, и Ушинскій усиленно желалъ цѣлаться съ нимъ на обратномъ пути изъ Крыма, чему однако уждено было случиться. Вообще Ушинскій высоко цѣнилъ барона Н. А. Корфа, какъ единственнаго въ своемъ родѣ общественнаго дѣятеля, и его уваженіе къ созидательской, творческой дѣятельности барона Корфа въ области народнаго образованія, какъ видно изъ самаго хода переписки,—расло и расло. Такъ, въ письмѣ отъ 23-го февраля 1870 года К. Д. Ушинскій, сообщая ему Корфу, что онъ наконецъ разобрался въ его «Отчетахъ», къ прочимъ говоритъ:

«Статью для «Народной Школы» (т. е. о народномъ образованіи въ Александровскомъ уѣздѣ) я написалъ, но плохую. Проклятая болѣзнь держитъ меня до того далеко отъ всякой общественной жизни и дѣятельности, что я рѣшительно не могу написать нѣтъ ничего живого изъ области практики. Дѣло другое вы: читая каждую вашу статью, чувствуешь, что вы говорите о дѣлѣ, въ которомъ сами участвуете и которому отдались безкорыстно и преданно. О, еслибы васъ можно было помножить на число нашихъ берней,—не говорю ужъ уѣздовъ,—черезъ 10 лѣтъ Россія была-бы не другая! Но вы и такъ дѣлаете много однимъ своимъ примѣромъ, и имя ваше будитъ не одно сонное земство.»

Словомъ, Ушинскій безошибочно предрѣшилъ выдающуюся общественную роль барона Корфа.

VI.

Учебно-литературная дѣятельность.

Замѣчательная литературная плодovitость барона Н. А. Корфа.—Безкорыстіе его.—Первые учебники и руководства барона Корфа, ихъ распространеніе и значеніе.—«Нашъ Другъ»; обстоятельство, предшествовавшія составленію этой книги, ея оцѣнка и распространеніе.—Послѣдующіе труды барона Корфа.

Къ началу 70-ыхъ годовъ имя барона Н. А. Корфа пользовалось повсемѣстною извѣстностью въ Россіи. Его именемъ двикалось

и руководилось все дѣло народнаго образованія; его имя удачно выразился Ушинскій — «будило» всѣхъ, предрасположенныхъ спать на поприщѣ общественной дѣятельности. Это значительной мѣрѣ способствовалъ слѣдующій рядъ выпущенныхъ учебниковъ и руководствъ: «Руководство къ обученію чтѣ по звуковому способу» или «Какъ обучать грамотѣ взрослыхъ», «Русская начальная школа», «Нашъ Другъ: лютка» (первая книга послѣ азбуки для народной школы и и «Наше школьное дѣло».

Такая масса изданій вышла въ свѣтъ изъ подъ пера Н. А. Корфа въ промежутокъ времени между 1867 и 1873 который въ это-же время, какъ мы знаемъ уже, выпустилъ свѣтъ болѣе 50-ти печатныхъ листовъ своего знаменитаго («и напечаталъ не менѣе такого-же количества въ формѣ газетъ и журнальныхъ статей. Если прибавить къ этому еще и нѣбольшую корреспонденцію барона Н. А. Корфа, — будетъ сама очевидна безпримѣрная литературная плодовитость его, и сама собою уже служить доказательствомъ и большого запаса силъ, и высокой талантливости, и гигантской энергіи, и плена любви къ дѣлу народнаго образованія.

«Руководство къ обученію грамотѣ» было составлено имъ сначала для обученія старшей своей дочери. Этотъ первый трудъ, домашній педагогическій опытъ барона Н. А. Корфа изданъ имъ въ 1867 году. К. Д. Ушинскій коротко, но опредѣлилъ значеніе этой маленькой книжечки, цѣною въ 1 рубль: «Ваше руководство къ обученію грамотѣ — писалъ онъ барону Корфу отъ 23-го февраля 1870 года — имѣетъ чисто практическую цѣль, и потому вы изъ самой практики могли убѣдиться, что составлено очень хорошо... Цѣль звуковой метода — чисто практическая, и если эта цѣль достигается, то все сказано». Ушинскій не ошибся. «Руководство» это въ первый же двѣнадцатый выдержало семь изданій, разошедшихся въ 70,000 экземпляровъ.

Здѣсь уместно сказать о величайшемъ безкорыстіи барона Н. А. Корфа. Онъ долгое время, приблизительно до начала 70-хъ годовъ, почти совсѣмъ не получалъ гонорара за свои газетныя и журнальныя статьи. Вся выручка отъ продажи «Руководства» также была обращена въ пользу народныхъ школъ Александро-Славянского уѣзда, которая и дала имъ до 1879 года свыше 4,000 рублей. Сумма эта, вмѣстѣ съ выручкою за «Отчеты», составила болѣе 6,000 рублей, не считая притомъ привлеченія еще и другихъ средствъ со стороны. Такимъ образомъ баронъ Н. А. Корфъ

тъко безвозмездно несть все бремя организаціи, завѣдыванія и руководства школьнымъ дѣломъ въ Александровскомъ уѣздѣ, но и производилъ довольно значительный денежный вкладъ на это дѣло. Фактъ этотъ нужно имѣть въ виду для правильной оценки того, какъ отплатили впоследствии барону Корфу за его такое безкорыстіе и самоотверженіе земскіе его сочлены.

«Съ большимъ нетерпѣніемъ» ожидалъ К. Д. Ушинскій второго петнаго труда Корфа, книги его «Русская начальная школа». Ушинскій «ждалъ отъ нея наставленія самому себѣ». Задумавъ «написать общій учебникъ для земскихъ школъ», онъ чувствовалъ потребность «побесѣдовать съ человѣкомъ, такимъ практическимъ», какъ баронъ Корфъ. Къ сожалѣнію, Ушинскому не пришлось уже воспользоваться действительно цѣнными указаніями этой книги.

Уставши отвѣчать на безконечные вопросы, какъ приступать къ открытію народныхъ школъ, завѣдывать и руководить ими, баронъ Корфъ выпустилъ въ свѣтъ объемистую книгу—«Русская начальная школа», которую совершенно правильно назвалъ «руководствомъ для земскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ». Составляя эту книгу, онъ преслѣдовалъ цѣль «возбудить интересъ къ народной школѣ и создать дѣятелей для нея». Цѣль эта умѣло достигнута авторомъ. Въ одно и то-же время онъ является въ своей книгѣ и опытнымъ педагогомъ, и умѣлымъ администраторомъ, детально разъясняя всѣ распорядки народной школы въ педагогическомъ, административномъ и финансовомъ отношеніи. И тѣ, которые не имѣютъ никакого понятія о народныхъ школахъ, но желали-бы, или даже обязаны устраивать ихъ, находясь въ положеніи общественныхъ дѣятелей, и тѣ, которые выступаютъ въ роли народныхъ учителей, попечителей народныхъ училищъ, членовъ училищныхъ совѣтовъ, народныхъ инспекторовъ и вообще лицъ учебно-административныхъ,—найдутъ въ «Русской начальной школѣ» необходимые для нихъ совѣты, указанія и разъясненія въ живой, полной, доказательной формѣ. Немудрено поэтому, что названное «руководство» сразу сдѣлалось настольною книгою всѣхъ дѣятелей по народному образованію, какъ первый образецъ времени появленія и самый дѣльный трудъ по *училищевѣдѣнію*. Книжка чѣмъ въ десять лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ этой книги не выдержала шесть изданій и разошлась въ 32,000 экземплярахъ.

Нисколько не рискуя впасть въ преувеличеніе, барона Н. А. Корфа можно назвать *первымъ народнымъ русскимъ учителемъ разумной начальной школы*. Ему-же безспорно принадлежитъ честь *перваго подготовителя народныхъ русскихъ учителей*, въ

и руководилось все дѣло народнаго образованія; его имя—гэ удачно выразился Ушинскій — «будило» всѣхъ, предрасположенныхъ спать на поприщѣ общественной дѣятельности. Этому значительной мѣрѣ способствовалъ слѣдующій рядъ выпущенныхъ имъ учебниковъ и руководствъ: «Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому способу» или «Какъ обучать грамотѣ ребятъ взрослыхъ», «Русская начальная школа», «Нашъ Другъ», «Лютка» (первая книга послѣ азбуки для народной школы и семьи) и «Наше школьное дѣло».

Такая масса изданій вышла въ свѣтъ изъ подъ пера барона Н. А. Корфа въ промежутокъ времени между 1867 и 1873 годами, который въ это-же время, какъ мы знаемъ уже, выпустилъ въ свѣтъ болѣе 50-ти печатныхъ листовъ своего знаменитаго «Отчета» и напечаталъ не менѣе такого-же количества въ формѣ газетныхъ и журнальныхъ статей. Если прибавить къ этому еще и обширнѣйшую корреспонденцію барона Н. А. Корфа, — будетъ сама собою очевидна безпримѣрная литературная плодовитость его, которая сама собою уже служитъ доказательствомъ и большого запаса силъ, и высокой талантливости, и гигантской энергіи, и пламенной любви къ дѣлу народнаго образованія.

«Руководство къ обученію грамотѣ» было составлено имъ первоначально для обученія старшей своей дочери. Этотъ первый, такъ сказать, домашній педагогическій опытъ барона Н. А. Корфа былъ изданъ имъ въ 1867 году. К. Д. Ушинскій коротко, но сильно опредѣлилъ значеніе этой маленькой книжечки, цѣною въ 10 копеекъ. «Ваше руководство къ обученію грамотѣ—писалъ онъ барону Корфу отъ 23-го февраля 1870 года—имѣетъ чисто практическую цѣль, и потому вы изъ самой практики могли убѣдиться, что оно составлено очень хорошо... Цѣль звуковой метода—чисто практическая, и если эта цѣль достигается, то все сказано». Ушинскій не ошибся. «Руководство» это въ первые же двѣнадцать лѣтъ выдержало семь изданій, разошедшись въ 70,000 экземпляровъ.

Здѣсь умѣстно сказать о величайшемъ безкорыстіи барона Н. А. Корфа. Онъ долгое время, приблизительно до начала 70-хъ годовъ, почти совсѣмъ не получалъ гонорара за свои газетныя и журнальныя статьи. Вся выручка отъ продажи «Руководства» также была обращена въ пользу народныхъ школъ Александровскаго уѣзда, которая и дала имъ до 1879 года свыше 4,000 рублей. Сумма эта, вмѣстѣ съ выручкою за «Отчеты», составляетъ болѣе 6,000 рублей, не считая притомъ привлеченія еще и другихъ средствъ со стороны. Такимъ образомъ баронъ Н. А. Корфъ въ

лько безвозмездно несть все бремя организаціи, завѣдыванія и руководства школьнымъ дѣломъ въ Александровскомъ уѣздѣ, но и производилъ довольно значительный денежный вкладъ на о. дѣло. Фактъ этотъ нужно имѣть въ виду для правильной оценки того, какъ отплатили впоследствии барону Корфу за его высокое безкорыстіе и самоотверженіе земскіе его сочлены.

«Съ большимъ нетерпѣніемъ» ожидалъ К. Д. Ушинскій второго педагогическаго труда Корфа, книги его «Русская начальная школа». Ушинскій «ждалъ отъ нея наставленія самому себѣ». Задумавъ «напечатать общій учебникъ для земскихъ школъ», онъ чувствовалъ потребность «побесѣдовать съ человѣкомъ, такимъ практическимъ», какъ Корфъ. Къ сожалѣнію, Ушинскому не пришлось уже воспользоваться въ действительности цѣнными указаніями этой книги.

Уставши отвѣчать на безконечные вопросы, какъ приступать къ открытію народныхъ школъ, завѣдывать и руководить ими, баронъ Корфъ выпустилъ въ свѣтъ объемистую книгу—«Русская начальная школа», которую совершенно правильно назвалъ «руководствомъ для земскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ». Оставляя эту книгу, онъ преслѣдовалъ цѣль «возбудить чувство къ народной школѣ и создать дѣятелей для нея». Цѣль эта умѣло достигнута авторомъ. Въ одно и то-же время онъ является въ своей книгѣ и опытнымъ педагогомъ, и умѣлымъ администраторомъ, детально разъясняя всѣ распоряженія народной школы въ педагогическомъ, административномъ и финансовомъ отношеніи. И тѣ, которые не имѣютъ никакого понятія о народныхъ школахъ, но желали-бы, или даже обязаны устраивать ихъ, находясь въ положеніи общественныхъ дѣятелей, и тѣ, которые выступаютъ въ роли народныхъ учителей, попечителей народныхъ училищъ, членовъ училищныхъ совѣтовъ, народныхъ инспекторовъ и вообще лицъ учебно-административныхъ,—найдутъ въ «Русской начальной школѣ» необходимые для нихъ совѣты, указанія и разъясненія въ живой, полной, доказательной формѣ. Немудрено поэтому, что названное «руководство» сразу сдѣлалось настоящею книгою всѣхъ дѣятелей по народному образованію, какъ первый по времени появленія и самый дѣльный трудъ по училищевѣдѣнію. Менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ этой книги она выдержала шесть изданій и разошлась въ 32,000 экземплярахъ.

Нисколько не рискуя впасть въ преувеличеніе, барона Н. А. Корфа можно назвать *первымъ народнымъ русскимъ учителемъ разумной начальной школы*. Ему-же безспорно принадлежитъ честь *перваго подготовителя народныхъ русскихъ учителей*, въ

смыслѣ сознательныхъ педагоговъ. Естественно, что ему-же, праву, должно было принадлежать и составленіе *первой классической книги* для народной школы. И онъ далъ такую книгу—«Нашъ Другъ». Она до сихъ поръ остается лучшею книгою въ обширной коллекціи учебниковъ и руководствъ для народной школы. Но и правильной оцѣнки исключительнаго значенія «Нашего Друга» въ ряду однородныхъ съ нимъ изданій, необходимо коснуться некоторыхъ деталей тѣхъ совершенно своеобразныхъ условий, въ которыхъ находился баронъ Корфъ, какъ народный педагогъ.

Прежде, чѣмъ составлять эту книгу, ему пришлось пропустить черезъ свои руки болѣе сотни народныхъ педагоговъ. «Пропускъ» этотъ состоялъ въ слѣдующемъ. Изъ разныхъ мѣстностей Россіи нѣрѣдко очень отдаленныхъ, къ нему являлись молодые люди, принимавшіе уже дѣломъ образованія или желавшіе заняться имъ. Онъ производилъ имъ повѣрку и съ недостаточно подготовленными продолжалъ заниматься самъ, оставляя ихъ жить у себя въ домѣ. Не одному десятку лицъ случалось проводить у него по двѣ, по три недѣли, даже по мѣсяцу, пока онъ, наконецъ убѣдившись въ ихъ подготовленности, выдавалъ удостовѣреніе, что они могутъ быть народными учителями. Это удостовѣреніе въ глазахъ всѣхъ цѣнилось обыкновенно несравненно выше дипломовъ, такъ какъ баронъ Корфъ чрезвычайно удачно умѣлъ опредѣлять, помимо собственной подготовленности, еще и склонность къ педагогической дѣятельности въ этомъ отношеніи. Лица, прошедшія черезъ руки барона Корфа, считались лучшими народными педагогами, такъ какъ онъ передавалъ имъ частичку своего педагогическаго огня, своей энергіи любви и преданности дѣлу.

Но даже и этотъ громадный опытъ не имѣлъ еще рѣшающаго значенія въ дѣлѣ составленія «Нашего Друга». Главную роль въ этомъ отношеніи играло непосредственное веденіе барономъ Корфомъ школъ въ своемъ уѣздѣ. Два раза въ годъ, именно въ пору самой несносной осенней и весенней распутицы, онъ объѣзжалъ всѣ школы уѣзда, дѣлая по 800 верстъ: осенью—чтобы установить школьное дѣло на мѣстѣ, при началѣ учебнаго года; весною—чтобы проверить результаты въ концѣ учебнаго года. Такимъ образомъ весь ходъ школьнаго дѣла въ цѣломъ уѣздѣ былъ у него всегда на виду; онъ наперечетъ зналъ всю работу въ каждой школѣ, съ ея хорошими и неудовлетворительными сторонами, лично исправляя ошибки и промахи лицъ, преподающихъ, и неуклонно подвигая ихъ въ педагогическомъ самоусовершенствованіи.

Такимъ чисто опытнымъ путемъ, освѣщеннымъ предваритель

внимъ изученіемъ педагогической теоріи, у барона Корфа сложился великій отчетливый взглядъ, какимъ именно требованіямъ должна удовлетворять книга для русской народной школы, при современныхъ состояніи крестьянства, при экономическихъ и учебныхъ наміахъ средствѣхъ. Баронъ Корфъ задался цѣлью составить книгу, которая-бы «*посредствомъ ознакомленія учащагося съ окружающимъ міромъ повліяла на улучшение его матеріальнаго и нравственнаго быта*». Такою именно книгою и является «Нашъ Другъ». Въ немъ, какъ книгѣ, завершающей курсъ народной школы, удачно объединенъ весь учебный матеріаль. Воздѣйствуя на общее развитіе и воспитаніе, способствуя обогащенію познаніями, развитію мысленія и дара слова учащихся, книга эта имѣетъ съ тѣмъ очень удачно преслѣдуетъ цѣль снабженія питомцевъ народной школы такими свѣдѣніями, которыя непосредственно приложимы въ жизни, обогащая притомъ питомцевъ и общими элементарными научными свѣдѣніями настолько, чтобы впослѣдствіи было возможно для нихъ самообразованіе, путемъ чтенія книгъ общедоступнаго содержанія. Всякое первоначальное обученіе можетъ быть конечно только *реальнымъ*, при полнѣйшемъ отсутствіи всего схоластическаго; народное-же образованіе кромѣ того должно быть еще и дѣловымъ. Баронъ Н. А. Корфъ удачно разрѣшилъ эту труднѣйшую изъ проблемъ во всемъ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, какъ самую организацію и постановкою народной школы, такъ наконецъ и составленіемъ для нея «Нашего Друга», — книги для ученія въ школѣ и дома. Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ авторовъ подобнаго рода изданій, онъ, такъ сказать, въ натурѣ видитъ передъ собою учащихся въ народной школѣ, какъ въ пору ихъ ученія, такъ и по выходѣ изъ школы, и дѣйствительно является ихъ *другомъ*, помощникомъ, совѣтникомъ и руководителемъ во всемъ, что нужно знать сельчанину въ его домашнемъ и общественномъ, хозяйственномъ и моральномъ обиходѣ. Точно также и въ своей «Книгѣ для учащихся» (т. е. «Руководствѣ къ «Нашему Другу») онъ видитъ передъ собою народныхъ педагоговъ со всѣми возможными съ ихъ стороны промахами, ошибками, увлеченіями и отклоненіями, — и, какъ опытный руководитель, предупреждаетъ все это.

«Нашъ Другъ» барона Корфа восполнилъ собою тотъ пробѣлъ въ нашей школьной литературѣ, который такъ остро чувствовалъ К. Д. Ушинскій, понимавшій недостаточную примѣненность своего «Дѣтскаго Міра» и «Родного Слова» къ особенностямъ и потребностямъ народной школы и стремившійся написать особую учебную книгу *спеціально для народной школы*. Не такъ однако взглянула

на это дѣло кабинетная петербургская педагогическая критика. Какъ это ни конфузно и ни прискорбно, но находились и такіе патентованные педагоги, люди, претендующіе на имя въ дѣлѣ народнаго образованія, которые пытались поставить въ вину «Нашему Другу» все то, что составляетъ специфическую отличительную черту отъ названныхъ выше руководствъ Ушинскаго, въ чемъ заключается специальная приспособленность этой книги къ потребностямъ народной школы. Для этой послѣдней (въ смыслѣ учащихся и учащихся) она дѣйствительно является «Другомъ» въ полномъ смыслѣ слова: все содержаніе и построеніе этой книги продиктовано не одною только глубокою изученностью дѣла, но и горячею любовью и къ тѣмъ, которые учатся, и къ тѣмъ, которые учатъ. Тутъ буквально нѣтъ статейки, въ обработкѣ которой вы не чувствовали-бы заботы барона Корфа о томъ, чтобы она была понятна, интересна и полезна учащимся, и о томъ, чтобы она не затрудняла учащихся. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только учащій могъ-бы споткнуться и заблудиться, — на выручку является ему «Другъ» и указываетъ, какъ съ успѣхомъ пройти опасное мѣсто.

Къ сожалѣнію, все это проглядѣла патентованная кабинетная педагогическая критика. Она не проявила ничего самостоятельнаго, непосредственнаго. Впрочемъ она и не могла проявить этого, такъ какъ въ ту пору, когда появился «Нашъ Другъ», не было еще установлено учебной программы народной школы, не успѣла еще окончательно установиться практика только налаживавшихся учительскихъ семинарій. И то, и другое баронъ Корфъ опережалъ своею книгою, предрѣшая, такъ сказать, ихъ постановку.

Въ отношеніи къ «Нашему Другу» со стороны нѣкоторыхъ изъ вліятельныхъ петербургскихъ педагоговъ дѣло не обошлось и безъ значительной доли *овосдушия*: въ глаза они говорили барону Корфу о его дѣятельности и печатныхъ трудахъ одно, а за глаза старались показывать и проводить совсѣмъ другое. Вотъ особенно характерный фактъ въ этомъ отношеніи.

Одинъ изъ видныхъ петербургскихъ педагоговъ, съ вліятельнымъ служебнымъ положеніемъ, писалъ изъ Петербурга, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1870 года, барону Корфу между прочимъ слѣдующее:

«На всемъ протяженіи обширной Россіи нѣтъ другого человека, который-бы съ той-же энергіей и успѣхомъ, подобно вамъ, трудился-бы въ водвѣлываніи большого и долго заброшеннаго, а потому заросшаго сорными травами поля нашей народной культуры. Много еще потребно труда и усилій, чтобы совершить этотъ трудъ, и нельзя не выразить при этомъ сожалѣнія, что мало существуетъ общенія и содружества между служителями этой миссіи. Будемъ

тятся на лучшее будущее... Какъ жаль, что вы не здѣсь (хотя, вѣрно говоря, вы *вездѣ* нужны и прежде всего въ васъ сила и въ руководимаго и созданнаго вами дѣла въ вашемъ краѣ): задачи с.-петербургскаго педагогическаго общества въ настоящее время весьма интересны, и оно нынѣ особенно нуждается въ дѣятельности вашей опытности и компетентности, такъ какъ пренія общества въ дѣлахъ всѣхъ затронули самыя живыя и, надо сказать, даваемые воплѣтъ рѣшенныя проблемы относительно нашей народной школы, которая вамъ такъ хорошо и специально извѣстна. Мы не ходимъ на мысль, нельзя-ли устроить дѣло хотя посредствомъ *личныхъ* сношеній—по поводу рефератовъ,—это конечно обрѣтомъ примется съ благодарностью. Мы кажется, что можно-было бы, — разумѣется, если ваши, столь многосложныя, задачи позволятъ,—прислать письменныя тезисы, поручить ихъ заготовку и развитіе въ засѣданіяхъ кому-либо изъ членовъ общества (то напримѣръ всегда согласенъ съ удовольствіемъ). Я говорю объ этомъ въ виду, что общество наше безспорно много теряетъ, когда мы возможности *непосредственно* пользоваться трудами одного компетентнѣйшихъ своихъ членовъ—по самому важному изъ основныхъ вопросовъ педагогическаго.

Авторъ этого сердечнаго письма, воплѣтъ отвѣчавшаго при этомъ дѣйствительному положенію вещей, въ скоромъ времени выступилъ въ педагогическое общество докладъ по поводу книги барона Корфа «Нашъ Другъ». Въ этомъ докладѣ—увы!—авторъ письма общалъ уже обществу педагоговъ, что «на всемъ пространствѣ Россіи нѣтъ другого чловѣка», съ такою-же «энергіею и опытностію», «компетентностію». Напротивъ, онъ трактуетъ о «Нашемъ Другѣ» съ высоты величія и ничѣмъ неоправданнаго самоувѣренія. Въ общемъ однако отзывъ былъ воплѣтъ благодарителенъ для труда барона Н. А. Корфа, хотя въ немъ невольно заметна въ глаза такая странная постановка критики, что выдвигается на первый планъ самъ докладчикъ, его «энергія» и «компетентность», а вовсе не баронъ Корфъ и его прекрасный трудъ. Но это куда бы ни шло: главное-же въ томъ, что докладчикъ велѣлъ за себя помѣстить въ одномъ изъ педагогическихъ журналовъ статью, въ которой разногласить съ сущностію своего-же доклада.

Озадаченный такою *тройственностію* отношенія къ себѣ со стороны одного и того-же лица, баронъ Н. А. Корфъ обратился въ Петербургъ за разъясненіями. Лицо, стоявшее въ то время во главѣ педагогическаго общества, въ отвѣтномъ своемъ письмѣ барону Корфу между прочимъ говорить:

«Ваше недоумѣніе относительно разногласія между тезисами, опубликованными въ педагогическомъ обществѣ, и содержаніемъ статьи, помещенной въ журналѣ (мы пропускаемъ названіе журнала, фамилю докладчика, равно какъ и автора цитируемаго отвѣтнаго

письма барону Корфу),—раздѣляютъ многія лица въ Петербургѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не понятно преднамѣренное искаженіе фактовъ и умолчаніе о другихъ. Гдѣ-же нужно искать по подобнаго разногласія,—положительно сказать трудно; вѣроятнѣе лежитъ съ одной стороны въ вашихъ личныхъ отношеніяхъ которыми господами, а съ другой—въ отсутствіи литературы бросовѣстности этихъ нѣкоторыхъ лицъ, пишущихъ и печатающихъ свои писанія. Протоколъ педагогическаго общества выражаетъ что было въ засѣданіи общества. Слѣдовательно, педагогическое общество сдѣлало свое дѣло. Если-же въ настоящее время появившійся *уколо тупыхъ булавокъ*,—вы должны переносить ихъ, потѣ не присылаете статей въ «Семью и Школу» и «Народную Печать», вы—врагъ изданіямъ, живущимъ жизнью, бѣды держаніемъ.»

Эти «уколы тупыхъ булавокъ» послужили однако бою соблазномъ для нѣкоторыхъ органовъ общей періодической печати. Зато люди, непосредственно стоявшіе у дѣла народнаго образования, съ высокою похвалою отзывались объ этой книгѣ. Изъ многихъ отзывовъ этого рода остановимся на двухъ слѣдуящихъ какъ наиболѣе характерныхъ и выразительныхъ. Вотъ что написали директоръ московской учительской школы, Цейдлеръ.

«При первой, появившейся въ «Голосѣ», хулѣ на «Нашего Учителя» хотѣлось, многоуважаемый Николай Александровичъ, и мое мнѣніе о томъ, что въ нашей педагогической литературѣ нѣтъ ни одной книги, которую-бы можно было не только читать, а хоть близко поставить къ «Нашему Другу» въ библіотекѣ или въ классномъ столѣ народной школы. Если мы говоримъ о необходимости образованія для народа, если заботимся объ образованіи народныхъ школъ, то конечно потому только, что обрѣтается школа—самое сильное, самое лучшее средство для достиженія важнѣйшей государственной цѣли—поднять уровень нравственнаго развитія и улучшить матеріальный бытъ народа. Но гдѣ-же та школа, которая-бы прямо вела къ этой цѣли? Только одна и есть—«Нашъ Другъ». Указываютъ на книгу Водовозова,—но въ ней, какъ многихъ такъ-называемыхъ «народныхъ» книжкахъ, есть вѣдь статьи, которыми сумѣетъ воспользоваться хорошій учитель»

«Считаю необходимымъ передать вамъ,—писаль онъ, между прочимъ барону Корфу,—что мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ очень хорошихъ успѣховъ учениковъ, занимавшихся по книгѣ «Нашъ Другъ». Значеніе «Нашего Друга», я убѣдился въ этомъ, въ настоящее время, велико у насъ именно потому, что въ этой книгѣ не только находится извѣстный матеріалъ, пригодный для народной школы, но и разъясненъ учителю способъ передачи учебнаго матеріала: взливъ вашу книгу за руководство, учитель народной школы знаетъ, что дѣлать и какъ, и не теряется въ пустыхъ опытахъ, часто сбивающихся ничѣмъ.» (14 мая 1872 года).

Пока нѣкоторые изъ вліятельныхъ педагоговъ, мучимые завистью къ авторитету, всероссійскому вліянію и успѣху барона Корфа, изощрались то въ общей, то въ педагогической печати относительно «уколовъ тупыхъ булавокъ», школьная практика дѣлала свое дѣло. Новыя и новыя изданія «Нашего Друга» на-расхватъ расходились одно за другимъ. Всего по 1893 годъ «Нашего Друга» разошлось 16 изданій. Но и этого значительнаго распространенія нельзя еще назвать максимальнымъ, т. е. какимъ оно могло-бы быть, еслибы съ нимъ не случалось странностей совершенно курьезнаго свойства. Конечно-же «Нашъ Другъ», вскорѣ послѣ выхода его, былъ одобренъ «учеными» и «учебными» комитетами всевозможныхъ вѣдомствъ и министерствъ. Тѣмъ не менѣе съ нимъ случались слѣдующіе, совершенно необъяснимые, курьезы. Корфъ усиленнѣйшимъ образомъ работалъ надъ улучшеніемъ своей книги, соответственно росту народной школы и ея потребностей, и не выпустилъ въ свѣтъ двухъ одинаковыхъ изданій ея. Между тѣмъ случалось такъ, что предыдущія изданія попадали въ каталогъ книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для народныхъ школъ, а послѣдующія—не попадали. Такъ это между прочимъ случилось и съ десятимъ изданіемъ «Нашего Друга», значительно переработаннымъ, которое не попало въ каталогъ министерства и потому могло быть допущено только въ бібліотеки народныхъ школъ. Было-ли это продолженіемъ и послѣдствіемъ того «двоедушія», которое такъ характерно проявилось при критической оцѣнкѣ «Нашего Друга», или дѣло объяснялось слѣпою случайностью,—трудно рѣшить. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что указанное несоразумѣніе значительно затормозило распространеніе книги.

Тѣмъ не менѣе все, что вышло изъ-подъ пера барона Корфа и продолжало выходить, находило большой сбытъ. Такъ, въ 1872 году онъ выпустилъ небольшую книгу «Малютка». Въ послѣдующихъ изданіяхъ «Нашего Друга» весь учебный матеріалъ, заключавшійся въ «Малюткѣ», вошелъ въ него. Это однако не помѣшало

единственному изданію «Малютки» въ 25,000 экземпляровъ разошлись начисто.

Въ числѣ первой серіи книгъ, выпущенныхъ въ свѣтъ барономъ Н. А. Корфомъ, есть и еще очень важная книга—«Наше школьное дѣло». Но о ней мы скажемъ нѣсколько ниже, такъ какъ необходимо предварительно ознакомиться съ нѣкоторыми обстоятельствами изъ жизни и дѣятельности барона Корфа.

VII.

Заслуги и черная неблагодарность.

Баронъ Н. А. Корфъ, какъ центръ дѣятельности по народному образованію. — Письма попечителя Кавказскаго учебнаго округа, г. Я. Невѣрова. — Отзывъ Д. Д. Семенова о школахъ барона Н. А. Корфа и его дѣятельности. — Признательность интеллигентной части русскаго общества къ барону Н. А. Корфу и пребываніе его въ Петербургѣ. — Жестокій ударъ и всеобщее сочувствіе.

Благодаря барону Корфу, въ исходѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ Александровскій уѣздъ, Екатеринославской губерніи, сталъ своего рода педагогическою Меккою въ отношеніи собственно народнаго образованія. Туда не только обращались за совѣтами и указаніями земскіе дѣятели по школьной части, тамъ не только искали прибѣжища и помощи молодые люди, желавшіе потрудиться на пользу народнаго образованія, —туда обращались также и крупныя администраторы по учебной части, и лица, пользовавшіяся большою педагогическою извѣстностью, —чтобы умудриться примѣромъ и опытомъ барона Н. А. Корфа въ дѣлѣ народнаго образованія и достигаемыми имъ прекрасными результатами. Онъ сталъ центромъ всей дѣятельности по народному образованію въ Россіи.

Какъ извѣстно, за кавказскимъ учебнымъ округомъ прочно сохраняется репутація одного изъ самыхъ гуманныхъ, дѣятельныхъ и производительныхъ районовъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Въ этомъ до-реформенномъ краѣ съ давнихъ поръ уже довольно значительные успѣхи дѣлаетъ и народное образованіе. Всѣмъ этимъ кавказскій округъ очень много обязанъ той дѣльной закладкѣ, которая была положена въ бытность тамъ попечителемъ учебнаго округа Невѣрова. Этотъ просвѣщенный и энергичскій администраторъ съ искреннимъ увлеченіемъ отнесся къ начи

назвалъ барона Н. А. Корфа и задался цѣлью воспринять отъ него въ дѣломъ насадить у себя на Кавказѣ все, что есть хорошаго въ созданной барономъ Корфомъ организаціи народнаго образованія. И онъ блестяще осуществилъ эту цѣль за свой страхъ и рискъ, не стѣсняясь никакимъ формализмомъ.

Между барономъ Корфомъ и Невѣровымъ завязалась большая переписка, растянувшаяся года на четыре, чрезвычайно характерная для Невѣрова, какъ талантливаго администратора, и для дѣла барона Корфа. Вотъ нѣкоторыя черты изъ этой переписки. Въ официальномъ напримѣръ письмѣ отъ 18-го марта 1869 г. попечитель кавказ. учебн. округа говоритъ барону Корфу:

«Изъ моей долгой педагогической дѣятельности я вынесъ убѣжденіе, что, безъ правильной подготовки учителей для начальныхъ и вообще высшихъ учебныхъ заведеній, развиваемое въ высшихъ слояхъ общества просвѣщеніе никогда не можетъ проникнуть въ низшіе его слои, а всегда будетъ поверхностно и односторонне, потому что лишится самыхъ питательныхъ соковъ, которые оно можетъ черпать только въ непосредственно народной средѣ. При такомъ убѣжденіи естественно, что я съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за вашею благотворною и просвѣщенною дѣятельностью въ поприщѣ народнаго образованія. Не смотря на открытіе въ окрестностяхъ Тифлиса правильной учительской семинаріи, носящей названіе Александровской учительской школы, я счелъ необходимымъ, для удовлетворенія насущной потребности обученія, прибѣгать къ тѣмъ-же мѣрамъ, какія были съ успѣхомъ принимаемы и вами, какъ-то: съѣзды начальныхъ учителей и проч.»

Въ другомъ, тоже официальномъ, письмѣ Невѣровъ говоритъ:

«Приношу вамъ мою искреннѣйшую благодарность за письмо ваше отъ 15 мая и присланный мнѣ вмѣстѣ съ нимъ «отчетъ» вашъ, который я прочелъ съ особеннымъ вниманіемъ и самымъ теплымъ сочувствіемъ къ благимъ результатамъ столь блистательно начатаго вами важнаго дѣла. Честь и слава вамъ: вы доказали, что правильная школа возможна на русской почвѣ и что народъ не только не чуждается ея, но вполне ей сочувствуетъ. Вмѣстѣ съ симъ я дѣлаю распоряженіе, чтобы всѣ начальныя училища вѣреннаго мнѣ округа были снабжены изданнымъ вами руководствомъ къ обученію грамотѣ, а также экземпляромъ вашего отчета, который служить наилучшимъ комментариемъ къ этому руководству... Я получилъ извѣстіе, что проектъ мой объ открытіи второй учительской семинаріи въ моемъ округѣ поступаетъ въ государственный совѣтъ и будетъ утвержденъ въ началѣ слѣдующаго года. Тотчасъ по полученіи утвержденія я непременно командирую будущаго директора въ вашъ уѣздъ для ознакомленія съ вашими школами. Руководитель будущихъ народныхъ учителей долженъ на мѣстѣ ознакомиться съ правильною русскою школою и изучить всѣ особенности и условия ея быта. Я надѣюсь, что вы и училищный совѣтъ не откажете въ содѣйствіи этому лицу. Прилагая при семъ для

вась, баронъ, экземпляръ моего отчета за минувшій годъ, я по нѣйше прошу у вась извиненія въ томъ, что, не спросивъ васъ позволенія, я напечаталъ въ моихъ циркулярахъ извлеченіе вашего письма ко мнѣ. Я придаю очень большую цѣну столь безно предлагаемому вами обмѣну мыслей въ такомъ общемъ дѣлѣ и радъ былъ случаю, предоставленному мнѣ письмомъ вашъ, чтобъ показать моимъ сослуживцамъ, что въ реформахъ, мною димыхъ, я нахожу сочувствіе и готовность содѣяствія въ васъ въ лицѣ, на дѣлѣ доказавшемъ возможность существованія у правильной школы.» (14 августа 1869 г.)

Новая учительская семинарія, о которой писалъ барону Къ попечитель кавказскаго учебнаго округа, — *Кубанская*. Дирек ея — извѣстный русскій педагогъ, Д. Д. Семеновъ, который и г тиль школы Александровскаго уѣзда весной 1871 года. Вотъ писалъ по этому поводу барону Корфу попечитель кавказскаго учебнаго округа, Невѣровъ, отъ 11-го декабря 1871 года:

«Я только что прочелъ официальный отчетъ Д. Д. Семеновъ о командировкѣ его въ Александровскій уѣздъ и, подъ вліяніемъ впечатлѣній, произведеннаго на меня подробнымъ описаніемъ, что видѣлъ Семеновъ у вась, берусь за перо, чтобы выразить баронъ, глубокое сочувствіе къ вашей общественной дѣятельности и поистинѣ заслуживающей уваженія не отдѣльныхъ только сослуживающихъ вамъ лицъ, но и всего народа русскаго, котс вы показали возможность существованія въ средѣ его правилъ школы. Благодаря вашему благому примѣру, теперь смѣло мс съ полною надеждою на успѣхъ, приниматься за великое дѣло роднаго образованія.»

Далѣе въ письмѣ говорится о намѣреніи попечителя командировать въ Александровскій уѣздъ весной 1872 года инспектора народныхъ училищъ Ставропольской губерніи.

Отчетъ Д. Д. Семенова о командировкѣ былъ напечатанъ январской книжкѣ циркуляровъ по кавказскому учебному округу за 1872 годъ. Кромѣ того г. Семеновъ подѣлился съ публикою своими впечатлѣніями отъ этой командировки и въ периодическомъ печатіи. Описаніе г. Семеновымъ этой поѣздки, появившееся въ родной Школѣ за 1871 и 1872 года («Педагогич. очерки по Александровскаго уѣзда»), почти совпало съ извѣстною уже читателямъ статью г. Кашина, командированнаго московскими властями на изученіе грамотности. Такъ какъ отъ появленія «Педагогическихъ очерковъ» г. Семенова отдѣляется насъ періодъ времени болѣе въ 20 лѣтъ, то мы предпочитаемъ ограничиться небольшою держкою изъ другой статьи Д. Д. Семенова — «Баронъ Нив Александровичъ Корфъ», помѣщенной въ брошюрѣ «Русскіе историческіе дѣятели», вышедшей въ свѣтъ въ 1887 году.

тя прошло тому около 15-ти лѣтъ,—вспоминаеть Д. Д. Севъ позднѣйшей своей статьѣ о повѣдкѣ для осмотра школы Н. А. Корфа,—но я живо припоминаю первую встрѣчу мою А. Отгаскивая школы въ уѣздѣ въ апрѣлѣ 1871 года по тѣ до-нельзя дорогамъ, я случайно попалъ въ село Майорѣ ждали прѣзда барона для ревизіи школы.

www.lib.ru/lib/otgasc.htm

Я встрѣтилъ уже попечителя школы, изъ мѣстныхъ посредника, члена училищнаго совѣта, заѣзжаника изъ Харькова, священника и учителя школы; воздѣ толпились крестьяне. Наружность школы немногимъ отличалась отъ малороссійской хаты зажиточнаго крестьянина: та-же казанка, та-же соломенная крыша; но школа особнякомъ на воздѣ школы небольшой садикъ, обработанный учителемъ и ими. Внутренность школы поражала поистинѣ праздничнымъ

Стѣны и потолокъ были выбѣлены; глиняный полъ чистъ въ водю во избѣжаніе пыли; по стѣнамъ развѣшаны кар-преимущественно изъ Священной исторіи; въ углу—образъ; на стѣнѣ—портретъ Государя и часы; на столѣ разложены рисунки дѣтей; дѣти сидѣли чинно, въ ожиданіи Н. А.; были умыты и гладко причесаны, въ чистыхъ рубашкахъ и перчаткахъ, и всѣ въ сапогахъ; передъ каждымъ ученикомъ лежало новое перо и поллиста бѣлой бумаги. Подобную обстановку я видѣлъ потомъ и въ другихъ школахъ, гдѣ и не ожидалъ. Но вотъ прошло два часа,—время, назначенное Корфомъ прѣзда. Вдали послышался колокольчикъ; всѣ встрепенулись; Н. А., усталый, изнуренный, обрызганный грязью, въ про-дѣлѣ, на обывательской тройкѣ, объѣздившій безъ отдыха весь школьный участокъ и уже утромъ успѣвшій обревизовать одну школу. Въ какія-нибудь 5—10 минутъ Н. А. успѣлъ перекусить, привести себя въ порядокъ и вошелъ въ школу бодрымъ и свѣжимъ. Вошли въ школу и отцы. На привѣтъ Корфа: «здравствуйте, хлопцы!», дѣти радостно закричали: «здравствуйте и вы, Николай Александровичъ!» Видно было, что дѣти хорошо знаютъ своего гостя. Послѣ привѣтствія, дѣти согласно и молитву: «Достойно есть». Въ этомъ пѣніи участвовали и отцы, учитель и самъ Н. А. Затѣмъ начался экзаменъ, который продолжался три часа. Самъ Н. А. изложилъ дѣтямъ раз-дѣлъ письменной работы, самъ спрашивалъ по всѣмъ предме-тамъ, исключая Закона Божія и славянскаго чтенія, самъ пере-читывалъ всѣ письменныя работы дѣтей, ихъ тетради и рисунки и, все въ порядкѣ, присудилъ учителю высшую награду отъ 100 рублей. Что чувствовали отцы, видя и слыша все это, сказать трудно. А видѣли и слышали они, что дѣти ихъ въ прошедшій годъ научились молиться Богу, толково переда-вать Священныя исторіи, бойко читали по-русски и по-украински, умѣли грамотно написать слышанное, рѣшали задачи, которыми задумывались отцы, да еще умѣли начертить планъ поля, разбить поле на десятины; знали о полезныхъ и вредныхъ животныхъ, насѣкомыхъ и растеніяхъ. И таковы были школы уѣзда.»

«Ославшись затѣмъ на извѣстную уже читателямъ статью Кашина о несчастномъ положеніи школъ Александровскаго уѣзда въ до-реформенное время, Д. Д. Семеновъ продолжаетъ:

«Не то мы видимъ черезъ пять лѣтъ по вступленіи барона Корфу въ члены училищнаго совѣта. вмѣсто двухъ сносныхъ школъ въ уѣздѣ открывастся до 70 прочно организованныхъ, обеспеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи, съ приспособленными къ учебнымъ школьнымъ зданіями, съ дѣльными учителями, съ хорошими учебниками, наглядными пособиями, бібліотеками и книжными складами.»

Кромѣ указанныхъ командировокъ отъ кавказскаго учебнаго округа, къ барону Корфу были и еще двѣ: командировка учителя образцовой школы кубанской учительской семинаріи, выписаннаго изъ Петербурга, человѣка опытнаго уже въ преподаваніи, и инспектора народныхъ училищъ Кубанской области. Сообщая объ этихъ новыхъ командировкахъ барону Н. А. Корфу отъ 12-го февраля 1872 года, Д. Д. Семеновъ между прочимъ писалъ ему:

«Вѣроятно оба они съѣдутся у васъ въ одно и то-же время (около начала марта) притомъ въ самое благоприятное время, когда вы обыкновенно дѣлаете весенніе объѣзды и ревизіи школъ. Было-бы особеннымъ счастьемъ для нихъ обоихъ и для кубанской семинаріи въ особенности, еслибы вы, Николай Александровичъ, придали своимъ объѣздамъ тотъ-же характеръ, который имѣли эти объѣзды, когда я посѣщала ваши школы, т. е. не только-бы производили общія испытанія, но и взяли-бы на себя трудъ дать образцовые уроки по всемъ предметамъ обученія, заставили-бы, какъ моего образцоваго учителя, такъ и своихъ учителей дать по нѣскольку пробныхъ уроковъ, и въ заключеніе показали-бы, какъ совместно, съ тремя отдѣленіями, долженъ заниматься учитель втеченіи дѣлаго дня. Въ заключеніе я былъ-бы весьма признателенъ вамъ, еслибы вы откровенно написали мнѣ о томъ, чего еще не достаетъ для будущаго моего образцоваго учителя.»

По поводу приведенныхъ цитатъ изъ статьи и письма Д. Д. Семенова, необходимо замѣтить, что онѣ принадлежатъ педагогу большой школы и высокой пробы, т. е. бывшему сподвижнику К. Д. Ушинскаго въ его преобразовательной дѣятельности по Смольному институту, — человѣку, не мало потрудившемуся надъ подготовленіемъ учителей для среднеучебныхъ заведеній въ бывшихъ «Педагогическихъ курсахъ» при второй с.-петербургской военной гимназій, справедливо пользовавшихся большимъ уваженіемъ и давшихъ Россіи не мало весьма дѣльныхъ педагоговъ, и послѣдствіи ставшему однимъ изъ руководителей по начальному образованію въ Петербургѣ. Одно уже это избавляетъ насъ отъ необходимости вдаваться въ перечень описаній другихъ лицъ, посѣтвшихъ школы

барона Н. А. Корфа, видѣвшихъ на мѣстѣ и работу школы, и дѣятельность самого барона Корфа. Слѣдуетъ однако сказать, что всѣ они въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ о блистательномъ порядкѣ и благоустройствѣ школъ, стройномъ и отчетливомъ ходѣ дѣланій въ нихъ, законченности и прочности организаціи. Словомъ, это—въ полномъ смыслѣ образцовыя школы, полно обставленныя. Слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ, эти школы, помимо разумныхъ учителей и всѣхъ необходимыхъ учебныхъ пособій, имѣли еще и «садики», и «библіотеки», и «книжные склады», тогда какъ большинство не только тогдашнихъ, но и нынѣшнихъ народныхъ школъ все еще не можетъ добиться этихъ необходимыхъ при нихъ учрежденій, а то такъ испытываетъ даже горькую нужду и въ хорошихъ пособіяхъ, и въ дѣльныхъ учителяхъ.

Заслуживаетъ особеннаго вниманія, что даже лица, обладавшія обширными обще-педагогическими познаніями и большою опытностью въ веденіи школьнаго дѣла вообще, тѣмъ не менѣе находили для себя чему учиться у барона Корфа въ отношеніи собственно народнаго образованія, его организаціи, постановки и веденія, и съѣзжали отправляться къ нему учиться другимъ лицамъ, тоже свѣдущимъ и опытнымъ въ школьномъ дѣлѣ. Это само собою свидѣтельствуетъ о большой трудности дѣла народнаго образованія и отбѣняетъ значеніе той заслуги барона Корфа передъ всею Россіей, которую онъ оказалъ отечеству, какъ новаторъ, организаторъ и пламенный пропагандистъ великаго дѣла просвѣщенія народа.

Но какъ бы не довѣряя себѣ, какъ бы желая еще болѣе укрѣпиться во всѣхъ своихъ начинаніяхъ въ области народнаго образованія, баронъ Н. А. Корфъ, не смотря на многосложность прямыхъ своихъ обязанностей, предпринялъ еще объѣздъ и осмотръ длиннаго ряда учебныхъ заведеній, представлявшихъ какую-нибудь характерную особенность по своей организаціи и постановкѣ. Со многими изъ дѣятелей этихъ учебныхъ заведеній баронъ Корфъ велъ дѣятельную переписку,—и они усиленно звали его, желая услышать отъ него авторитетную оцѣнку. Въ 1871—72 годахъ баронъ Корфъ посѣтилъ: элементарную школу Ильиныхъ въ Николаевѣ, начальныя и воскресныя народныя училища города Харькова, а также и находящуюся тамъ частную воскресную женскую школу, основанную дамскимъ кружкомъ и находящуюся подъ главнымъ руководствомъ извѣстной дѣятельницы по народному образованію Х. Д. Алчевской; фабричную школу братьевъ Милютиныхъ подъ Москвою; воскресныя школы московскаго общества распространенія техническихъ знаній; школу оборвышей Е. И. Чертовой въ

Петербургѣ; женскіе педагогическіе курсы П. И. Чепелевской въ Москвѣ; новгородскую и московскую земскія учительскія семинаріи; наконецъ комиссаровскую техническую школу въ Москвѣ. Эта масса осмотровѣнныхъ разнородныхъ заведеній была тщательно изучена имъ и описана въ рядѣ статей, органически связанныхъ между собою, хотя и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ: въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Вѣстникѣ Европы», «Семьѣ и Школѣ» и «Народной Школѣ». Помимо собственно педагогическаго значенія этихъ статей, въ смыслѣ указанія на хорошія и неудовлетворительныя стороны осмотровѣнныхъ учебныхъ заведеній, онѣ представляютъ большой интересъ для оцѣнки той эпохи, такъ какъ заключаютъ въ себѣ прекрасный анализъ замѣчательнаго частнаго и общественнаго почина въ дѣлѣ учрежденія самыхъ разнообразныхъ школъ: начальныхъ, воскресныхъ, фабричныхъ, техническихъ, спеціально-рисовальныхъ, школъ для оборвышей и наконецъ семинарій для подготовленія народныхъ учителей и учительницъ. Ничего этого не было раньше: все это какъ бы само собою явилось по почину городовъ и земствъ, частныхъ лицъ и обществъ. Русское общество поняло свою отсталость въ дѣлѣ образованія массы и видимо торопилось наверстать потерянное время. Это напряженное состояніе общества прекрасно очерчено барономъ Корфомъ, попутно указывающимъ, какъ поставлена заградительная или другая отрасль содѣйствія массѣ населенія въ дѣлѣ образованія и чего не достаетъ намъ въ томъ или иномъ отношеніи

Статьи эти были собраны въ одно и дополнены еще слѣдующими статьями, въ разное время появившимися въ печати: «Бытъ крестьянъ, какимъ онъ отражается въ письменныхъ упражненіяхъ учениковъ сельскихъ школъ», «Объ инспекціи народныхъ училищъ» «Учительскіе съѣзды», «Программа народной школы», «Земскія учительскія семинаріи», «Учительскія семинаріи» и «Объ обязательности обученія въ Россіи». Въ общемъ составилось такимъ образомъ объемистая книга—«Наше школьное дѣло». Авторъ скромно назвалъ ее «Сборникомъ статей по училищевѣдѣнію», но это вовсе не случайныя, отрывочныя статьи, а органически связанныя между собою, въ смыслѣ детальнаго разъясненія и яркаго освѣщенія, что все будущее нашего народнаго образованія всецѣло зависитъ отъ способовъ и средствъ проявленія общественнаго почина и самодѣятельности, отъ условій развитія и самоусовершенствованія народной школы, учительскихъ семинарій и другихъ восполюющихъ учебныхъ заведеній въ дѣлѣ образованія массы населенія. «Наше школьное дѣло» существенно дополняетъ извѣстный уже читателямъ

трудъ барона Корфа по училищевѣдѣнію «Русскую начальную школу» въ бытовомъ, законодательномъ, дидактическомъ и общественномъ отношеніи. Оба названныхъ труда, въ общей ихъ совокупности, весьма полно обнимаютъ собою теоретическую и практическую стороны училищевѣдѣнія у насъ, въ Россіи, давая вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимое освѣщеніе этого дѣла за границей.

Такая энергическая, разносторонняя и плодотворная дѣятельность барона Н. А. Корфа была оцѣнена интеллигентною частью русскаго общества съ большою признательностью. Въ 1870 году напримѣръ петербургское педагогическое общество избрало его своимъ почетнымъ членомъ. Въ 1871 году московскій университетъ и московскій комитетъ грамотности также избрали его въ почетные свои члены. Во время пріѣзда барона Корфа въ Петербургъ, въ исходѣ 1871 года, у него установились тѣсныя и дружественныя отношенія со всѣми лучшими представителями педагогической дѣятельности въ столицѣ. Не говоря уже о торжественномъ чествованіи его педагогическимъ обществомъ, какъ своего почетнаго члена, онъ былъ официально приглашенъ въ засѣданіе педагогическихъ курсовъ при II-й с.-петербургской военной гимназій. Въ присутствіи великой княгини Евгеніи Максимиліановны онъ давалъ уроки въ острожной женской школѣ, въ образцовой школѣ учительской семинаріи петербургскаго воспитательнаго дома, въ частной воскресной школѣ и многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того онъ имѣлъ свиданіе съ Головиннымъ, предшественникомъ графа Толстого по управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія, графомъ С. Г. Строгоновымъ и многими другими лицами, проявлявшими живой интересъ къ дѣлу народнаго образованія и желавшими ближе познакомиться съ педагогическими его воззрѣніями.

Заслуживаетъ также вниманія и слѣдующій эпизодъ изъ этой поѣздки барона Корфа въ Петербургъ. Еще въ 1870 году онъ получилъ отъ графа Д. А. Толстого, бывшаго въ то время министромъ народнаго просвѣщенія, письмо съ выраженіемъ «искренней благодарности» за присылку ему, «при письмѣ», книги «Русская начальная школа». Собственноручнымъ-же письмомъ 27 ноября 1871 года графъ Д. А. Толстой пригласилъ барона Н. А. Корфа «пожаловать къ нему откушать 28-го ноября въ 6 часовъ». Въ этотъ день онъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ министромъ о положеніи и нуждахъ народнаго образованія, о задачахъ и условіяхъ его организаціи. Въ то время, какъ извѣстно, графъ Д. А. Толстой самъ сильно склонялся въ пользу введенія обязательнаго обученія въ Россіи. Немудрено поэтому, если изъ собесѣдованія съ Толстымъ ба-

ровъ Корфъ вынесъ увѣренность, что невѣжеству русскаго народа насталь конецъ, что правительство рѣшилось, не щадя никакихъ средствъ, идти по пути народнаго образованія.

Вообще послѣ поѣздки въ Петербургъ, котораго баронъ Корфъ прямо-таки не любилъ, онъ возвратился въ свой родной уѣздъ съ самыми лучшими надеждами и ожиданіями, но здѣсь его ожидалъ жестокое разочарованіе. Темная мѣстная землевладѣльческая сила не пожелала имѣть барона Н. А. Корфа своимъ гласнымъ и забаллотировала его на земскихъ выборахъ. Вотъ что между прочимъ писалъ онъ отъ 1-го іюня 1872 года по этому поводу Х. Д. Алчевской, съ которою находился въ дѣятельной и дружеской перепискѣ:

«20-го мая я торжественно забаллотированъ въ уѣздные гласные двумя третями голосовъ на избирательномъ съѣздѣ землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда. Нечего удивляться тому, что могла собраться шайка негодаевъ и пожелать посредствомъ баллотировки изгнать отъ честнаго человѣка. Огорчаетъ меня не эта шайка, а то *безучастное* отношеніе къ вопіющей несправедливости, отношеніе къ ней со стороны 5—6 лицъ, считавшихся порядочными и теперь не только позволившихъ баллотировать себя послѣ того, что въ лицѣ моемъ дана пощечина всѣмъ слугамъ дѣла, но и не промолвившихъ ни одного слова протеста. Нужно вамъ знать, что я былъ 6 лѣтъ гласнымъ, секретаремъ собранія въ 6 сессіяхъ, три года членомъ ревизіонной комиссіи, три года предсѣвателемъ съѣзда мировыхъ судей, 5 лѣтъ членомъ училищнаго совѣта, всѣ эти должности я отправлялъ безвозмездно и пожертвовалъ за все время въ пользу кассы школъ уѣзда болѣе 5,000 р. сер. Не стану судить о томъ, принесъ-ли я какую нибудь пользу, но всѣ признають, что я трудился на пользу земства съ самоотверженіемъ. Теперь меньшинство, считающее себя прогрессивнымъ (человѣкъ 5), не только не мѣшало шайкѣ выбросить за бортъ слугу дѣла, но изъ зависти и тщеславія, желая попасть въ гласные, старались дружественно относиться къ шайкѣ, владѣвшей выборами, и по возможности не только не обнаруживать солидарности со мною, но и не подходить ко мнѣ въ залѣ, для того, чтобы не повредить себѣ въ глазахъ шайки. Но откуда-же эта шайка? Она сформирована старинными завистниками моими и однимъ господиномъ, который, по моей инициативѣ, не избранъ вновь въ мировые судьи, успѣвши вооружить противъ себя все населеніе своею судебною дѣятельностью. Итакъ, повторяю, что огорчаетъ меня безучастное отношеніе къ дѣлу со стороны людей, которымъ я вѣрилъ, которыхъ я считалъ годными для дѣла и которые оказались трюнами. Впрочемъ и тутъ были отрадныя исключенія: всѣ члены училищнаго совѣта объявили, послѣ моей баллотировки, что считаютъ за позоръ дозволить баллотировать себя; впрочемъ и то нужно сказать, что еслибы они допустили баллотировку, то ихъ бы прокатили непремѣнно, такъ какъ баллотировалось то дѣло, которому они служили *виѣсть* со мною. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ въ томъ—и это меня *утѣшаетъ*,—что въ средѣ земскихъ людей, послѣ того, что я вте-

Чевн 6 лѣтъ распинался за общее благо, нашлось три честныхъ Человѣка, три члена училищнаго совѣта, которые не сумѣли отнестись холодно и равнодушно къ мерзости, происшедшей на выборахъ. Итакъ, нашего училищнаго совѣта и меня въ совѣтѣ съ сентября этого года не существуетъ. Въ виду того, что на училищный свѣздъ потребовалось бы издержать 1,200 руб. сер., мы не рѣшились произвести этого расхода, не увѣренные въ сочувствіи ему со стороны плательщиковъ и будущихъ руководителей училищнаго дѣла, и свѣздъ, предполагавшійся на 8-е сентября, отмѣненъ. Само собою разумѣется, что я не перестану служить дѣлу народнаго образованія словомъ и дѣломъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ пожелаютъ услужь моихъ, и въ печати. Само собою разумѣется, что я не только не закрою той народной школы, попечителемъ которой я состою, но постараюсь увеличить затрату на нее и развить ее; но въ свѣздѣ дѣятельность моя окончена: опытъ состоялся; найдутся люди, то будетъ и дѣло, если не теперь, то со временемъ. Въ скоромъ времени ожидаютъ отдѣленія части территоріи Александровскаго уѣзда къ Мариупольскому, куда отойдетъ и мое имѣніе; тогда будутъ новые выборы въ гласные въ обоихъ уѣздахъ, Александровскомъ и Мариупольскомъ; я буду баллотироваться въ послѣднемъ и, если изберутъ, опять готовъ служить народной школѣ, хотя здоровье мое, т. е. нервы, и крайне разстроено. Впрочемъ будущее впереди, а въ настоящемъ совершился фактъ, еще разъ доказавшій мнѣ, что у насъ человѣку прогрессивному нельзя рассчитывать не только на большинство, но даже и на меньшинство. Тѣмъ дороже для меня тѣ немногіе друзья за предѣлами уѣзда, которыми я обладаю.»

«Друзей» однако оказалось у барона Н. А. Корфа несравненно больше, чѣмъ онъ думалъ. Въ печати дружно раздался крикъ негодованія по поводу самодурно-самоуправнаго поступка землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда, проявившихъ самую низкую и черную неблагодарность къ общественнымъ заслугамъ барона Корфа, успѣвшимъ уже получить общерусскую извѣстность и заслужившимъ признательность со стороны дѣлаго ряда ученыхъ корпорацій, наиболѣ компетентныхъ въ вопросахъ образованія. Со всѣхъ концовъ Россіи онъ былъ заваленъ самыми горячими сочувствіями по поводу постигнутой его неприяности и обиды. Тутъ были письма педагоговъ, частныхъ лицъ и общественныхъ учреждений. Всѣ въ одинъ голосъ признали, что та часть александровскаго дворянства, которая забаллотировывала барона Корфа, положила «черные шары» самой-же себѣ,—въ глазахъ всей мыслящей Россіи навсегда осудила и опозорила себя, доказавъ лишь умственное и нравственное убожество свое, непониманіе и недостойнство, неспособность стоять на высотѣ общественнаго служенія. Вотъ, наиримѣръ, что писалъ барону Корфу извѣстный педагогъ, Евтушевскій:

«Извѣстіе, прочтенное мною изъ газетъ, о сюрпризѣ, устроен-

ронъ Корфъ вынесъ увѣренность, что невѣжеству русскаго народа настала конецъ, что правительство рѣшилось, не щадя никакихъ средствъ, идти по пути народнаго образованія.

Вообще послѣ поѣздки въ Петербургъ, котораго баронъ Корфъ прямо-таки не любилъ, онъ возвратился въ свой родной уѣздъ съ самыми лучшими надеждами и ожиданіями, но здѣсь его ожидало жестокое разочарованіе. Темная мѣстная землевладѣльческая сила не пожелала имѣть барона Н. А. Корфа своимъ гласнымъ и забаллотировала его на земскихъ выборахъ. Вотъ что между прочимъ писалъ онъ отъ 1-го іюня 1872 года по этому поводу Х. Д. Алчевской, съ которою находился въ дѣятельной и дружеской перепискѣ:

«20-го мая я торжественно забаллотированъ въ уѣздные гласные двумя третями голосовъ на избирательномъ сѣздѣ землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда. Нечего удивляться тому, что могла собраться шайка негодяевъ и пожелать посредствомъ баллотировки избавиться отъ честнаго человѣка. Огорчаетъ меня не эта шайка, а то *безучастное* отношеніе къ вопіющей неглости, отношеніе къ ней со стороны 5—6 лицъ, считавшихся порядочными и теперь не только позволившихъ баллотировать себя послѣ того, что въ лицѣ моемъ дана пощечина всѣмъ слугамъ дѣла, но и не промолвившихъ ни одного слова протеста. Нужно вамъ знать, что я былъ 6 лѣтъ гласнымъ, секретаремъ собранія въ 6 сессіяхъ, три года членомъ ревизіонной комиссіи, три года предсѣдателемъ сѣзда мировыхъ судей, 5 лѣтъ членомъ училищнаго совѣта, всѣ эти должности я отправлялъ безвозмездно и пожертвовалъ за все время въ пользу кассы школы уѣзда болѣе 5,000 р. сер. Не стану судить о томъ, принесъ-ли я какую нибудь пользу, но всѣ признаютъ, что я трудился на пользу земства съ самоотверженіемъ. Теперь меньшинство, считающее себя прогрессивнымъ (человѣкъ 5), не только не мѣшало шайкѣ выбросить за бортъ слугу дѣла, но изъ зависти и тщеславія, желая попасть въ гласные, старались дружественно относиться къ шайкѣ, владѣвшей выборами, и по возможности не только не обнаруживать солидарности со мною, но и не подходить ко мнѣ въ залѣ, для того, чтобы не повредить себѣ въ глазахъ шайки. Но откуда-же эта шайка? Она сформирована старинными завистниками моими и однимъ господиномъ, который, по моей инициативѣ, не избранъ вновь въ мировые судьи, успѣвши вооружить противъ себя все населеніе своею судебною дѣятельностью. Итакъ, повторяю, что огорчаетъ меня *безучастное* отношеніе къ дѣлу со стороны людей, которымъ я вѣрилъ, которыхъ я считалъ годными для дѣла и которые оказались трюпцами. Впрочемъ и тутъ были отрядныя исключенія: всѣ члены училищнаго совѣта объявили, послѣ моей баллотировки, что считаютъ за позоръ доводить баллотировать себя; впрочемъ и то нужно сказать, что еслибы они допустили баллотировку, то ихъ бы прокатили непременно, такъ какъ баллотировалось то дѣло, которому они служили *вмѣстѣ* со мною. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ въ томъ—и это меня *утѣшаетъ*,—что въ средѣ земскихъ людей, послѣ того, что я вте-

внн 6 дѣтъ распинался за общее благо, нашлось три честныхъ словѣка, три члена училищнаго совѣта, которые не сдѣлали отъ себя холодно и равнодушно къ мерзости, происшедшей на выборахъ. Итакъ, нашего училищнаго совѣта и меня въ совѣтъ въ сентябрѣ этого года не существуетъ. Въ виду того, что на училищскій сѣздъ потребовалось бы издержать 1,200 руб. сер., мы не считали этого расхода, не увѣренные въ сочувствіи му со стороны плательщиковъ и будущихъ руководителей училищнаго дѣла, и сѣздъ, предполагавшійся на 8-е сентября, отмѣненъ. Само собою разумѣется, что я не перестану служить дѣлу народнаго образованія словомъ и дѣломъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ пожелаютъ услугъ моихъ, и въ печати. Само собою разумѣется, что я не только не закрою той народной школы, попечителемъ которой я состою, но постараюсь увеличить затрату на нее и развить ее; но въ увѣдѣ дѣятельность моя окончена: опять состоялся; найдутся люди, то будетъ и дѣло, если не теперь, то со временемъ. Въ скоромъ времени ожидаютъ отдѣленія части территоріи Александровскаго уѣзда къ Мариупольскому, куда отойдетъ и мое имѣніе; тогда будутъ новые выборы въ гласные въ обоихъ уѣздахъ, Александровскомъ и Мариупольскомъ; я буду баллотироваться въ послѣднемъ и, если изберутъ, опять готовъ служить народной школѣ, хотя здоровье мое, т. е. нервы, и крайне разстроено. Впрочемъ будущее впереди, а въ настоящемъ совершился фактъ, еще разъ доказавшій мнѣ, что у насъ человѣку прогрессивному нельзя разчитывать не только на большинство, но даже и на меньшинство. Дѣломъ дороже для меня тѣ немногіе друзья за предѣлами уѣзда, которыми я обладаю.»

«Друзей» однако оказалось у барона Н. А. Корфа несравненно больше, чѣмъ онъ думалъ. Въ печати дружно раздался крикъ негодованія по поводу самодурно-самоуправнаго поступка землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда, проявившихъ самую низкую и черную неблагодарность къ общественнымъ заслугамъ барона Корфа, успѣвшимъ уже получить общерусскую извѣстность и заслужившимъ признательность со стороны цѣлаго ряда ученыхъ корпораций, наиболѣе компетентныхъ въ вопросахъ образованія. Со всѣхъ концовъ Россіи онъ былъ заваленъ самыми горячими сочувствіями по поводу постигшей его несправедливости и обиды. Тутъ были письма педагоговъ, частныхъ лицъ и общественныхъ учреждений. Всѣ въ одинъ голосъ признали, что та часть Александровскаго дворянства, которая забаллотировывала барона Корфа, положила «черные шары» самой-же себѣ, — въ глазахъ всей мыслящей Россіи навсегда осудила и опозорила себя, доказавъ лишь умственное и нравственное убожество свое, непониманіе и недостойнство, неспособность стоять на высотѣ общественнаго служенія. Вотъ, напримѣръ, что писалъ барону Корфу извѣстный педагогъ, Евтушевскій:

«Извѣстіе, прочтенное мною изъ газетъ, о скорпіриѣ, устроен-

номъ александровскому училищному совѣту, сначала меня сильно поразило; но потомъ, вспомнивъ, что мы живемъ еще пока въ дѣскихъ дебряхъ, гдѣ встрѣчается больше звѣрей, нежели людей, я успокоился, такъ какъ различныя курьезы на Руси довольно часты. Съ своей-же стороны я имѣю только къ вамъ, многоуважаемый Николай Александровичъ, большую просьбу: не смотря на пошлости, вѣсть окружающія, и несправедливости, которыми вамъ платятъ за великое, честное и доброе ваше дѣло, не бросайте этого дѣла. Повѣрьте, что есть гораздо больше такихъ людей, которые благодарятъ васъ душевно теперь и всегда будутъ чтить вашу память, какъ человѣка, дѣйствительно сдѣлавшаго доброе дѣло.» (14 июня 1872 г.)

Мотивъ этого письма изъ Петербурга замѣчательно совпадаетъ съ мотивомъ адреса бахмутскаго уѣзднаго училищнаго совѣта барону Корфу по поводу его забаллотировки. Правильно охарактеризовавъ значеніе его дѣятельности, какъ для дѣлага уѣзда, такъ и для всей Россіи, бахмутскій училищный совѣтъ говоритъ далѣе въ своемъ адресѣ:

«Фактъ, такъ неожиданно совершившійся 20-го мая 1872 года ясно говоритъ самъ за себя, и особенно онъ понятенъ для насъ служащихъ и трудящихся на одномъ съ вами многотрудномъ посту прищѣ начальнаго народнаго образованія.... Совершившееся у васъ событіе не могло не произвести на вашу благородную душу впечатлѣніе самое тяжкое не въ смыслѣ личной обиды и оскорбленія а въ виду тѣхъ важныхъ и великихъ по своимъ послѣдствіямъ потерь, которыя въ подобныхъ случаяхъ и при подобныхъ обстоятельствахъ терпитъ нашъ простой народъ.»

Выразивъ затѣмъ увѣренность, что баронъ Корфъ «снисходительно отнесется къ дѣлу, которое совершилось и можетъ повториться подъ вліяніемъ непреодолимыхъ еще обстоятельствъ самаго грустнаго свойства», бахмутскій училищный совѣтъ продолжаетъ:

«Оставшіяся при васъ и съ вами неотъемлемо Богомъ данныя вамъ геніальныя способности и практической вѣрный взглядъ и дѣло начальнаго образованія, ваше въ немъ особое умѣнье, этотъ внутренній, счастливый, стройный порядокъ душевныхъ вашихъ силъ въ состояніи явить нашему краю и всему отечеству, что для истиннаго гражданина, истиннаго сына отечества не сильныя преграды воздвигаемыя иногда по недоразумѣнію, а иногда и по другимъ причинамъ.»

Но у барона Корфа нашлись «друзья» не только «за предѣлами», но и въ предѣлахъ уѣзда. Забаллотированный дворянами, онъ былъ выбранъ въ земскіе гласные изъ пяти избирательныхъ уѣздныхъ крестьянскихъ съѣздовъ въ трехъ съѣздахъ, и притомъ подвляющимъ большинствомъ голосовъ. Фактъ тѣмъ болѣе отраденъ и назидательный, что онъ произошелъ не только безъ малѣйшей агитаціи со стороны барона Корфа, но даже и при отсутствіи его в Александровскомъ уѣздѣ, такъ какъ немедленно послѣ забаллотировки

нія на сѣздѣ землевладѣльцевъ онъ уѣхать по дѣламъ въ
 ринославъ.

казанное единодушіе крестьянъ въ избраніи барона Корфа въ
 е вызвало задушевный откликъ со стороны попечителя кав-
 го учебнаго округа, Невѣрова, который все еще находился
 въ дѣятельныхъ сношеніяхъ, продолжая командировать въ
 андровскій уѣздъ новыхъ и новыхъ дѣятелей по народному
 ванію, такъ какъ отъ такихъ командировокъ была явная
 для успѣховъ народнаго образованія на Кавказѣ. Въ письмѣ
 го іюля 1872 года Невѣровъ, выражая барону Н. А. Корфу
 чайшую благодарность» за ту «предупредительность», съ ко-
 онъ знакомилъ кавказцевъ съ устройствомъ своихъ школъ и
 домъ, а также и за «чисто-русское радушіе», говоритъ далѣе:
 ри этомъ случаѣ позволяю себѣ высказать то душевное на-
 ніе, съ которымъ я прочелъ въ газетахъ извѣстіе, что если
 е пожелали или не умѣли оцѣнить помѣщики, то единодуш-
 боръ васъ крестьянами въ свои представители ясно пока-
 что благотворная ваша дѣятельность на пользу народнаго
 ценія вполнѣ оцѣнена народомъ русскимъ. А это—не сомнѣ-
 въ томъ—въ глазахъ вашихъ и всѣхъ понимающихъ и сочув-
 дихъ вамъ конечно выше и дороже всего. Да дасть вамъ
 илы и здоровья трудиться на этомъ поприщѣ, на которомъ
 ждали вполнѣ заслуженное вами сочувствіе и уваженіе.»

инодушіе, съ которымъ крестьяне избирали барона Корфа
 но не безъ противодѣйствія со стороны тайныхъ его недобро-
 элей), — фактъ единственный въ лѣтописяхъ нашего обще-
 аго управленія, и притомъ въ высшей степени поучитель-
 крестьяне очевидно понимали, за что именно выбираютъ они
 Корфа, для чего собственно необходимъ онъ имъ, какъ
 ий земства. Значитъ, у крестьянъ было уже сознательное
 еніе къ народному образованію, — была органическая связь
 одными школами, насажденными неуспынными трудами и за-
 барона Н. А. Корфа.

VIII.

www.libtool.com.cn Пребываніе заграницей.

Перевѣдъ барона Корфа за границу и дѣйствительныя причины перевѣда.—Служеніе дѣлу русскаго народнаго образованія изъ ницы.—Ошибка біографовъ барона Корфа въ оцѣнкѣ его дѣятели во время пребыванія за границей.—«Руководство къ новому обученію» и «Исторія Востока, Греціи и Рима—для обу и самообразованія».—Женевская семейная школа барона Корфа.—Избраніе въ почетныя члены женевскаго общества наукъ.

Блестящее избраніе барона Н. А. Корфа на трехъ креслахъ сѣздахъ не только затмило и посрамило недостойную ходку со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ, но и дало должное нравственное удовлетвореніе. Значеніе этого удовлетворенія было тѣмъ полнѣе, что, — какъ мы знаемъ уже, — оно поддержано дружнымъ сочувствіемъ всей мыслящей части русскаго общества. Тѣмъ не менѣе баронъ Корфъ въ 1872 году прекратилъ свою дѣятельность въ Александровскомъ уѣздѣ, уѣхалъ съ семьей въ Швейцарію, поселился въ Женевѣ и жилъ тамъ до 1880 года. Этотъ фактъ и при жизни, и послѣ смерти барона Корфа остается неразъясненнымъ, почему и вся послѣдующая дѣятельность представляется невыясненною. Между тѣмъ обратиться въ причинахъ, побудившихъ барона Корфа на такой шагъ, вполне возможно.

Нѣкоторые полагаютъ, что главной причиной обрыва барона Корфомъ своей земской дѣятельности служить то «одиночество въ которомъ онъ почувствовалъ себя въ своемъ родномъ уѣздѣ». Конечно ему тяжело и горько было почувствовать это, но онъ уже слишкомъ опытенъ и закаленъ въ общественной дѣятельности, чтобы смутиться одиночествомъ. Въ сущности и тогда, когда предпринималъ организацію народнаго образованія, и во все идущее время онъ всегда былъ *одинъ*, въ смыслѣ почина. Начинанья этотъ приводилъ къ блестящимъ результатамъ, то это вовсе не значить, будто бы успѣхъ давался барону Корфу безъ борьбы. Напротивъ, въ имѣющейсѣ на примѣръ въ нашемъ распоряженіи перепискѣ барона Корфа сохранилась пачка писемъ отъ 1867 до 1870 года, принадлежащихъ Ч—скому.

Даже теперь, спустя четверть вѣка уже, трудно читать

негодования эти письма, — такъ много въ нихъ свлеченъ, инсинуаций, угрозъ, зависти, злобы и дерзости — по поводу притомъ такого невиннаго факта, какъ открытіе русской школы въ одной изъ нѣмецкихъ колоній. И это конечно только примѣръ, но не исключеніе. Не слѣдуетъ забывать, что въ то время, какъ Александровскій уѣздъ и нѣкоторыя другія мѣстности Имперіи, благодаря щемству, покрывались школами, въ другихъ мѣстахъ или бездѣйствовали, или принимали даже мѣры противодѣйствія какому-бы то ни было проявленію образованія. Такъ напримѣръ, Новомосковский и Павлоградскій уѣзды, Екатеринославской-же губерніи, какъ бы даже фрондировали своею постыдною бездѣятельностью вообще и полнѣйшимъ игнорированіемъ народнаго образованія въ частности. Одинъ-же изъ корреспондентовъ барона Корфа, Н. Крыловъ, въ письмѣ отъ 13-го октября 1869 года сообщалъ, что въ Алатырѣ, Симбирской губерніи, одновременно были закрыты всѣ частныя учебныя заведенія, при отсутствіи въ городѣ какихъ-бы то ни было другихъ учебныхъ заведеній... И въ Александровскомъ уѣздѣ такихъ соинителей образованія было не занимать стать. Но баронъ Корфъ, имѣя, искренно или неискренно, ставить ихъ на свою сторону, какъ онъ въ концѣ концовъ сдѣлалъ это и съ Ч — скимъ. Онъ одержалъ также полную, блистательную побѣду и надъ всѣми своими противниками по выборамъ 1872 года. Уже въ бытность въ Женевѣ, въ 1873 году, онъ получилъ благодарственный адресъ отъ Александровскаго училищнаго совѣта и такой-же адресъ отъ всего земскаго собранія этого-же уѣзда. Этотъ послѣдній адресъ былъ составленъ по единогласному постановленію собранія, т. е. при участіи тѣхъ-же самыхъ лицъ, которыя забаллотировали его. Вслѣдствіи-же Александровское уѣздное земское собраніе, по предложенію гласнаго Н. Карышева о необходимости привлечь къ дѣлу народнаго образованія «человѣка, много потрудившагося на этомъ пути и могущаго научить многому другихъ», «*встало и единогласно*» постановило: «Просить высокоуважаемаго барона Корфа принять званіе почетнаго члена Александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта и войти съ ходатайствомъ въ министерство народнаго просвѣщенія объ утвержденіи его въ этомъ званіи».

Къ этому нужно еще прибавить, что въ 1873 году барону Корфу присуждена золотая медаль за его литературную и непосредственную дѣятельность по народному образованію. Такимъ образомъ, въ общей совокупности приведенныхъ фактовъ, нельзя не придти къ выводу, что недостойныя выходы землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда способствовали лишь еще большему возвышенію барона

Корфа въ глазахъ общества, и онъ получилъ самое полное нравственное удовлетвореніе. Значить, со стороны неблагоприятнаго и борнаго эпизода не могло быть препятствій къ продолженію баронъ Корфомъ земской службы.

Точно также ошибочно думаютъ нѣкоторые, будто-бы одинъ изъ главныхъ препятствій въ этомъ отношеніи было измѣненіе риторическихъ границъ между Александровскимъ и Мариупольскимъ уѣздами. Положимъ, въ письмѣ изъ Женевы отъ 4-го іюня 1873 года баронъ Корфъ дѣйствительно говоритъ: «Въ настоящее время я уже отрѣзанный ломоть отъ того дѣла, на которое пошлучшіе годы моей жизни: новыя границы уѣзда лишили меня оффиціального голоса въ Александровскомъ уѣздѣ». Но въ этомъ-же письмѣ онъ прибавляетъ далѣе, что «различныя обстоятельства побудили меня *служить родному школьному дѣлу только и темъ печати*». Если знать ходъ школьнаго законодательства печатные труды барона Корфа, то «обстоятельства», на которыя онъ ссылается, будутъ понятны сами собою. Разяснить ихъ въ высшей степени необходимо, такъ какъ такой почтенный земскій дѣятель, какъ Гнѣдинъ, одинъ изъ лучшихъ и дѣятельнѣйшихъ сподвижниковъ Корфа по народному образованію въ Александровскомъ уѣздѣ, очень грубо ошибся въ отношеніи истинныхъ мотивовъ отказа барона Корфа, сказавъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» законченныхъ еще въ 1879 году, между прочимъ слѣдующее:

«Своимъ отказомъ Корфъ оскорбилъ какъ общество, взоръшее его, такъ и самое дѣло, которому онъ служилъ. Если моя оправдать отказъ Корфа, то развѣ тѣмъ, что забаллотировка силъ потрясла его нервы и способствовала развитію его болѣзни—обзванію желчныхъ камней. Но это стало извѣстно только въ послѣдствіи, вначаль-же его отказъ фраппировалъ всѣхъ благомыслящихъ людей, и даже друзья Корфа не находили оправданія его поступку».

Но если «друзья» были такъ не находчивы въ «оправданіи», повторяемъ, «обстоятельства» даютъ Корфу самое полное и бѣстѣющее не только оправданіе, но, — какъ не замедлимъ разяснить, — даже и одобреніе. Вотъ сущность дѣла.

«Положеніемъ о народныхъ училищахъ» 14-го іюня 1864 г. земскимъ учрежденіямъ была предоставлена полная самостоятельность въ дѣлѣ народнаго образованія, такъ что даже выборъ пресѣдателей училищныхъ совѣтовъ былъ предоставленъ земскимъ собраніямъ. Эта благоразумная децентрализація распорядительной исполнительной власти дала возможность къ проявленію на местахъ частнаго и общественнаго почина и самодѣятельности въ *ласть* народнаго образованія, благодаря чему послѣднее и нач

ленно выходить въ земскихъ губерніяхъ изъ состоянія летар-
Голько въ силу предоставленной земству самостоятельности
Корфъ, не принадлежа къ патентованнымъ педагогамъ,
аясь простымъ земскимъ дѣятеlemъ, могъ выступить въ роли
изатора разумной народной школы и дать толчокъ этому дѣлу
Имперію. Но затѣмъ обстоятельство круто измѣнилось. Въ
70-хъ годовъ послѣдовала инструкция инспекторамъ на-
ихъ училищъ, какъ обязательное для всѣхъ распоряженіе.
инструкция эта кореннымъ образомъ измѣнила весь порядокъ от-
народныхъ школъ, завѣдыванія и руководства ими, какъ
ало установлено «Положеніемъ» 14-го іюня 1864 года. Строго
я, за земствомъ оставалось только право ассигнованія денегъ,
о помѣщеніи, отопленіи и освѣщеніи школъ, безъ всякаго
енія собственно къ учебно-воспитательной дѣятельности ихъ,
права вліятельнаго голоса въ выборѣ, назначеніи и увольне-
дагогическаго персонала народныхъ школъ.

аронъ Корфъ первый почувствовалъ на себѣ послѣдствія по-
орядка вещей: Въ инструкціи напимѣръ въ отношеніи съѣз-
говорится: «Въ случаѣ учрежденія съѣздовъ народныхъ учи-
на инспектора возлагается какъ наблюденіе за ихъ дѣй-
ии, такъ и сообщеніе имъ надлежащихъ совѣтовъ, указаній и
вленій». Руководствуясь буквой инструкціи, администрація
саго учебнаго округа не разрѣшила въ 1871 году барону
руководить съездомъ народныхъ учителей Александровскаго
Такимъ образомъ то самое лицо, которое впервые пропаган-
ало въ Россіи идею съѣздовъ и практически осуществило ихъ,
ые «Отчеты» котораго, а также и инструкціи народнымъ учи-
печатались на страницахъ «Журнала министерства народ-
просвѣщенія», — это лицо оказалось безправнымъ въ дѣлѣ,
иномъ его умомъ и энергіей, съ громадной пользой и славой
одимомъ имъ втеченіи цѣлаго ряда лѣтъ. Какъ бы для на-
аго подтвержденія несправедливости такого порядка дѣла,
ошелъ слѣдующій фатальный случай. Съездъ, долженствовав-
остояться въ Александровскомъ уѣздѣ подъ руководствомъ
аго инспектора, не могъ состояться по причинѣ его смерти. И
ъ Корфъ, самостоятельно, въ силу полномочій земства сзывав-
режде съѣзды мѣстныхъ народныхъ учителей, теперь уже не
права сдѣлать этого въ виду инструкціи, такъ какъ онъ былъ
спекторомъ народныхъ училищъ, а только членомъ училищ-
совѣта, хотя въ этой скромной роли онъ, можно сказать, ру-
илъ народнымъ образованіемъ во всей Имперіи, и къ нему при-

бъжали учиться не только инспекторы народныхъ училищъ, но и лица, руководившія обученіемъ и воспитаніемъ народныхъ учителей.

Со вступленіемъ въ силу инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ, у барона Корфа выпало изъ рукъ живое дѣло народнаго образованія, въ смыслѣ непосредственнаго служенія, которому онъ отдавался вполне беззавѣтно, съ такимъ самоотверженіемъ. Въ роли простого земскаго дѣятеля, т. е. члена училищнаго совѣта за нимъ, согласно «Положенію о народныхъ училищахъ», оставалось право «наблюденія за преподаваніемъ»; но, по инструкціи инспекторамъ, «все преподаватели народныхъ училищъ состоятъ въ учебномъ отношеніи подъ ближайшимъ надзоромъ инспектора» которому вдобавокъ предоставлена также полная власть въ отношеніи опредѣленія, перемѣщенія и увольненія народныхъ учителей. Понятно поэтому, что какъ-бы ни «наблюдалъ за преподаваніемъ» членъ училищнаго совѣта, но каждый изъ учителей будетъ рабски послушенъ тому, что прикажетъ ему инспекторъ.

Все это было разъяснено въ свое время барономъ Корфомъ въ періодической печати, въ статьяхъ: «Объ инспекціи народныхъ училищъ» и «Учительскіе съѣзды», которыя и вошли въ книгу ея «Наше школьное дѣло». Заглянувъ въ эти статьи, полнаго жизненнаго интереса и значенія до нашихъ дней, каждый легко можетъ убѣдиться, что еще за долго до баллотировочнаго эпизода барон Корфъ совершенно ясно понималъ критическое положеніе свое земской дѣятельности по народному образованію. Хотя первоначальное «Положеніе о народныхъ училищахъ» и оставалось и отмѣненнымъ, но уже не доставало, такъ сказать, физической мѣста для проявленія земской дѣятельности барона Корфа въ фактически-существовавшихъ прежде ея размѣрахъ. Въ дѣлѣ, самостоительно созданномъ, направляемомъ и руководимомъ, ему приходилось смотрѣть изъ чужихъ рукъ, занять положеніе зависимо подневольное, быть въ роли опекаемаго, испрашивать разрѣшенія.

И еслибы не случилось такой метаморфозы, гидра темной силъ Александровскаго уѣзда никогда не рискнула-бы взять подъ свое мнѣніе дѣло народнаго образованія, не стала-бы баллотировать этого дѣла въ лицѣ барона Корфа. По своей безупречной чести, по своей энергіи и умственному превосходству, по тому громадному влиянію, которое болѣе и болѣе завоевывалъ себѣ барон Корфъ, онъ съ первыхъ дней своей общественной дѣятельности былъ глубоко ненавистенъ для мѣстной темной силы. Не занимая никакихъ платныхъ должностей по земству, служа ему своею *глаголю* *лювою*, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожалъ въ самомъ зародышѣ и

дѣйшее поползновеніе съ чьей-бы то ни было стороны къ обращенію земства въ «общественный пирогъ». А такими именно поползновеніями и была проникнута «гибра». Но баронъ Корфъ былъ неуязвимъ, пока оставался подъ защитою «Положенія» 14-го іюля 1864 года въ отношеніи народнаго образованія. И какъ только «Положеніе» не въ состояніи уже было болѣе ограждать именно дѣла рукъ барона Корфа, на него и набросилась темная сила, увлекающая своимъ теченіемъ людей индифферентныхъ и малодушныхъ. И хотя онъ одержалъ полную и блистательную побѣду въ общемъ результатѣ выборовъ въ земскіе гласные, тѣмъ не менѣе ясно было, что въ рукахъ его противниковъ остается самое сильное орудіе противъ него—самоуправное ломанье и коверканье созданнаго имъ дѣла народнаго образованія,—чего они не смѣли дѣлать раньше, но въ чемъ онъ теперь не властенъ былъ уже помѣшать имъ, такъ какъ не его уже просвѣщенный авторитетъ, а санкція и усмотрѣніе народнаго инспектора будутъ руководить дѣломъ. Оберегая судьбу дорогого ему дѣла, онъ отказался отъ него, и тѣмъ дѣйствительно спасъ его. Какъ удостоверяетъ Д. Т. Гибдинъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», «весь порядокъ, заведенный Корфомъ, поддерживался на томъ лишь основаніи, что, дескать, мы и безъ Корфа справимся. Дѣйствительно, по народному образованію земство не только не уменьшалось ассигновки, но даже прибавляло». Но не то конечно было-бы, еслибы баронъ Корфъ оставался при дѣлѣ. Значитъ, отказъ барона Корфа, выходъ его изъ земства есть своего рода самоотверженіе и заслуживаетъ высокаго одобренія.

Таковы дѣйствительныя причины переѣзда барона Корфа за границу, въ Женеву, съ октября 1872 года, гдѣ онъ и прожилъ около 8 лѣтъ, съ кратковременными пріѣздами въ Россію. Такъ оборвалась безпримѣрно блестящая и производительная дѣятельность этого великаго и даровитаго общественнаго работника на пользу общерусскаго народнаго образованія. Тяжелъ и мучителенъ былъ этотъ перерывъ для барона Корфа не только въ смыслѣ устраненія отъ общественной дѣятельности, которой такъ жаждала его энергическая, широко одаренная натура, но даже и въ смыслѣ потери подъ ногами русской почвы, такъ какъ онъ былъ «почвенникомъ» самой «чистой воды» и высокой пробы. Вотъ что говоритъ онъ напимѣръ о себѣ въ своихъ «Посмертныхъ Запискахъ»:

«Сознаюсь, что тосковалъ я за украинскими стенами не только въ Петербургѣ, отталкивающимъ и однообразіемъ природы, и климатомъ, и еще кое-чѣмъ, но изъ Женевы, гдѣ, стоя на берегу жи-

вопснѣйшаго озера, не могъ я не признавать того, что куда-равняться съ такою красавицею моею унылой и часто неприимной южно-русской степи, но родная мнѣ эта послѣдняя, и не прѣмѣню ее ни на лазуревую воду Роны, ни на поволооченныя задышныя солнцемъ снѣжныя вершины.»

Чтобы заглушить эту естественную тоску по родинѣ, баронъ Н. А. Корфъ съ необычайною энергіею принялся за перо на пользу избраннаго имъ школьнаго дѣла. Какъ видно изъ письма египетца Х. Д. Алчевской отъ 8-го мая 1873 года, за 6¹/₂ мѣсяцевъ пребыванія его въ Женевѣ, онъ написалъ: три статьи для «Вѣстника Европы», три статьи для «Народной Школы», семь статей для «Недѣли» и 18 «Писемъ на родину» въ «С.-Петербургскія Вѣдомости». Все это, въ общей сложности, составляетъ болѣе 20 печатныхъ листовъ, всецѣло посвященныхъ Россіи и русскому школьному дѣлу, такъ сильно нуждавшемуся въ просвѣщенномъ руководствѣ и такъ кстати продолжавшему получать его отъ барона Корфа, оказавшагося «волею судьбы» не у дѣль.

Энергически отзываясь по поводу практическаго хода русскаго школьнаго дѣла и движенія законодательства по этому предмету, баронъ Корфъ занялся вмѣстѣ съ тѣмъ и систематическимъ ознакомленіемъ русской публики, путемъ печати, съ современнымъ состояніемъ народнаго образованія за границей. Дѣльныя, страстныя, блестящія статьи его по этому предмету были впоследствии собраны имъ, нѣсколько переработаны примѣнительно къ педагогическому отдѣлу всемірной парижской выставки 1878 года и изданы въ 1879 году отдѣльною брошюрою, подъ заглавіемъ: «Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ». Нужно замѣтить при этомъ, что баронъ Корфъ еще раньше посѣтилъ всемірную выставку, происходившую въ 1873 году, и подробно описалъ ее въ свое время въ «Вѣстникѣ Европы». Разсматривая педагогическій отдѣлъ парижской выставки 1878 года, онъ оцѣниваетъ его по сравненію съ соответствующими отдѣлами на прежнихъ выставкахъ, начиная со второй парижской, въ 1867 году, на которой впервые состоялась попытка организовать международное педагогическое состязаніе. Въ виду этого, «Итоги народнаго образованія», представляя объемистую брошюру, плотно напечатанную, даютъ очень яркую и выразительную картину положенія, хода и условій дѣятельности народнаго образованія не въ одной только Европѣ, но на всемъ бѣломъ свѣтѣ до Австраліи и Сандвичевыхъ острововъ включительно. Въ этомъ отношеніи названная брошюра имѣетъ незамѣнимое значеніе въ нашей школьной литературѣ.

Именно потому, что баронъ Корфъ документально зналъ все

что касается дѣла народнаго образованія и отчетливо понималъ
статусъ Россіи въ этомъ отношеніи по сравненію съ другими на-
родами и странами, — онъ съ такою страстью относился къ этому
дѣлу первостепенной государственной важности, беззавѣтно и без-
раздѣльно отдавался ему и писалъ о немъ не иначе, какъ *сокомъ*
своихъ нервовъ...

Порвавъ непосредственную связь съ русскою народною школою,
онъ сосредоточилъ свое вниманіе главнымъ образомъ на устраненіи,
путемъ печати, всѣхъ тѣхъ погрѣшностей и недоразумѣній, кото-
рыя такъ или иначе могли помѣшать правильному ходу народнаго
образованія. Одна за другою выходили изъ подъ его пера горячія
статьи, посвященныя дѣйствительно животрепещущимъ вопросамъ
въ этой области. То онъ съ увлеченіемъ доказываетъ и разъяс-
няетъ необходимость согласованія интересовъ общаго и приклад-
наго первоначальнаго образованія, такъ чтобы эти отрасли не
сбѣшивались въ одну, а развивались-бы самостоятельно и парал-
лельно. То онъ пламенно привѣтствовалъ и пропагандировалъ
крестьянскія школки грамотности, справедливо видя въ нихъ воз-
можность выдѣленія простой грамоты въ самостоятельную отрасль
первоначальнаго обученія, которое несомнѣнно можетъ быть по-
ставлено какъ обязательное обученіе даже и при нашихъ скудныхъ
государственныхъ и общественныхъ матеріальныхъ средствахъ. Но
главною темою статей Корфа за этотъ періодъ времени было
отстаиваніе земскихъ правъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

Поводомъ къ этому послужило новое положеніе о народныхъ
училищахъ, т. е. уставъ 1874 года, окончательно уже уничтожив-
шій тотъ порядокъ отношенія земства къ народному образованію, ко-
торый первоначально былъ установленъ «Положеніемъ» 14-го іюля
1864 года. Прозвошло то именно, что предвидѣлъ баронъ Корфъ
двумя годами раньше и противъ чего энергически предостерегалъ.
Дѣло, начатое инструкціе инспекторамъ народныхъ училищъ,
было завершено уставомъ. Теперь уже земства не избирали болѣе
предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ, такъ какъ обязательными
предсѣдателями были предводители дворянства. Земство оконча-
тельно было отдано въ опеку мѣстной администраціи по народному
образованію, такъ что, безъ вѣдома и разрѣшенія послѣдней, не
смѣло даже разсылать по своимъ народнымъ школамъ книгъ и
учебныхъ пособій, хотя-бы даже и одобренныхъ специально для
этой цѣли. Въ большомъ рядѣ статей (напримѣръ: «Народная школа
въ рукахъ крестьянскаго земства», «Объ инспекціи народныхъ
училищъ», «Учители и помощники» и друг.) баронъ Корфъ фактами

доказывалъ, неблагоприятное вліяніе новаго порядка въ прозорливо предсказывалъ возможность совершенно индифферентнаго отношенія общества къ этому животрепещущему дѣлу государственной важности. Впослѣдствіи эти и другія барона Корфа вышли въ свѣтъ отдѣльною книгою—«Наши политическіе вопросы» (1882 г.), о которой мы скажемъ нѣсколько ниже.

Оглядываясь на обширную, разностороннюю, очень отзвучившую литературную дѣятельность барона Корфа во время пребыванія за границей, нельзя не согласиться, что онъ по прежнему и продолжалъ служить интересамъ Россіи и русскаго просвѣщенія, какъ общалъ это въ извѣстномъ уже намъ письмѣ къ г-нѣ Чевской. Въ этомъ-же письмѣ онъ между прочимъ выразилъ увѣренность, что, «имѣя время для литературныхъ занятій, принесетъ «печатнымъ словомъ больше пользы Россіи», чѣмъ можно своею дѣятельностію. Хотя отстраненіе барона Корфа посредственнаго служенія народному образованію и было несомнѣнно ущемленіемъ для послѣдняго, тѣмъ не менѣе, оставаясь ницѣю, онъ, съ перомъ въ рукахъ, продолжалъ приносить существенную пользу. Добровольный эмигрантъ будилъ во всей Россіи интересъ къ народному образованію и въ этомъ направленіи водилъ общественнымъ мнѣніемъ съ такою твердостью, простотой и успѣхомъ, какъ никто никогда. Благодаря именно не только въ печати и обществѣ ощущалось биченіе школьно-педагогическаго дѣла народнаго образованія, несмотря на неблагоприятный оборотъ въ его постановкѣ, продолжало шириться и улучшаться, совершенствоваться во всѣхъ отношеніяхъ, и въ частности участіи земства, остававшагося вѣрнымъ традиціямъ «Положенія» 14-го іюля 1864 года, наперекоръ всевозможнымъ «препонамъ» и противодѣйствіямъ. Заглянувъ въ «Земскіе вѣстники», въ «Извлеченія изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ министерства народнаго просвѣщенія» и въ школьную статистику центральныхъ комитетовъ, не трудно убѣдиться, что именно 70-е годы были временемъ наибольшаго развитія у насъ дѣла народнаго образованія, мы обязаны этимъ какъ первоначальному энергическому данному барономъ Н. А. Корфомъ, въ пору дѣятельности Александровскомъ уѣздѣ, такъ и еще болѣе той энергіи и бодрости, съ которыми онъ слѣдилъ за народнымъ образованіемъ въ послѣдующее время—съ перомъ въ рукахъ.

Говоря—«еще болѣе», мы нисколько не рискуемъ въ отношеніи преувеличенія. Установленный министерствомъ народнаго

лденія контроль за народнымъ образованіемъ былъ крайне односторонне привятъ и примѣненъ во многихъ мѣстахъ, съ явнымъ ущербомъ для успѣховъ народного образованія. Дѣло напримѣръ доходило даже до того, что нѣкоторые изъ инспекторовъ официально требовали, чтобы учителя народныхъ училищъ «передъ каждымъ урокомъ составляли конспектъ и подшивали его къ дѣлу», чтобы они «не смѣли возбуждать никакихъ вопросовъ изустно, при посѣщеніи училища инспекторомъ, но обращали ихъ къ нему не иначе какъ письменно». Мало того: въ одномъ изъ учебныхъ округовъ поступило распоряженіе, чтобы «учителя въ особой книгѣ ежедневно выставляли баллы или отмѣтки (отъ 0 до 5) всѣмъ ученикамъ за ихъ успѣхи», что физически даже невозможно въ народной школѣ и совсѣмъ ужъ не педагогично. Наконецъ взаимныя отношенія между земствомъ и мѣстною учебною администраціею обострились иногда до такой степени, что возникали даже спеціальныя «дѣла о пререканіяхъ» управы съ учебною администраціею. И «пререканія» эти бывали весьма существеннаго свойства. Инспекторы иногда своею властью ограничивали число учащихся въ школахъ 50 человѣками, не допуская почему-то пріема большаго количества даже и въ томъ случаѣ, еслибы фактически была доказана способность учителя вести школу съ большимъ числомъ учащихся. Переводя учителей съ мѣста на мѣсто, безъ объясненія даже причинъ, они десятками увольняли ихъ отъ должности, совершенно игнорируя при этомъ практикою доказанную педагогическую правоспособность увольняемыхъ и руководствуясь лишь отсутствіемъ официального свидѣтельства на званіе народного учителя, котораго (т. е. свидѣтельства) не имѣлъ, какъ извѣстно, и баронъ Н. А. Корфъ—этотъ учитель русскихъ народныхъ учителей. Случалось, что школы подолгу оставались безъ книгъ и учебныхъ пособій, такъ какъ нѣкоторые изъ инспекторовъ ставили непремѣннымъ требованіемъ, чтобы ни одна книга, хотя-бы и одобренная спеціально для народныхъ училищъ, не поступала туда безъ подписи на ней инспектора. Земскіе тюки съ книгами для народныхъ школъ тысячъ на 5—6 рублей направлялись предварительно къ инспектору, и у него образовывалась чудовищная залежь школьныхъ учебниковъ и книгъ. Антагонизмъ между земствами и учебною администраціею доходилъ до того, что инспекторы отрицали право земства хотя бы на простое ознакомленіе съ годовыми ихъ отчетами—и отказывались сообщать ихъ земству.

Эти и подобные имъ факты, съ точнымъ обозначеніемъ мѣстных, времени и дѣйствующихъ лицъ, читатели найдутъ въ книгѣ

барона Корфа — «Наши педагогическіе вопросы». Книга эта служитъ воплощеніемъ того, какъ горѣла и болѣла душа Корфа о невзгодахъ родного нашего школьнаго дѣла. Вместе съ тѣмъ книга эта представляетъ и вѣчный памятникъ талантливости, такта и энергіи, съ которыми онъ боролся за дорогое ему дѣло. И — повторяемъ — это была замѣчательно успѣшная борьба по практическимъ ея результатамъ. Судя по характеру указанныхъ выше фактовъ, дѣло повидимому принимало такой оборотъ, что народное образованіе могло даже окончательно затормозиться и заглохнуть; въ дѣйствительности-же, — какъ сказано уже, — оно неуклонно шло впередъ и разносторонне развивалось. И мы обязаны этимъ главнымъ образомъ тому безпримѣрно пламенному увлеченію, съ которымъ баронъ Корфъ будилъ и поддерживалъ въ обществѣ школьную идею, — тому авторитету, съ которымъ онъ указывалъ на одностороннія увлеченія и ошибки, вредныя для дѣла, опираясь на глубокое знаніе народнаго быта, условій нашей общественной дѣятельности и положенія народнаго образованія въ западно-европейскихъ государствахъ. Эти указанія, горячо и съ убѣжденіемъ высказанныя, способствовали сглаживанію шероховатостей, порожденныхъ невѣдѣніемъ и слишкомъ крайнимъ усердіемъ не по разуму, — и въ результатѣ общерусской дѣятельности по народному образованію получился не минусъ, а *плюсъ*, при большомъ притомъ подъемѣ интереса къ этому дѣлу во всей мыслящей части общества.

Эта заслуга со стороны барона Корфа на пользу просвѣщенія Россіи не только не оцѣнена по достоинству его биографами, но къ сожалѣнію даже вовсе затушевана ими. Если дѣятельность его во время пребыванія за границей не имѣетъ того блеска, которымъ отличалась она раньше, то сущность и энергія этой дѣятельности ни въ какомъ случаѣ не уступаютъ предшествовавшимъ его трудамъ. Размѣры этой дѣятельности тоже поразительны.

Оторвавшись отъ непосредственнаго служенія народной школѣ въ роли педагога, баронъ Корфъ не забылъ однако о текущихъ ея нуждахъ и злобахъ. Тщательно перерабатывая каждое послѣдующее изданіе «Нашего друга», соответственно росту народной школы и ея потребностей, онъ кромѣ того перевелъ «для семьи, народной школы и реальнаго училища» капитальный трудъ Ф. Гардера — «Руководство къ наглядному обученію», въ двухъ объемистыхъ частяхъ. Это — цѣнный вкладъ въ нашу учебную литературу.

Значеніе «Руководства» баронъ Корфъ совершенно правильно *опредѣляетъ* такъ:

«Эта книга, предлагая чрезвычайно интересный матеріалъ по

анатомія, физиологія, ботаникѣ, минералогія, географія, физикѣ, при постоянномъ стремленіи автора повліять научною бесѣдою на нравственность дѣтей, предназначается лишь для матерей и учителей, сохраняя полную свободу дѣйствія за послѣдними. Народный учитель, не имѣя возможности располагать библіотекою, найдетъ въ предлагаемомъ руководствѣ весьма богатую по содержанию справочную книгу, по которой онъ можетъ готовиться не только къ урокамъ «Нагляднаго обученія», но и къ урокамъ чтенія по всякой книгѣ для чтенія, основанной на реальныхъ знаніяхъ; встрѣчая въ этой книгѣ нѣсколько прекрасныхъ образцовъ преподаванія и множество темъ для ученическихъ сочиненій и бесѣдъ съ учащимися, учитель, вдумавшись въ обильный матеріалъ, предлагаемый Гардеромъ, избересть лишь то, что признаетъ пригоднымъ, сообразно времени, которымъ располагаетъ, и силами учащихся. Такъ поступитъ и мать, которая не разъ прибѣгнетъ къ книгѣ Гардера и для того, чтобы отвѣчать на вопросы ребенка, котораго еще не обучаютъ по книгамъ, но который учится изъ жизни и ищетъ помощи у матери своей для разъясненія множества вопросовъ, ежедневно занимающихъ развивающіяся умственные силы. Не разъ мать и учитель воспользуются книгою Гардера даже какъ книгою для чтенія въ классѣ съ тѣмъ-ли, чтобы дать самую книгу въ руки учащимся, внимательно обсудивъ, которыя именно изъ статей годятся для самостоятельнаго и класснаго чтенія.»

Вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ второй части «Руководства», въ 1878 году, баронъ Корфъ выпустилъ новый свой трудъ: «Исторія Востока, Греціи и Рима — для обученія и самообразованія». Какъ было уже сказано выше, исторія была однимъ изъ любимыхъ предметовъ барона Корфа, которымъ онъ очень усердно и вдумчиво занимался и въ лицейскую пору, и во время послѣдующаго самообразованія. Результатомъ этой самостоятельной переработки обширнаго историческаго матеріала и явилась названная книга, предназначенная авторомъ «не только для учащаго и учащагося міра, но и для прочтенія публикою». И эту оригинальную и дѣльную книгу дѣйствительно нельзя не рекомендовать «для прочтенія». Какъ справедливо говоритъ авторъ въ «Предисловіи» къ своей «Исторіи»:

« это — не новое историческое изслѣдованіе по источникамъ, но въ методическомъ отношеніи совершенно самостоятельный опытъ изложенія исторіи на основаніи лучшихъ научныхъ сочиненій по этому предмету, не имѣющей себѣ образца ни въ отечественной, ни въ иностранной литературѣ. Эта книга, не чуждая заимствованій, есть тѣмъ не менѣе результатъ десятилѣтняго преподаванія авторомъ всеобщей исторіи не дѣтямъ, которымъ, по мнѣнію автора, доступны лишь біографіи, — но юношеству; эта книга — результатъ жизни автора и посильной оцѣнки имъ событий древняго міра и раньше его о нихъ высказанныхъ мнѣній.»

Оригинальность этого «опыта» удачно охарактеризована авто-

ромъ слѣдующими словами Лекки, поставленными эпитафюмъ въ «Исторіи»: «Исторія — не просто рядъ событій, только хронологически между собою связанныхъ, но свѣпленіе причинъ и послѣдствій». Именно анализу этого «свѣпленія» и посвящена «Исторія» барона Корфа. Эта «Исторія» была очень слабо замѣчена нашею педагогическою критикою; между тѣмъ она несомнѣнно заслуживаетъ большаго вниманія, какъ трудъ, выдающийся, замѣчательный не въ одномъ только «методическомъ отношеніи»...

Но гдѣ-же и когда именно преподавалъ баронъ Корфъ исторію «юношеству» втеченіи десяти лѣтъ? — Такой вопросъ неизбѣжно долженъ явиться у читателей. Да, въ нашемъ изложеніи есть невольный пробѣлъ. Слѣдя за барономъ Корфомъ, какъ выдающимся и разностороннимъ общественнымъ дѣятелемъ, мы не имѣли возможности касаться его семейной жизни, заслуживающей однако тѣмъ большаго вниманія, что она представляетъ, можно сказать, одно неразрывное цѣлое съ общею его дѣятельностью на пользу всего русскаго учебнаго дѣла. Лишенный въ дѣтствѣ нѣжной материнской любви и ласки, баронъ Корфъ заполнилъ ими свою семью, своихъ дѣтей, и былъ идеально хорошимъ отцомъ и мужемъ. Онъ самъ руководилъ образованіемъ и воспитаніемъ своихъ дѣтей, т. е. двухъ дочерей. Первая учебная книга его («Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому методу») была составлена имъ для своихъ-же дѣтей и впоследствии переработана и примѣнена имъ къ употребленію вообще въ школахъ и дома, т. е. къ обученію и дѣтей, и взрослыхъ. Лично занимаясь и во все послѣдующее время образованіемъ своихъ дѣтей, баронъ Корфъ со времени переѣзда на житье въ Женеву, когда старшей дочери его исполнилось уже 14 лѣтъ, основалъ тамъ свою домашнюю русскую семейную школу. Въ этой-то школѣ, вмѣстѣ съ другими преподавателями, баронъ Корфъ занимался и самъ, давая ежедневно уроки по разнымъ предметамъ, въ томъ числѣ и по всеобщей исторіи. Объ этой школѣ, просуществовавшей не менѣе семи лѣтъ, принято говорить, нивѣсть почему, что она, будто-бы, «не имѣла успѣха». Но о какомъ именно «успѣхѣ» идетъ рѣчь? Если въ образовательно-воспитательномъ отношеніи, — то смѣло можно сказать, что «успѣхъ» ея былъ полный и несомнѣнный. Это безспорно была лучшая изъ школъ, когда-либо существовавшихъ, съ самою разумною программю преподаванія, самая свободная и независимая отъ предразсудковъ. О высокой разумности этой школы можно судить уже между прочимъ и по книгѣ барона Корфа «Исторія Востока, Греціи и Рима», исполненной глубокаго политическаго и философскаго смы-

авно какъ и разумнаго практическаго значенія, въ смыслѣ очень
и вѣрнаго освѣщенія настоящаго прошлаго жизнью челове-
а. Несомнѣнно настанетъ время, когда лица, учившіяся въ «се-
ей русской школѣ барона Корфа» въ Женевѣ, будутъ вспо-
о ней съ еще большею благодарностью и признательностью,
ведоминать онъ самъ о школахъ въ семьѣ Градовскаго и у
шова. Но несомнѣнно конечно и то, что въ *стлжательномъ*
неніи семейная школа барона Корфа не выдерживала никакой
ики и существовала едва-ли даже не въ убытокъ ея основа-
руководителю, первому и главному работнику. Но такова ужъ
а барона Н. А. Корфа—этого энтузіаста и фанатика въ сферѣ
твенной дѣятельности—что для него словно не существовало
ахъ его дѣлъ. Всегда и весь для другихъ, дѣятельно вращаясь
олокѣ «міра сего», онъ, въ смыслѣ личныхъ интересовъ и вы-
былъ въ сущности человекомъ «не отъ міра сего». Поглощен-
увлеченный идеями и стремленіями высшаго порядка, вопроса-
ачами общихъ пользы и нужды, онъ какъ-бы даже совершенно
мѣчалъ положенія и хода своихъ матеріальныхъ дѣлъ. Еще
ытность въ Александровскомъ уѣздѣ, чрезмѣрное увлеченіе
ственной дѣятельностью отразилось довольно чувствительнымъ
ройствомъ его дѣлъ по имѣнію. Но это нисколько не обезку-
до его и—какъ мы знаемъ уже—ни мало не измѣнило харак-
его дѣятельности и увлеченія разъ избраннымъ дѣломъ. Вѣря
ои знанія и силы, онъ никогда не сомнѣвался въ возможности
ить честнымъ трудовымъ заработкомъ. Менѣе всего конечно
есовался онъ своею семейною школою съ точки зрѣнія мате-
рныхъ выгодъ. Онъ устроилъ ее съ цѣлью наилучшаго образо-
и воспитанія своихъ дочерей совмѣстно съ дѣтьми другихъ
сихъ семействъ, проживавшихъ за границую. Въ этомъ отно-
и школа вполне достигала своей цѣли,—и онъ былъ доволенъ.
только по семейнымъ дѣламъ не представлялось болѣе надоб-
и въ школѣ,—онъ ее закрылъ.

Время пребыванія барона Корфа за границею было вмѣстѣ съ
и временемъ очень дѣятельныхъ сношеній его съ западно-
ейскими педагогами, которые знали его больше, чѣмъ кого-
изъ русскихъ педагоговъ, и высоко цѣнили его педагогическое
заніе. Во время пребыванія въ Женевѣ, баронъ Корфъ, какъ по
гу общенію съ мѣстною педагогическою, ученою и вообще ин-
игентною средою, такъ и по своей семейной школѣ, былъ на-
ако видною величиною, что женевская академія наукъ (Insti-
избрала его своимъ почетнымъ членомъ.

IX.

www.libtool.com.cn **Послѣдніе годы дѣятельности.**

Труды барона Корфа въ Мариупольскомъ и Бердянскомъ уѣздахъ.—Возвращеніе изъ заграницы.—Провѣрка знаній взрослыхъ крестьянъ и воскресныя повторительныя школы.—Значеніе книги барона Корфа «Наши педагогическіе вопросы».—Херсонскій сѣздъ учителей и его особенности.—Неудача московской кандидатуры барона Корфа и вліяніе на него этой неудачи.—Смерть.

Какъ сказано уже выше, пребываніе барона Корфа за границею не было непрерывнымъ. Такъ напримѣръ, въ 1873 году онъ былъ вызванъ маріупольскимъ земствомъ, Екатеринославской губерніи, для руководства сѣздомъ народныхъ учителей. Воспользовавшись пребываніемъ его въ Россіи, бердянская уѣздная земская управа, Таврической губерніи, пригласила его обозрѣть ея школы и дать о нихъ свое заключеніе. Благодаря разумному, внимательному и участливому отношенію земской управы, эта педагогическая экскурсія принесла существенную пользу.

Барону Корфу пришлось осмотрѣть только 17 школъ въ этомъ уѣздѣ и произвести испытанія болѣе 900 учащихся. Но представители бердянской управы, сопутствовавшіе ему въ этой экскурсіи, въ каждую изъ посѣщаемыхъ имъ школъ приглашали учителей изъ сосѣднихъ селъ. Въ ихъ присутствіи баронъ Корфъ давалъ образцовые уроки по тѣмъ именно предметамъ, которые въ ней оказывались слабыми. Въ заключеніе же былъ представленъ подробный отчетъ земскому собранію, который былъ напечатанъ имъ и разосланъ по школамъ, въ видѣ мѣры воздѣйствія на учителей. Подъ вліяніемъ личнаго руководства барона Корфа и его отчета, въ Бердянскомъ уѣздѣ въ 1873 году были составлены двѣ инструкціи, направившія дѣло народнаго образованія на рациональный путь: одна инструкція—отъ мѣстнаго училищнаго совѣта—касалась порядка преподаванія, размѣра учебнаго курса, выбора руководства, — словомъ, собственно педагогической стороны дѣла; другая же инструкція—отъ имени уѣздной земской управы—касалась времени начала и окончанія учебныхъ занятій, отношенія учителей къ мѣстному обществу и земству и разныхъ другихъ организационныхъ и хозяйственныхъ сторонъ школьнаго дѣла. Благодаря этимъ земскимъ мѣропріятіямъ, а тѣмъ болѣе — личному руководству барона Корфа, указаніямъ и совѣтамъ, преподааннымъ имъ въ

своемъ «Отчетѣ» земскому собранію, — народное образованіе въ Бердянскомъ уѣздѣ получило такое быстрое, энергическое и прочное развитіе, какимъ не можетъ похвалиться буквально никакая другая мѣстность въ Россіи, не исключая даже столичныхъ и наиболѣе богатыхъ провинціальныхъ городовъ. Въ 1880 году напри- мѣръ, т. е. черезъ семь лѣтъ послѣ посѣщенія барономъ Корфомъ, вполне благоустроенныхъ русскихъ народныхъ школъ въ этомъ уѣздѣ было около 100, болѣе чѣмъ съ 7,500 учащихся; годичный расходъ земства на народное образованіе достигалъ 75 тысячъ рублей, не считая 10,000 рублей, издерживаемыхъ сельскими обществами, и 32,000 рублей, расходуемыхъ нѣмецкими колонистами на собственныя школы, во многихъ изъ которыхъ преподается и русскій языкъ. Къ этому нужно прибавить еще, что въ этомъ типично-крестьянскомъ уѣздномъ земствѣ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ дворянства, сельское населеніе съ такою любовью и сочувствіемъ относится къ народной школѣ, что не считаетъ обременительнымъ для себя одновременно расходовать отъ 3 до 5 тысячъ рублей на сооруженіе школьныхъ зданій.

Указывая на такой поразительный успѣхъ народнаго образованія въ Бердянскомъ уѣздѣ, необходимо добавить, что и борьба этого уѣзднаго земства съ крайне неумѣлою и безтактною мѣстною учебною администраціею также выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. И еслибы не эта борьба, успѣхи бердянскаго земства по народному образованію были-бы еще полнѣе и обширнѣе. Образцово оставивъ напримѣръ свои народныя школы въ матеріальномъ отношеніи, бердянское земство еще въ 1877 г. возбудило ходатайство объ обращеніи 23 одноклассныхъ земскихъ училищъ въ двухклассныя, съ предоставленіемъ имъ полного содержанія отъ земства.

Мы остановились на успѣхахъ школьнаго дѣла въ Бердянскомъ уѣздѣ потому, что этотъ фактъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ вопросу о заслугахъ барона Н. А. Корфа въ области народнаго образованія. Лицо, стоявшее въ то время во главѣ бердянскаго уѣзднаго земства, предсѣдатель управы А. П. Товбичъ, единственный крупный землевладѣлецъ въ уѣздѣ и человѣкъ высокопросвѣщенный, очень серьезно и искренно отнесся къ начинаніямъ барона Корфа въ Александровскомъ уѣздѣ. Почтенный Товбичъ однимъ изъ первыхъ вступилъ съ нимъ въ дѣятельную переписку. Результатомъ этихъ сношеній было то, что уже въ 1873 году, обозрѣвая школы Бердянскаго уѣзда, баронъ Корфъ могъ убѣдиться въ разумной и прочной постановкѣ народнаго образованія. Точно также и въ послѣдующей своей дѣятельности, не исключая даже и періода

IX.

www.libtool.com.cn **Послѣдніе годы дѣятельности.**

Труды барона Корфа въ Мариупольскомъ и Бердянскомъ уѣздахъ.—Возвращеніе изъ заграницы.—Провѣрка знаній взрослыхъ крестьянъ и воскресныя повторительныя школы.—Значеніе книги барона Корфа «Наши педагогическіе вопросы».—Херсонскій сѣздъ учителей и его особенности.—Неудача московской кандидатуры барона Корфа и вліяніе на него этой неудачи.—Смерть.

Какъ сказано уже выше, пребываніе барона Корфа за границею не было непрерывнымъ. Такъ на примѣръ, въ 1873 году онъ былъ вызванъ маріупольскимъ земствомъ, Екатеринославской губерніи, для руководства сѣздомъ народныхъ учителей. Воспользовавшись пребываніемъ его въ Россіи, бердянская уѣздная земская управа, Таврической губерніи, пригласила его обозрѣть ея школы и дать о нихъ свое заключеніе. Благодаря разумному, внимательному и участливому отношенію земской управы, эта педагогическая экскурсія принесла существенную пользу.

Барону Корфу пришлось осмотрѣть только 17 школъ въ этомъ уѣздѣ и произвести испытанія болѣе 900 учащихся. Но представители бердянской управы, сопутствовавшіе ему въ этой экскурсіи, въ каждую изъ посѣщаемыхъ имъ школъ приглашали учителей изъ сосѣднихъ селъ. Въ ихъ присутствіи баронъ Корфъ давалъ образцовые уроки по тѣмъ именно предметамъ, которые въ ней оказывались слабыми. Въ заключеніе же былъ представленъ подробный отчетъ земскому собранію, который былъ напечатанъ имъ и разосланъ по школамъ, въ видѣ мѣры воздѣйствія на учителей. Подъ вліяніемъ личнаго руководства барона Корфа и его отчета, въ Бердянскомъ уѣздѣ въ 1873 году были составлены двѣ инструкціи, направившія дѣло народнаго образованія на раціональный путь: одна инструкція—отъ мѣстнаго училищнаго совѣта—касалась порядка преподаванія, размѣра учебнаго курса, выбора руководства, — словомъ, собственно педагогической стороны дѣла; другая же инструкція—отъ имени уѣздной земской управы—касалась времени начала и окончанія учебныхъ занятій, отношенія учителей къ мѣстному обществу и земству и разныхъ другихъ организационныхъ и хозяйственныхъ сторонъ школьнаго дѣла. Благодаря этимъ земскимъ мѣропріятіямъ, а тѣмъ болѣе — личному руководству барона Корфа, указаніямъ и совѣтамъ, преподааннымъ имъ въ

своемъ «Отчетѣ» земскому собранію, — народное образованіе въ Бердянскомъ уѣздѣ получило такое быстрое, энергическое и прочное развитіе, какимъ не можетъ похвалиться буквально никакая другая мѣстность въ Россіи, не исключая даже столичныхъ и наиболѣе богатыхъ провинціальныхъ городовъ. Въ 1880 году напри-
мѣръ, т. е. черезъ семь лѣтъ послѣ посѣщенія барономъ Корфомъ, полнѣ благоустроенныхъ русскихъ народныхъ школъ въ этомъ уѣздѣ было около 100, болѣе чѣмъ съ 7,500 учащихся; годичный расходъ земства на народное образованіе достигалъ 75 тысячъ рублей, не считая 10,000 рублей, издерживаемыхъ сельскими обществами, и 2,000 рублей, расходуемыхъ нѣмецкими колонистами на собственныя школы, во многихъ изъ которыхъ преподается и русскій языкъ. Къ этому нужно прибавить еще, что въ этомъ типично-крестьянскомъ уѣздномъ земствѣ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ дворянства, сельское населеніе съ такою любовью и сочувствіемъ относится къ народной школѣ, что не считаетъ обременительнымъ для себя единовременно расходовать отъ 3 до 5 тысячъ рублей на сооруженіе школьныхъ зданій.

Указывая на такой поразительный успѣхъ народнаго образованія въ Бердянскомъ уѣздѣ, необходимо добавить, что и борьба этого уѣзднаго земства съ крайне неумѣлою и безтактною мѣстною учебною администраціею также выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. И еслибы не эта борьба, успѣхи бердянскаго земства по народному образованію были-бы еще полнѣе и обширнѣе. Образцово обставивъ напри-
мѣръ свои народныя школы въ матеріальномъ отношеніи, бердянское земство еще въ 1877 г. возбудило ходатайство объ образованіи 23 одноклассныхъ земскихъ училищъ въ двуклассныя, съ предоставленіемъ имъ полнаго содержанія отъ земства.

Мы остановились на успѣхахъ школьнаго дѣла въ Бердянскомъ уѣздѣ потому, что этотъ фактъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ вопросу о заслугахъ барона Н. А. Корфа въ области народнаго образованія. Лицо, стоявшее въ то время во главѣ бердянскаго уѣзднаго земства, предсѣдатель управы А. П. Товбичъ, единственный крупный землевладѣлецъ въ уѣздѣ и человекъ высокопросвѣщенный, очень серьезно и искренно отнесся къ начинаніямъ барона Корфа въ Александровскомъ уѣздѣ. Почтенный Товбичъ однимъ изъ первыхъ вступилъ съ нимъ въ дѣятельную переписку. Результатомъ этихъ сношеній было то, что уже въ 1873 году, обозрѣвая школы Бердянскаго уѣзда, баронъ Корфъ могъ убѣдиться въ разумной и прочной постановкѣ народнаго образованія. Точно также и въ послѣдующей своей дѣятельности, не исключая даже и періодъ

борьбы, А. П. Товбичъ былъ стойко вѣренъ тѣмъ разумнымъ началамъ, которые онъ воспринялъ отъ барона Корфа и путемъ переписки съ нимъ, и посредствомъ личныхъ сношеній, и изъ его журнальныхъ статей. Въ этомъ именно и заключается тайна образцоваго успѣха бердянскаго земства въ области народнаго образованія.

Вообще нужно замѣтить, что мимолетные, такъ сказать, труды барона Корфа въ Мариупольскомъ уѣздѣ, какъ руководителя съѣзда учителей, и въ Бердянскомъ, какъ обозрѣвателя школъ, — произвели большую сенсацію во всѣхъ земскихъ губерніяхъ. Польза отъ непосредственнаго воздѣйствія барона Корфа на народныхъ учителей была очевидна сама собою. Его глубокое знаніе быта народной школы и учителей позволяло ему быстро ориентироваться въ каждой новой мѣстности и отвѣтить на самыя животрепещущія школьныя нужды. Его горячность и любовь къ дѣлу, выдающаяся педагогическая даровитость — вдохновляли и увлекали учителей, пробуждали въ нихъ любовь и уваженіе къ своей скромной дѣятельности и заставляли ихъ дѣятельно работать надъ собственнымъ самоусовершенствованіемъ, тратя на это послѣднія свои средства. Въ хроникахъ земскаго школьнаго дѣла сотнями считаются факты, что учителя не только посредственные, но даже и слабые, недоучившіеся, подъ личнымъ вліяніемъ барона Корфа, дѣлали поразительные успѣхи, какъ въ отношеніи общаго образованія, такъ и педагогической подготовки. Эти плохенькіе, едва терпимые учителя, которымъ нехотя платили первоначально по 50—60 рублей въ годъ, такъ выдвигались вполнѣдствіи успѣхами своихъ школъ, что достигали наивысшихъ окладовъ сельскихъ учителей, т. е. до 400 рублей въ годъ и болѣе. Нужно-ли говорить, чѣмъ былъ баронъ Корфъ для такихъ учителей и какъ безгранично признательна ихъ память о немъ?...

Подъ вліяніемъ примѣровъ маріупольскаго и бердянскаго земствъ, явилось, можно сказать, повсемѣстное желаніе получить барона Корфа или для ревизіи школъ, или для руководства учительскими съѣздами. Мы положительно затрудняемся назвать такую изъ земскихъ губерній, въ одномъ или нѣсколькихъ уѣздахъ которой не возбуждалось-бы вопроса о приглашеніи барона Корфа въ той или другой почетной педагогической роли. Можно съ увѣренностью сказать, что его ожидала совершенно своеобразная дѣятельность — роль кочующаго руководителя и контролера въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи. Примѣръ Бердянскаго уѣзда доказываетъ, какую громадную пользу могъ-бы принести баронъ Корфъ въ этой новой и очень важной роли на полкахъ всего государства.

Но обстоятельства однако помѣшали осуществиться этому благому дѣлу. Вслѣдъ за уставомъ 1874 года о народныхъ училищахъ были опубликованы «Правила» министерства народнаго просвѣщенія объ учительскихъ курсахъ. Хотя «Правила» эти вовсе не отрицали существованія съѣздовъ, — которые, какъ увидимъ ниже, благополучно продолжались впоследствии и продолжаютъ понынѣ, — но въ нихъ не менѣе одностороннее истолкованіе и примѣненіе мѣстной учебною администраціею этихъ «Правиль» повело къ тому, что, начиная съ 1874 года, съѣздовъ не стали разрѣшать, предлагая замѣнять ихъ курсами, тогда какъ функціи тѣхъ и другихъ существенно различны между собою. До исхода 70-хъ годовъ всѣ попытки земства возстановить значеніе учительскихъ съѣздовъ въ прежнемъ ихъ видѣ, главное-же — имѣть руководителями съѣздовъ народныхъ инспекторовъ и директоровъ, какъ мѣстныхъ администраторовъ школьнаго дѣла, а въ полномъ смыслѣ специалистовъ-педагоговъ, какъ баронъ Корфъ, Бунаковъ, баронъ Косинскій и другіе, — не имѣли никакого успѣха.

Вслѣдствіе этого именно барону Корфу пришлось временно быть оторваннымъ отъ непосредственнаго участія въ ходѣ народнаго образованія и воздѣйствовать на него изъ заграницы путемъ писемъ, — какъ это извѣстно уже читателямъ.

Бодрымъ, исполненнымъ того-же огня, который согрѣвалъ его раньше, возвратился баронъ Корфъ въ 1880 году изъ заграницы. Онъ не разочаровался въ своемъ увлеченіи дѣломъ народнаго образованія, въ своемъ служеніи ему. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ между прочимъ вниманія слѣдующій фактъ. Выпуская седьмое изданіе своего «Руководства къ обученію грамотѣ», онъ повѣтилъ его старшей дочери своей, Екатеринѣ Николаевнѣ, по мужу Бонтышъ, при слѣдующемъ характерномъ обращеніи къ ней:

«Дорогой другъ!

«Мы были уже друзьями въ то время, когда, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, я обучилъ тебя грамотѣ по этой книгѣ, въ то время же не печатанной. Прими-же ее отъ меня теперь, когда у тебя же есть сынъ, котораго дай Богъ тебѣ воспитать такъ, чтобы онъ, достигнувъ высшаго образованія, вопросъ о распространеніи грамотности въ народѣ всегда принималъ близко къ сердцу, не на словахъ, а на дѣлѣ.

«Авторъ».

При такомъ направленіи барона Корфа, нисколько не удивительно, что, едва успѣвъ возвратиться въ Россію, лѣтомъ-же 1880 года онъ предпринялъ совершенно новое и очень важное дѣло для народнаго образованія. Онъ задался вопросомъ: насколько

прочное образованіе, даваемое учащимся въ «новой земской школѣ», т. е. разумно организованной народной школѣ? Съ этою цѣлью онъ самъ лично произвелъ экзамены въ шести различныхъ селеніяхъ Мариупольскаго и Александровскаго уѣздовъ, Екатеринославской губерніи, 350 взрослымъ крестьянамъ изъ окончившихъ курсъ первыхъ выпускахъ народныхъ школъ, т. е. около 14 лѣтъ тому назадъ. Довольно характерная подробность, что для производства этого испытанія конечно по доброй волѣ крестьянъ, барону Корфъ пришлось просить разрѣшенія у начальства Екатеринославской губерніи, ссылаясь притомъ вовсе не на свою педагогическую извѣстность и славную дѣятельность въ этой-же губерніи, а только на званіе «дѣйствительнаго члена екатеринославскаго губернскаго статистическаго комитета». Одновременно съ барономъ Корфомъ, по его просьбѣ и программѣ, произвела подобный-же опытъ извѣстная дѣятельница по народному образованію, графиня П. С. Уварова, состоявшая съ барономъ Корфомъ въ давней и дѣятельной перепискѣ, въ рядѣ школъ Смоленской, Владимірской и Московской губерній. То-же было сдѣлано въ Таврической губерніи К. В. Ковалевскимъ, человѣкомъ образованнымъ, занимавшимъ постъ помощника предводителя дворянства. Всего въ пяти губерніяхъ было испытано около 500 взрослыхъ крестьянъ, учившихся лишь три зимы и затѣмъ вполне предоставленныхъ себѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ даже безъ всякой помощи библіотекъ и какой-либо другой посторонней поддержки въ дѣлѣ образованія. На основаніи этихъ данныхъ, баронъ Корфъ пришелъ къ заключенію, что «ходячее мнѣніе о томъ, будто-бы наши школьники весьма скоро вполне разучиваются, должно замолкнуть навсегда, какъ несоответствующее дѣйствительности».

Конечно этотъ выводъ касается лишь разумно организованныхъ школъ, съ пріохочивающею постановкою обученія, возбуждающею къ самодѣятельности. Общимъ оказывается правило, что чѣмъ лучше ведется обученіе въ школѣ, чѣмъ болѣе она увлекаетъ учащихся, тѣмъ прочнѣе удерживаются ими сообщаемыя школоузнанія даже въ деталяхъ. Тѣмъ не менѣе произведенная пробѣрка воочію убѣдила барона Корфа въ невозможности ограничиться въ образованіи сельскаго населенія только тѣмъ, что можетъ дать постоянная народная школа въ три учебныя зимы. И онъ принялся горячо ратовать въ печати за необходимость повсемѣстнаго учрежденія у насъ, въ Россіи, воскресныхъ повторительныхъ школъ, въ видахъ большаго углубленія и упроченія познаній, сообщаемыхъ *регулярною народною школою*, а также и нѣкотораго расширенія

ихъ, примѣнительно къ уровню развитія, возрасту учащихся и потребностямъ жизни.

Въ высшей степени остроумно и просто задумалъ баронъ Корфъ повторительныя свои школы. Для осуществленія ихъ необходимо пользоваться наличными народными школами въ селахъ, наличнымъ же педагогическимъ сельскимъ персоналомъ. На занятія въ повторительной школѣ полагается около трехъ часовъ по воскреснымъ днямъ, всего 20 воскресныхъ учебныхъ дней втеченіи зимы. Плата за занятія въ школѣ—по два рубля за учебный день, всего 40 рублей за весь зимній повторительный учебный курсъ, при крайне ограниченномъ расходѣ на учебныя пособія. Польза-же отъ этихъ школъ—громадная. Молодой человѣкъ, въ возрастѣ около 20-ти лѣтъ, пройдя повторительную школу, т. е. затративъ всего около 60 учебныхъ часовъ въ зиму, получаетъ увѣренность и устойчивость въ приобретенныхъ имъ раньше знаніяхъ, навсегда уже овладѣвъ ими, а главное—знанія эти получаютъ совсѣмъ новое для него освѣщеніе, войдутъ въ стройную систему и тѣсную, органическую между собою связь, чего никакъ нельзя добиться въ томъ раннемъ возрастѣ, въ которомъ учащіеся расстаются съ народною школою (т. е. около 10—12 лѣтъ). Тутъ уже является такое сознательное отношеніе къ дѣлу, какого не можетъ быть даже у самыхъ способныхъ и ретивыхъ школьниковъ въ раннюю пору, за недостаткомъ умственной и нравственной зрѣлости, трезваго пониманія условій и требованій жизни.

Имѣя обыкновеніе отъ слова переходить къ дѣлу, баронъ Корфъ строилъ у себя на родинѣ двѣ воскресныя повторительныя школы для взрослыхъ. На основаніи ранѣе произведенныхъ испытаній лицъ, кончившихъ курсъ въ народной школѣ, и практики вновь открытыхъ имъ школъ, онъ выпустилъ дешевое (50 коп.), но очень остроумное руководство, подъ заглавіемъ: «Руководитель для воскресныхъ повторительныхъ школъ». Эта небольшая книжка обнимаетъ собою программы, конспекты, методическія указанія и домашнія работы для всѣхъ уроковъ втеченіи учебного года и по всѣмъ предметамъ. Оставаясь въ предѣлахъ программы народной школы, придерживаясь общепринятыхъ учебниковъ и руководствъ, баронъ Корфъ, съ глубокимъ знаніемъ дѣла, указываетъ въ своемъ «Руководителѣ» пути и средства къ полной переработкѣ всего учебнаго материала народной школы, во всѣхъ деталяхъ ея программы, придерживаясь при этомъ преимущественно синтетическаго, дедуктивнаго метода, вмѣсто аналитическаго, индуктивнаго метода, обязательнаго при первоначальномъ обученіи.

Нужно замѣтить, что горячая пропаганда барона Корфа въ пользу упроченія и освѣженія уровня элементарныхъ познаній взрослому крестьянскому населенію на нѣсколько лѣтъ опередила подобную-же пропаганду въ скандинавскихъ государствахъ. Но тамъ это движеніе вскорѣ-же вылилось въ форму учрежденія даже особыхъ университетовъ для крестьянского юношества, такъ талантливо описанныхъ профессоромъ математики въ стокгольмскомъ университетѣ, С. Ковалевскою (нынѣ умершею), въ одномъ изъ нашихъ журналовъ. Швеція и Норвегія успѣла уже покрыться густою сѣтью этихъ университетовъ, въ которыхъ крестьянское юношество съ элементарною школьною подготовкою, на порогѣ вступленія въ жизнь и перехода къ самостоятельной дѣятельности, освѣжаетъ и дополняетъ свои познанія. Эти университеты, не представляющіе никакихъ правъ, даютъ своимъ питомцамъ такую обширную подготовку въ области наукъ гуманитарныхъ, политическихъ и общественныхъ, какую не могутъ похвалиться даже молодые люди, оканчивающіе курсъ въ нашихъ среднечуебныхъ заведеніяхъ. Швеція и Норвегія вполне справедливо гордятся своими крестьянскими университетами и достигаемыми ими поразительно благопріятными результатами въ практической жизни. Прочно, широко-образованное крестьянство (скандинавскія государства, какъ извѣстно, преимущественно крестьянскія страны, какъ и Россія) оказывается самымъ надежнымъ насадителемъ и блюстителемъ всяческаго порядка, благоустройства въ жизни и всесторонняго культурнаго преуспѣянія. При этомъ съ несомнѣнною ясностью опредѣлился глубоко назидательный для насъ, русскихъ, фактъ. Чѣмъ шире и глубже образованіе новыхъ и новыхъ крестьянскихъ поколѣній, проходящихъ черезъ специальные университеты для нихъ, тѣмъ крѣпче держатся они земли. Обладая вполне развитымъ и прочно установленнымъ человѣческимъ сознаниемъ и достоинствомъ, крестьянство съ университетскою подготовкою гордится своею трудовою независимостью и ведетъ сельское хозяйство съ безпримѣрною производительностью, обеспечивая себѣ вполне приличное культурное существованіе при такихъ скромныхъ размѣрахъ хозяйства, при которыхъ въ другихъ странахъ терпятъ нѣредко большія лишения и даже голодъ.

Короче говоря, Швеція и Норвегія внесли своими крестьянскими университетами новое слово не только въ исторію мірового народнаго образованія, но даже и въ исторію культуры человѣчества. Они нашли ключъ, разгадку къ обезпеченію прочнаго, мирнаго, прогрессивнаго развитія и систематическаго матеріальнаго улучше-

нія массы населенія путемъ жизненной ея самодѣтельности. Въ виду этого, все прошлое скандинавскихъ крестьянскихъ университетовъ есть непрерывное развитіе и усовершенствованіе ихъ, при энергическомъ содѣйствіи правительства, мѣстныхъ общинъ и частныхъ лицъ. Скандинавцы давно убѣдились уже воочію, что такого рода дѣятельностью они завоевываютъ себѣ самое завидное, славное и прочное будущее, какъ образованнѣйшій народъ, занимающій самое почетное мѣсто по уровню народнаго благосостоянія, культуры и цивилизованности, быстро и безпрепятственно распространяющихся до самыхъ отдаленныхъ провинціальныхъ глубинъ. Эти-же послѣднія достигли уже того высокаго умственного и нравственнаго роста, что въ нихъ совершенно не можетъ быть того, что называется «провинціальною глушью», «дикостью», «отсталостью» и «косностью» сельскаго населенія, въ какихъ-бы окраинныхъ дѣбряхъ оно ни обитало.

Къ этой именно великой и благой дѣли стремился и баронъ Н. А. Корфъ въ своей пропагандѣ повторительныхъ школъ, въ видахъ освѣженія, упроченія и нѣкотораго пополненія знаній взрослого населенія, прошедшаго уже народную школу или дома подучившагося грамотѣ и кое-чему изъ предметовъ элементарнаго курса. Но у насъ, къ несчастью, столь необходимое дополненіе къ курсу народной школы все еще остается, можно сказать, въ области мечты, желаній и ожиданій, если не считать нѣсколькихъ единичныхъ повторительныхъ школъ, остающихся какъ-бы въ видѣ памятника творческой самодѣтельности барона Н. А. Корфа на поприщѣ народнаго образованія.

Ратуя въ печати за повторительныя воскресныя школы («Воскресная школа», «Повторительныя школы для учащихся» и «Образовательный уровень взрослыхъ грамотныхъ крестьянъ»), баронъ Корфъ еще разъ выступилъ съ горячими статьями въ пользу обязательнаго обученія грамотѣ всего подросткающаго поколѣнія, при помощи домашнихъ крестьянскихъ школокъ грамоты, но съ принятіемъ однако мѣръ, чтобы эта маленькая ступенька первоначальнаго обученія не сходила *на нѣтъ*, не обращалась-бы въ рецидивъ безграмотности. Указанныя его статьи, напечатанныя въ разныхъ временныхъ изданіяхъ, вмѣстѣ со статьями, появившимися въ свѣтъ во время пребыванія за границею, а также и нѣкоторыми позднѣйшими, — составили книгу «Наши педагогическіе воопросы», которой было уже упомянуто выше. Эта книга съ одной стороны заключаетъ въ себѣ дѣльный разборъ указанныхъ уже выше одностороннихъ увлеченій учебной администраціи, которыя такъ или иначе

тормозили правильное развитіе дѣла народнаго образованія и болѣе или менѣе мѣшали должному прогрессивному его росту, соответствующенно запросу времени и стремленіямъ мѣстнаго общества. Въспомогательныя съ тѣмъ въ этой книгѣ имѣются драгоцѣнные совѣты и указанія, въ какомъ направленіи должна развиваться дѣятельность общественныхъ учреждений и частныхъ лицъ, чтобы наконецъ мы могли добиться поголовной грамотности всего подростовающаго школьнаго населенія, разумной постановки народной школы и мало-мальски свосныхъ познаній въ средѣ взрослога сельскаго населенія. «Наши педагогическіе вопросы», вышедшіе въ свѣтъ въ 1882 году, въ связи съ двумя другими, извѣстными уже намъ, книгами: «Русская начальная школа» и «Наше школьное дѣло»,—обнимаютъ собою всю исторію русской народной школы, со всѣми ея свѣтлыми и мрачными, положительными и отрицательными сторонами, съ самаго перваго момента зарожденія разумной и регулярной народной школы, т. е. на протяженіи 17-ти первыхъ лѣтъ жизни ея на русской почвѣ. Если къ этому прибавить еще и нѣкоторыя его брошюры, можно безъ преувеличенія сказать, что одинъ баронъ Корфъ сдѣлалъ на пользу разъясненія потребностей и нуждъ русскаго народнаго образованія, бытовыхъ его обстоятельствъ и условій и отношенія къ нему законодательства—несравненно больше, чѣмъ было сдѣлано съ этою цѣлью въ указанный періодъ во всей русской печати. Онъ одинъ велъ это дѣло мужественно, стойко, наперекоръ всевозможнымъ невгодамъ, съ непоколебимою вѣрою въ его успѣхъ.

И успѣхъ былъ несомнѣнный. Баронъ Корфъ высоко держалъ знамя народнаго образованія; голосъ его раздавался на всю Россію—и дѣло народнаго образованія неуклонно развивалось во всевозможныхъ направленіяхъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ замѣтно даже ослабѣли тѣ препятствія, съ которыми приходилось бороться на мѣстахъ въ этомъ отношеніи. Такъ, въ 1881 году, послѣ долгаго перерыва, былъ разрѣшенъ съѣздъ земскихъ народныхъ учителей Херсонской губерніи, который и состоялся въ іюлѣ того-же года, подъ руководствомъ барона Н. А. Корфа, въ Херсонѣ. Это былъ не просто учительскій съѣздъ, но, какъ справедливо назвали его въ свое время, «праздникъ тружениковъ народнаго образованія». Съѣздъ этотъ своевременно былъ описанъ барономъ Корфомъ въ «Русской Мысли». Эта статья, даже въ болѣе полномъ видѣ, вошла затѣмъ въ «Наши педагогическіе вопросы».

Херсонская губернская земская управа пригласила на съѣздъ только 70 лицъ; но имя барона Корфа привлекло къ участію въ съѣздѣ до 250 учителей и учительницъ, въ томъ числѣ изъ шести

слѣдующихъ губерній: Черниговской, Полтавской, Харьковской, Таврической, Подольской и Бессарабской. Наплывъ посторонней публики былъ такъ великъ, что ее допускали на сѣздъ только по билетамъ. Дѣятельность сѣзда отличалась замѣчательною производительною, какъ въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, обратившись къ описанію барона Корфа. Два часа въ день посвящалось ежедневно на образцовые уроки, даваемые учителями и учительницами; одинъ часъ—на лекцію барона Корфа, какъ руководителя курсовъ, объ антропологическихъ основаніяхъ, указываемыхъ на сѣздѣ пріемовъ обученія; одинъ часъ ежедневно удѣлялся обсужденію вопросовъ, поставленныхъ на очередь членами и руководителемъ. Пренія по поводу образцовыхъ уроковъ происходили вслѣдъ за окончаніемъ ихъ.

Этотъ сѣздъ народныхъ учителей, помимо его многолюдства и замѣчательной дѣловитости, имѣлъ еще слѣдующую очень характерную и важную особенность. Согласно программѣ, представленной барономъ Корфомъ, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ, независимо отъ дневныхъ, дѣловыхъ, занятій сѣзда, еще и вечернія собранія членовъ его, съ цѣлью развлеченія. На эти собранія постороннія лица не допускались. Начинались они съ 6¹/₂ часовъ вечера, съ чтенія протоколовъ, и затѣмъ превращались въ литературно-музыкальные и танцевальные вечера, продолжавшіеся до 9 час. вечера. Почетными посѣтителями были представители губернской земской управы, мѣстные директоръ и инспекторъ народныхъ училищъ. Это разумное, находчивое отступленіе отъ общаго шаблона сѣздовъ придало херсонскому сѣзду такое оживленіе, простоту и задушевность, какими не можетъ похвалиться никакой другой сѣздъ.

Изъ постановленій сѣзда заслуживаетъ особеннаго вниманія ходатайство его «о созывѣ кратковременныхъ періодическихъ сѣздовъ учителей и учительницъ, для обсужденія нуждъ школы и учителя». У насъ къ сожалѣнію до сихъ поръ еще крайне не развиты сѣзды учителей; но вотъ какъ это дѣло было поставлено въ Пруссіи еще двадцать лѣтъ тому назадъ. Известный нѣмецкій педагогъ Любенъ въ своемъ «Педагогическомъ Ежегодникѣ» между прочимъ говоритъ въ 1871 году по поводу сѣздовъ:

«Существующая организація, въ силу которой учителя каждаго прихода сѣзжаются ежемѣсячно, учителя каждаго округа—всякіе три мѣсяца, и учителя болѣе обширнаго округа (уѣзда), въ который соединены отдѣльные округа, собираются разъ въ годъ для того, чтобы взвѣсить существенныя условія быта народной школы съ различнѣйшихъ сторонъ и способствовать отправленію обя-

занностей ихъ профессіи, — вездѣ оказалась достигающей цѣли. Нельзя также не признать цѣлесообразнымъ и плодотворнымъ самаго хода учительскихъ сѣздовъ, на которыхъ даются и обсуждаются пробныя уроки, читаются лекціи и рефераты, гдѣ упражняются въ хоровомъ пѣніи и докладываютъ правительственные сообщения. Такое внутреннее устройство учительскихъ сѣздовъ во всякомъ случаѣ можетъ обновлять и дополнять свѣдѣнія членовъ сѣздовъ, содѣйствовать къ установленію въ средѣ ихъ болѣе правильной и широкой точки зрѣнія на вѣренную имъ важную дѣятельность, способно довести учителей отъ знанія до умѣнья и сдѣлать послѣднее плодотворнѣе.»

Къ этому считаемъ необходимымъ еще добавить, что учебная администрація не только считаетъ «долгомъ» созывъ сѣздовъ, но и «наставляетъ», чтобы въ протоколахъ сѣздовъ точно обозначалось, на какомъ именно основаніи кто-либо изъ учителей не присутствовалъ на сѣздѣ, и представилъ-ли отсутствующій «законныя» и «уважительныя объясненія».

Въ виду указанныхъ размѣровъ и значенія трудовъ и заслугъ барона Н. А. Корфа, невольно является вопросъ: какимъ образомъ такой крупный, выдающійся и даровитый общественный дѣятель могъ оставаться не у дѣлъ? Мы не говоримъ о казенной службѣ, для которой баронъ Корфъ былъ слишкомъ независимъ; но вѣдь въ большихъ городахъ, особенно-же такихъ крупныхъ, какъ Петербургъ и Москва, есть общественныя должности для завѣдыванія и руководства дѣломъ народнаго образованія. Казалось-бы, кому же, какъ не барону Корфу, быть руководителемъ въ той или другой столицѣ? Этотъ вопросъ, такъ сказать, самъ собою всталъ на очередь въ глазахъ всей интеллигентной публики послѣ появленія въ юльской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1882 годъ блестящей статьи барона Корфа, подъ заглавіемъ: «Петербургскія и Московскія начальныя училища». Около этого-же времени умеръ извѣстный педагогъ П. Е. Басистовъ, состоявшій при московской городской управѣ завѣдывавшимъ мѣстными народными училищами. Общественное мнѣніе сразу указало на барона Корфа, и бывшій въ то время городскимъ головою, Б. Чичеринъ, предложилъ барону Корфу баллотироваться на открывшуюся вакансію. Но лишь только стало извѣстно объ официальной кандидатурѣ барона Корфа, — двѣ газеты: «Московскія Вѣдомости» и «Новое Время» предприняли противъ барона Корфа невообразимую травлю, такую злостную и разнузданную, какой рѣшительно никогда не выпадало въ печати на долю кого-бы то ни было изъ общественныхъ дѣятелей. По адресу ни въ чемъ неповиннаго барона Корфа посыпались со страницъ этихъ газетъ отборныя, совершенно не

выя инси-

уаціи и брань, вродѣ слѣдующихъ: «безбожникъ», «врагъ духовенства», «утилитаристъ», «вѣмецъ», «пришлецъ», «представитель вѣмецкой педагогій», «материалистъ», «помѣщикъ, а не педагогъ», «неблагонадежный человѣкъ», «противникъ Закона Божія» и проч., все въ этомъ-же родѣ. Мало того: газетные борзописцы копались въ частной, семейной жизни барона Корфа, высчитывали сточники его доходовъ, размѣры его литературнаго заработка, одичный его бюджетъ — и все перевирали неслыханнымъ образомъ. Эта безсовѣстная газетная травля, изъ личной мести, производила однако впечатлѣніе на московскихъ гласныхъ, вызывая въ нихъ недоумѣніе, колебаніе, споры. Въ виду этого, баронъ Корфъ, вызванный уже въ Москву для баллотировки, письмомъ на имя городского головы, отказался отъ баллотировки — «чтобы не вносить разлада въ московское городское общество». Съ своей стороны московскій городской голова, въ письмахъ отъ 18 и 27 октября 1882 года, выразилъ «искреннее сожалѣніе по поводу оборота, который приняло дѣло», и сѣтованіе, что «не пришлось дѣйствовать вмѣстѣ».

Какіе-же однако «личные счета могли быть у газетъ, такъ жестоко напавшихъ на барона Корфа по поводу его кандидатуры? Обѣ газеты, московская и петербургская, принадлежатъ къ тому немногочисленному количеству изданій, въ которыхъ не появилось ни одной печатной строчки барона Корфа за все время его необычайно плодотворной журнальной дѣятельности, хватавшей на десятокъ другихъ повременныхъ изданій иного разбора. Имѣющаяся-же въ нашемъ распоряженіи переписка проливаетъ особенно яркій свѣтъ на эту небывало злостную и злокачественную газетную травлю, на это безцеремоннѣйшее смѣшиваніе съ грязью человѣка высоко-безупречной репутаціи и самоотверженной общественной дѣятельности. Оказывается напримѣръ, что московская газета, такъ безславившая барона Корфа въ 1882 году, лѣтъ 20 тому назадъ первая объявила всей Россіи о славной дѣятельности барона Корфа и справедливо превознесла превосходныя его личныя качества и дарованія. Издатель-же петербургской газеты еще въ 1868 году, не имѣя въ то время своей газеты, но предпринявъ другое повременное изданіе, продолжающее существовать и по-нынѣ, писалъ самыя льстивыя письма барону Корфу, чтобы заручиться его сотрудничествомъ, и до небесъ превозносилъ его, какъ замѣчательнаго и достойнѣйшаго изъ русскихъ общественныхъ дѣятелей. Наконецъ то самое лицо (Дьяковъ), которое такъ безцеремонно относитъ барона Корфа въ петербургской газетѣ и такъ дерзко

занностей ихъ профессіи, — вездѣ оказалась достигающей цѣли. Нельзя также не признать цѣлесообразнымъ и плодотворнымъ самого хода учительскихъ сѣздовъ, на которыхъ даются и обсуждаются пробные уроки, читаются лекціи и рефераты, гдѣ упражняются въ хоровомъ пѣніи и докладываютъ правительственные сообщения. Такое внутреннее устройство учительскихъ сѣздовъ во всякомъ случаѣ можетъ обновлять и дополнять свѣдѣнія членовъ сѣздовъ, содѣйствовать къ установленію въ средѣ ихъ болѣе правильной и широкой точки зрѣнія на вѣренную имъ важную дѣятельность, способно довести учителей отъ знанія до умѣнья и сдѣлать последнее плодотворнѣе.»

Къ этому считаемъ необходимымъ еще добавить, что учебная администрація не только считаетъ «долгомъ» созывъ сѣздовъ, но и «настаиваетъ», чтобы въ протоколахъ сѣздовъ точно обозначалось, на какомъ именно основаніи кто-либо изъ учителей не присутствовалъ на сѣздѣ, и представилъ-ли отсутствующій «законныя» и «уважительныя объясненія».

Въ виду указанныхъ размѣровъ и значенія трудовъ и заслугъ барона Н. А. Корфа, невольно является вопросъ: какимъ образомъ такой крупный, выдающійся и даровитый общественный дѣятель могъ оставаться не у дѣлъ? Мы не говоримъ о казенной службѣ, для которой баронъ Корфъ былъ слишкомъ независимъ; но вѣдь въ большихъ городахъ, особенно-же такихъ крупныхъ, какъ Петербургъ и Москва, есть общественныя должности для завѣдыванія и руководства дѣломъ народнаго образованія. Казалось-бы, кому же, какъ не барону Корфу, быть руководителемъ въ той или другой столицѣ? Этотъ вопросъ, такъ сказать, самъ собою всталъ на очередь въ глазахъ всей интеллигентной публики послѣ появленія въ июльской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1882 годъ блестящей статьи барона Корфа, подъ заглавіемъ: «Петербургскія и Московскія начальныя училища». Около этого-же времени умеръ извѣстный педагогъ П. Е. Басистовъ, состоявшій при московской городской управѣ завѣдывавшимъ мѣстными народными училищами. Общественное мнѣніе сразу указало на барона Корфа, и бывшій въ то время городскимъ головою, Б. Чичеринъ, предложилъ барону Корфу баллотироваться на открывшуюся вакансію. Но лишь только стало извѣстно объ официальной кандидатурѣ барона Корфа, — двѣ газеты: «Московскія Вѣдомости» и «Новое Время» предприняли противъ барона Корфа невообразимую травлю, такую злостную и разнузданную, какой рѣшительно никогда не выпадало въ печати на долю кого-бы то ни было изъ общественныхъ дѣятелей. По адресу ни въ чемъ неповиннаго барона Корфа посыпались со страницъ этихъ газетъ отборныя, совершенно несправедливыя инси-

нуаціи и брань, вродѣ слѣдующихъ: «безбожникъ», «врагъ духовенства», «утилитаристъ», «нѣмецъ», «пришлецъ», «представитель нѣмецкой педагогій», «матеріалистъ», «помѣщикъ, а не педагогъ», «неблагонадежный человѣкъ», «противникъ Закона Божія» и проч. все въ этомъ-же родѣ. Мало того: газетные борзоницы копались въ частной, семейной жизни барона Корфа, вычитывали источники его доходовъ, размѣры его литературнаго заработка, годичный его бюджетъ — и все перевирали неслыханнымъ образомъ. Эта безсовѣстная газетная травля, изъ личной мести, производила однако впечатлѣніе на московскихъ гласныхъ, вызывая въ нихъ недоумѣніе, колебаніе, споры. Въ виду этого, баронъ Корфъ, вызванный уже въ Москву для баллотировки, письмомъ на имя городского головы, отказался отъ баллотировки — «чтобы не вносить разлада въ московское городское общество». Съ своей стороны московскій городской голова, въ письмахъ отъ 18 и 27 октября 1882 года, выразилъ «искреннее сожалѣніе по поводу оборота, который приняло дѣло», и сѣтованіе, что «не пришлось дѣйствовать вмѣстѣ».

Какіе-же однако «личные счета могли быть у газетъ, такъ вѣстиво напавшихъ на барона Корфа по поводу его кандидатуры? Обѣ газеты, московская и петербургская, принадлежатъ къ тому немногочисленному количеству изданій, въ которыхъ не появилось ни одной печатной строчки барона Корфа за все время его необычайно плодотворной журнальной дѣятельности, хватавшей на десятокъ другихъ повременныхъ изданій иного разбора. Имѣющаяся-же въ нашемъ распоряженіи переписка проливаетъ особенно яркій свѣтъ на эту небывало злостную и злокачественную газетную травлю, на это безцеремоннѣйшее смѣшиваніе съ грязью человѣка высоко-безупречной репутаціи и самоотверженной общественной дѣятельности. Оказывается напримѣръ, что московская газета, такъ безславившая барона Корфа въ 1882 году, лѣтъ 20 тому назадъ первая объявила всей Россіи о славной дѣятельности барона Корфа и справедливо превознесла превосходныя его личныя качества и дарованія. Издатель-же петербургской газеты еще въ 1868 году, не имѣя въ то время своей газеты, но предпринявъ другое повременное изданіе, продолжающее существовать и по-нынѣ, писалъ самыя лестныя письма барону Корфу, чтобы заручиться его сотрудничествомъ, и до небесъ превозносилъ его, какъ замѣчательнаго и достойнѣйшаго изъ русскихъ общественныхъ дѣятелей. Наконецъ то самое лицо (Дьяковъ), которое такъ безцеремонно повосило барона Корфа въ петербургской газетѣ и такъ дерзко

предательски копалось въ интимной домашней, семейной его жизни, чрезвычайно много было обязано ему.

Такое удивительное стеченіе обстоятельствъ еще болѣе усилило и обострило для барона Корфа горечь неудачи въ Москвѣ и конечно же увеличило и безъ того тяжелый гнетъ «желчныхъ камней», оставленныхъ ему александровскими землевладѣльцами на память о совѣстной съ ними дѣятельности. Теперь, какъ и въ пору забаллотировки на александровскомъ съѣздѣ землевладѣльцевъ, барону Корфу оставалось утѣшиться тѣмъ сочувствіемъ, которое проявляла къ нему вся благоразумная часть печати и общества. Впрочемъ на этотъ разъ барону Корфу дано было и публичное удовлетвореніе. Въ засѣданіи московской думы 26 октября 1882 года было прочитано письмо извѣстнаго русскаго общественнаго дѣятеля, А. И. Кошелева, въ которомъ между прочимъ говорится:

«Зная барона Корфа лично, зная его изданія и сочиненія, я остаюсь при прежнемъ своемъ мнѣніи, что онъ—человѣкъ, отъменно благонамѣренный, горячо преданный дѣлу народнаго образованія, много для него потрудившійся, строго нравственный, истинно земскій и искренній православный христіанинъ.»

Самъ-же баронъ Корфъ, печатно отвѣчая на инсинуаціи и клевету по его адресу, между прочимъ говоритъ въ заключеніи своей спокойной статьи, написанной по обыкновенію съ большимъ тактомъ и достоинствомъ:

«Я всегда былъ и всегда останусь на сторонѣ религіозно-нравственной *развивающей* школы, такъ какъ желаю людямъ, *сознательно* преданныхъ ученію Христову, *сознательно* относящихся къ себѣ самимъ, своему ближнему и къ Божьему міру и *сознательно* любящихъ Христа, благословившаго дѣтей, не какъ жертву тьмы, а какъ мысль съ безбрежной широтой, которой принадлежитъ будущее и по сравненію съ которою мы, люди, уже пожившіе или отживающіе, представляемъ лишь ограниченное дѣло. Если вы любите школы, то любите молодежь: это—будущее Россіи.»

Московскій эпизодъ, въ виду указанныхъ условій безчинства двухъ газетъ, былъ безъ сомнѣнія очень тяжелъ для барона Корфа. Но, по наружному виду, по ходу дѣятельности, не замѣтно было никакой перемѣны. Въ 1883 году дѣятельность его отличалась такой-же энергіей и разнообразіемъ, какъ и въ предшествовавшіе годы. Въ этомъ году, отвѣчая на текущую сельскохозяйственную злобу всего юга Россіи, онъ выпустилъ въ свѣтъ «чтеніе для народа», подъ заглавіемъ «Хлѣбный Жукъ» (кузька). Эта маленькая 10-ти копѣчная брошюрка, написанная съ большимъ знаніемъ дѣла и замѣчательною ясностью, общепонятно, можетъ служить образ-

помъ—какими должны быть чтенія для народа. Въ июнѣ 1883 года онъ руководилъ учительскимъ съѣздомъ въ Бердянскомъ уѣздѣ съ тѣмъ-же жаромъ, увлеченіемъ и вниманіемъ къ учителямъ, какъ и въ Херсонѣ. Въ сентябрѣ того-же года онъ былъ избранъ почетнымъ попечителемъ «Гиѣдинскаго ремесленного училища», основаннаго извѣстнымъ уже намъ Т. Гиѣдинымъ въ своемъ имѣніи, на собственные средства. Барону Н. А. Корфу пришлось много поработать перомъ, помогая учредителю училища въ борьбѣ съ самыми невѣроятными препятствіями, затянувшими открытіе этого заведенія на 14-ть лѣтъ, тогда какъ на одну постройку училищнаго зданія было затрачено уже учредителемъ его около 35 тысячъ рублей. Бодрымъ, оживленнымъ присутствовалъ баронъ Корфъ на торжествѣ открытія училища. Блестящая рѣчь, сказанная имъ при этомъ, полна надеждами на лучшее будущее, дышетъ юношескимъ увлеченіемъ и огнемъ. Но это было, можно сказать, послѣднею вспышкой угасающей уже энергической его натуры. 13-го ноября 1883 года онъ умеръ тамъ-же, гдѣ и родился, т. е. въ Харьковѣ, на рукахъ любимой супруги, *«отъ окончательнаго истощенія жизненныхъ силъ»*,—какъ опредѣлили врачи причину его смерти. 15-го ноября состоялось погребеніе, при громадномъ стеченіи вышей и нисшей учащей и учащейся братіи, торжественно воздавшей послѣдній долгъ почившему славному подвижнику на поприщѣ общественной дѣятельности вообще и народнаго образованія въ особенности.

Х.

З а к л ю ч е н і е .

И по характеру, и по условіямъ дѣятельности баронъ Н. А. Корфъ занимаетъ совершенно уединенное положеніе въ ряду всѣхъ другихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей. Онъ представляетъ собою глубоко поучительный примѣръ, какъ надо понимать нравственныя обязанности привилегированныхъ людей въ отношеніи *трудоваго населенія*, какъ много можетъ сдѣлать человекъ на пользу общую однимъ личнымъ своимъ пошномъ и самодѣятельностью, если онъ вооруженъ, какъ слѣдуетъ, образованіемъ, если онъ стоитъ на высотѣ пониманія долга, чести, обязанностей и правъ, если онъ вѣренъ своему призванію и стремленію.

ИЗДАНИЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Продается во всех книжных магазинах. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Спб., Лешнуконъ пер., № 2).

Для дѣтей и юношества.

www.lib.ru/PAVLENKO

ШУТОЧНЫЙ РАССКАЗЪ въ стихахъ. В. Буца. Переводъ съ 25 нѣмц. изданій. Около 100 рис. Ц. 60 к., въ пер. 75 к., въ пер. 1 р. 25 к.

ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ Дѣтскіе разск. А. Лядо. Съ рисунками. Ц. 75 к., въ пер. 1 р., въ перелетѣ 1 р. 25 к.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ. А. Врангеліева. Съ предисловіемъ Тургенева и 50 рисунками. Ц. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к., въ пер. 3 р.

ЧЕРНЫЕ БОГАТЫИ. Е. Копроді. Съ 58 рис. Ц. 2 р., въ пер. 2 р. 75 к.

ЗАДУШЕВНЫЕ РАССКАЗЫ Н. Засодимскаго. Два тома съ 186 рис., цѣна книги, въ пер. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

ХОРОШЕ ЛЮДИ. В. Островерско. 45 рис. 2 изд. Въ пер. 1 р., въ пер. 1 р. 75 к.

ИЗЪ ЖИЗНИ ИСТОРИ. А. Арсенева. Съ рис., въ пер. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

ПОСЛУШАЕМЪ! Разск. А. Нольде. 28 рис. Въ пер. 1 р., въ пер. 1 р. 50 к.

ДѢТСКІЙ МАСКАРДЪ. Н. Азбелеса. Съ 16 рис. Ц. 20 к.

НАГЛЯДНЫЯ ЦЕСОБРАЗНОСТИ. (Дѣтскія задачі въ картинкахъ) Ф. Павленкова. 200 рисунковъ на 10 аспектахъ. Ц. 1 р., «Объясненіе» въ книгѣ 5 к.

ТРОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА. В. Обреимова. Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рисун. в 39 частями. Ц. 1 р.

МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ. 50 теоремъ, доказывающихъ, что $2 \times 2 = 5$, часть своего цѣлага, и пр. Составилъ В. Обреимова. 2-е изд. Ц. 40 к.

КРЫ БОЖЬИ. Биографическіе очерки А. Троюмской. Ц. 1 р. 25 к.

ЛОГРАФИИ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУС. ПИТЕЛЕЙ. Составилъ В. Островерскій. Съ портретами. 3 изд. Ц. 50 к.

КНИ ГУСТАФСОНА. Ц. 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 50 к., въ пер. 1 р. 75 к.

ГОРЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ. Ламаръ. Съ 52 рис. 2-е изд. Ц. 75 к., въ пер. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ДИКЕНСА въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелуновой: Давидъ Копперфильдъ, 2) Дюми и сына, 3) Олмивъ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Памъ, обиди другъ, 6) Давидъ Дрипостей, 7) Холодный домъ, 8) Николай Никльби, 9) Кромъ Дорресъ, 10) Два города. Цѣна каждой романа 40 к., въ пер. 50 к.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. С. Ворисюфера. Съ 73 рис. Ц. 2 р., въ пер. 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 50 к.

ЧЕРЕЗЪ ЛѢСЫ И ПУСТЫНИ. С. Ворисюфера. Съ иллюстраціями. Ц. 2 р., въ пер. 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 75 к.

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА. С. Ворисюфера. Съ иллюстр. Ц. 2 р., въ пер. 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 75 к.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОНТРАБАНДИСТА. С. Ворисюфера. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к., въ пер. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

МУЧЕНИКИ НАУКИ. Г. Тисановъ. Переводъ подъ ред. Ф. Павленкова. Съ 55 рис. 3 изд. Ц. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

НАУЧНЫЯ РАЗВѢЩЕНІЯ. Тисановъ. переводъ редакціи Ф. Павленкова. 353 рис. Ц. 2 р., въ пер. 2 р. 75 к.

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ РАЗВѢЩЕНІЯ. Локаса. Съ франц. М. 1 р.

ВЕЧЕРНИЕ ДОСУГИ. А. Крулова. Съ 79 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

РЫБІЙ ГРАФЪ. НЕРАЗЛУЧНИКИ. ДОЧЬ УГОЛЬЩИКА. П. Засодимскаго. Съ рис. Ц. каждой книжки по 35 к.

ЖИВЫЯ КАРТИНКИ. А. Самарова. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ пер. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.

ЯНКИ ВОЛОГОДСКАГО УЪЗДА. А. Крулова. Съ 6 рис. Ц. 25 к.

НЕЗАБУДКИ. А. Крулова. Сборникъ разсказовъ. Съ 40 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ пер. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЧКА. Э. Кандега. 67 рис. Ц. 2 р., въ пер. 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

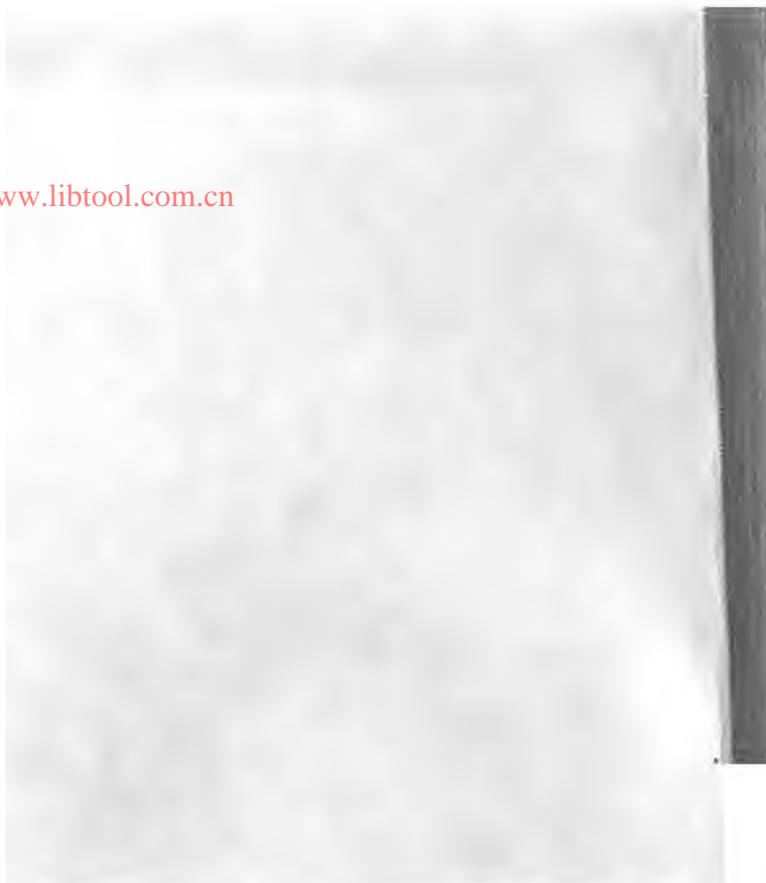
Демонъ. Съ 9 рис. Ц. 5 к.—2) Ангелъ три. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—3) Измаиль-Бей. Съ 5 рис. Ц. 10 к.—4) Хаджи-Абрекъ. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—5) Бояринъ Орша. Съ 7 рис. Ц. 4 к.—6) Пѣсня про купца Калашникова. Съ 7 рис. Ц. 3 к.—7) Мырзи. Съ 7 рис. Ц. 4 к.—8) Ауль Дестуиди. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—9) Литвинка. Съ 7 рис. Ц. 3 к.—10) Наалы. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—11) Кавказскій плыиникъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—12) Корсаръ. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—13) Черное море. Съ 5 рис. Ц. 2 к.—14) Джулю. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—15) Казначейша. Съ 5 рис. Ц. 4 к.—16) Герой изиго времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к.—

17) Бала. Съ 9 рис. Ц. 3 к.—18) Таманъ 5 рис. Ц. 3 к.—19) Книжка Мери. Съ 1 Ц. 12 к.—20) Фаталисъ. Съ 3 рис. Ц. 1 21) Призракъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—22) Маска Съ 5 рис. Ц. 10 к.—23) Испанцы. Съ Ц. 10 к.—24) Ашинъ-Нерибъ. Съ 5 рис. Ц. 25) Книжница Лиговисал. Романы. Съ Ц. 8 к.—26) Люди и страсти, Трагедія. Съ Ц. 8 к.—27) Странный челоуѣкъ, Романи драма. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—28) Два Драма. Съ 5 рис. Ц. 5 к.—29) Въ бѣл легенды. Съ 3 рис. Ц. 5 к.—30) По изъ современной жизни. Съ 5 рис. Ц.

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

DK 100 1002 P4
Baron N.A. Korf :
Stanford University Libraries

3 6105 041 443 206

D
18
K

www.hbtool.com.cn

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

SEP - 8 1979

www.libtool.com.cn